В. ЗЕНЗИНОВ

ЖЕЛЕЗНЫЙ СКРЕЖЕТ

Из американских впечатлений

ИЗДАТЕЛЬСТВО
LA PRESSE FRANÇAISE & ÉTRANGÈRE
O. Zeluk, Directeur
PARIS

В. ЗЕНЗИНОВ

ЖЕЛЕЗНЫЙ СКРЕЖЕТ

Из американских впечатлений

ИЗДАТЕЛЬСТВО
LA PRESSE FRANÇAISE & ÉTRANGÈRE
O. Zeluk, Directeur
PARIS
—
1927

Imp. d'Art Voltaire, O. Zeluk, Directeur, 34, r. Richer Paris (9e)

To my good friend,

Mrs. Manya GORDON-STRUNSKY,

by whose kind help I discovered the United States

НА ПУТИ ВЪ АМЕРИКУ

Специальный поезд из Бремена медленно подходит к Бремер-хавен — рельсы проложены по самой пристани и в вечерних сумерках из окон вагона видны проплывающие мимо громады океанских пароходов. Их черные, тяжелые и неподвижные тела прорезаны бесчисленным множеством светящихся иллюминаторов. Миновав несколько океанских чудовищ, поезд останавливается у «President Roosevelt». Нас уже дожидаются. Вдоль вагона протянулась шеренга одетых в белое стьюартов (лакеи с парохода) — они быстро овладевают нашими чемоданами и исчезают с ними в темноте. Над поездом нависла тень — это сам «President Roosevelt». Палуба ярко освещена, на мостике капитан и его помощники — морские фуражки с белыми чехлами, черные курточки с золотыми позументами — и веселые, задорные звуки американского духового оркестра сопровождают нас, пока мы карабкаемся по крутым мосткам. После темного вечера

яркий электрический свет, которым залиты каюты, слепит глаза.

Да, это другой мир. Пароходный мостик резко отграничил его от того мира, который остался на берегу. И если глазам, привыкшим к темноте, трудно сразу освоиться с ослепительным светом, которым залиты все внутренние помещения парохода, то и сознание с трудом воспринимает все то, что здесь входит в его круг.

Большая каюта, в ней две прекрасные кровати, покрытые белоснежным бельем; умывальник с холодной и горячей водой. У каждой постели свой туалетный столик с выдвижными ящиками и отдельной лампой. Утром вас будит стьюарт и ведет в ванну. Затем — «легкий» завтрак. Американец встает рано и на работу набрасывается со всей энергией человека, за ночь хорошо отдохнувшего. Поэтому с самого утра ему нужно запастись силами — нужно хорошо затопить на весь день свою печь. И они топят. Если англичанин не может обойтись без традиционных ham and eggs, то американцу этого мало — ему необходим еще хороший кусок прожареного steak'a. Перед этим, конечно, для общего освежения — grape-fruit и немножко овсянки. Ham and eggs, впрочем, к чаю тоже не поме-

шают, можно еще прибавить кусочек холодной индейки и немножко мармелада к хлебу..

Солнце уже встало — оно висит золотым шаром над морем и весело блестит на только что вымытой палубе. Хорошо сделать побольше энергичных концов мимо вытянутых рядами chaise-long'ов. Утренний ветер врывается через опущенные зеркальные стекла и через натянутую парусину, сырой морской ветер путает волоса. Безграничный простор мерно дышащего океана вливает в душу бодрость. Можно также найти охотников на другой стороне палубы сыграть в одну из палубных игр — лаун-теннис, где мячи заменены кружками из каната, пароходный крикет и др. Приятно, наконец, вытянуться в chaise-long'e, взять в руки только что вышедшую пароходную газету и узнать последнюю новость — кто победил на последнем состязании base-ball в Нью - Иорке и кто отличился в foot-ball в Лондоне. Об этом услужливо уже сообщило радио. Но, конечно, самым полезным для здоровья занятием является flirt — без него жизнь американского парохода представить невозможно.

Часов около девяти появляется на палубе духовой оркестр — медные трубы настойчиво разносят марши и fox-trott'ы.

Аппетит на море нагуливается быстро — в одиннадцать часов стьюарты разносят по всему пароходу дымящиеся чашки бульона с сандвичами.Несколько человек сидят в writing-room и пишут письма, какой то business-man вынул из портфеля свои бумаги и заготовил уже целую стопку писем — он заканчивает на пароходе дела, начатые в Европе. Скучающая девица с упорством слушает в салоне на пианоле пластинки с ариями итальянского тенора.

В полдень около доски, на которой вывешиваются сведения о количестве пройденных за сутки миль и о положении парохода, оживление. Для американца жизнь — это спорт, риск, игра, борьба.. И смысл жизни он старается найти везде. Каждый день идет пари: десять человек вносят каждый один, два или пять долларов и каждый ставит ставку на одну из любых цифр от нуля до девяти. Выигрывает все ставки тот, чья цифра совпадает с последней цифрой пройденного за сутки расстояния. Лоттерея более чем незамысловатая, но она достигает своей цели — в ней есть элемент риска и случая, а это полирует кровь.

Но вот желанный момент — ровно в час трубит труба. Пассажиры собираются к завтраку. Waiter'ы сняли свои утренние белые куртки и темной гирляндой выстроились

вдоль буфета. К завтраку можно придти в любом туалете — даже в сером дорожном костюме с закатанными чулками. — «How do you do?» — It is splendid weather».

Кое где за столами пустые стулья — качка хотя и невелика, но уже имеются первые жертвы. Закуска, суп, рыба, первое мясное, второе мясное, зелень, салат, сладкое, мороженое, сыр, фрукты, орехи, кофе... Выбрать из огромного списка блюд по своему вкусу дело далеко не такое простое. Поэтому иногда к печатному меню бывают приложены полезные указания: «Mrs. Smillie любезно советует уважаемым пассажирам остановиться сегодня на следующем меню»... — и затем следует примерный обед по вкусу Mrs. Smillie.

Mrs. Smillie — это одна из уважаемых пассажирок... Невидимый струнный оркестр играет Cavalleria rusticana, фокс - трот «On the Broadway», танго «I love you, California», стьюарты чинно лавируют вокруг столов, искусно эквилибрируя блюдами при качке.

Глубокие кожаные кресла ожидают вас в курительной комнате — там вам дадут чашку кофе, там вы можете перекинуться в карты или немножко подремать с книгой в руках....

Пароход рвется вперед, разрезая волны, с железной непреклонностью борясь с ветром,

с дождем, с туманами... Но об этом можно забыть, сидя в салоне. Вокруг больших тяжелых столов уютно сдвинуты мягкие кресла, они придвинуты вплотную к камину, в котором электрические лампочки устроены так, что создают иллюзию охапки пылающих дров. Какой то мечтательный пассажир устроился за роялью и играет «Sonata quasi una fantasia».

Но на этом пароходе надолго задуматься нельзя — в пятом часу стьюарт уже обносит всех чаем, за ним другой — с огромным блюдом пирожных. Полагается, собственно говоря, тот чай пить в tea-room — в той самой комнате, устроенной в виде обвитой плющем беседки, которая находится наверху — на четвертом этаже парохода, но это не обязательно. С чашками в руках пассажиры разбредаются по всему пароходу.

Несколько пар флиртует на палубе, курительная комната полна табачного дыма, группа лиц сидит в салоне у камина и все громко смеются при виде того, как низенький толстый американец кого-то изображает в лицах, в writing-room с романами в руках сидят пожилая дама в больших черных очках и старик, уронивший свою книгу на пол и сладко дремлющий...

Половина седьмого; опять раздается труба

архангела. Она все и всех приводит в движение. Хлопают двери в каютах,на лестницах и в коридорах оживление,—все спешат к себе— умыться, привести себя в порядок, приодеться. Dinner— дело серьезное. Дамы надевают декольтированные светлые платья, мужчины — смокинги. На это уходит полчаса. В семь часов — снова труба. Опять невидимый струнный оркестр, опять гирлянда стьюартов — на этот раз в черных фраках, опять длиннейшее меню из 12-14 блюд.... То-же, что было и днем, только торжественнее.

После обеда опять легкий отдых в курительной комнате или у себя в каюте. Сегодня, в 9 часов вечера, как гласит об'явление в пароходной газете и как вывешено на доске — танцы. Перед этим на палубе сеанс синематографа. Танцы происходят в салоне под звуки оркестра. Танцуют по американски — с деловым видом, энергично, как на пружинах. Возраст при этом не играет никакой роли. Танцуют молоденькие девушки, но танцует и пожилая дама в черных очках,в зеленом декольтированном платье, танцует с серьезным выражением лица и тот businessman, который сегодня весь день писал какие-то письма. Ибо танцы в Америке не столько развлечение, сколько гимнастика — и танцы особенно рекомендуются на пароходе, так как способству-

ют пищеварению и предохраняют, по мнению авторитетов, от морской болезни.

Таков день американского парохода.

Переезд из Европы в Америку — это небольшой перерыв в битве жизни.. Здесь, на пароходе, businessman ничего не делает, поэтому он требует, чтобы в его распоряжении были все удобства, весь комфорт, который может ему дать современная Америка. Вот почему каждый пассажир на американском пароходе окружен такими заботами, вот почему на 125 пассажиров первого класса приходится 220 человек экипажа, из них — 104 стьюарта, старающихся угадать в пути каждое ваше желание....

НЬЮ — ИОРК

В первое время по приезде в Нью - Иорк европеец не может не почувствовать себя провинциалом. Стремительно - бурный бег американской жизни и совсем иной, одному лишь Нью - Иорку свойственный масштаб, не могут не произвести на него оглушительного впечатления. Случайно это или нарочно, но пароходы из Европы все должны пройти как раз мимо самой грандиозной части Нью - Иорка, нижнего Мангаттана, в котором расположены самые большие небоскребы в десятки этажей. Здесь переход от Европы к Америке происходит сразу, каким-то одним большим прыжком.

Наш пароход подошел к Нью - Иорку вечером, когда уже совсем стемнело. Берега надвинулись на нас незаметно. Америка показалась тяжелой темной массой слева и сейчас же справа появился залитый огнями Кони - Айленд, этот остров развлечений для всего Нью - Иорка. Пароход вошел в пролив между Ричмондом и Бруклином и скоро с левого бор-

та проплыла залитая ослепительным электрическим светом статуя Свободы. Возвращающиеся к себе домой американцы, как полагается, дружно прокричали ей три раза ура и пароходный оркестр заиграл бодрые и самоуверенные американские народные песенки, слившиеся затем с американским гимном. И с правого борта надвинулись громады Манхаттана.... Для человека, видящего их впервые, это, конечно, вовсе не дома. Эти небоскребы кажутся какими-то человеческими фабриками будущего, в чудовищной диспропорции нагроможденными одна на другую. Они скорее даже походят на громады вздымающихся к небу скал, на допотопных чудовищ. И тысячи тускло сверкающих окон кажутся перламутровой чешуей, отливающей на темном и тяжелом их теле.....

Днем здесь бурно и трепетно бьется жизнь. Это деловая часть города — нью - иоркский Сити. Здесь расположены оффис-ы, торговля, здесь же рядом и знаменитая Wallstreet, улица банков. Здесь создаются капиталы, здесь упорным трудом или азартным размахом составляются те грандиозные состояния, которые своими размерами напоминают окружающие небоскребы. Дома здесь походят на скалы и улицы — на ущелья, в которые никогда не заглядывает солнце.

Здесь люди всегда торопятся и бегут, на ходу второпях заскакивают в один из многочисленных ресторанов, чтобы проглотить lunch, затем бегут дальше, считая в уме барыши, комбинируя в голове одним им понятные цифры. Здесь делают деньги. Но вечером здесь тихо и темно, на улицах почти нет прохожих, рестораны закрываются рано. Небоскребы стоят, как заснувшие чудовища. К вечеру жизнь уходит отсюда в другое место — в район 42-ой улицы, Times square.

Но, Боже мой, что делается здесь!

Как только темнота начинает опускаться над городом, главная артерия Нью - Иорка, Broadway, начинает жить с удвоенной, утроенной напряженностью. Вдоль ее безпрерывной лентой в обе стороны мчатся автомобили. Черные, зеленые, желтые (их зовут здесь желтой опасностью), синие, красные. Требуется большая ловкость, находчивость и присутствие духа, чтобы между ними благополучно перебежать с одного троттуара на другой. И иногда это было бы делом совсем трудным, если бы на помощь не приходили стоящие на перекрестках полисмены. Полисмен протягивает свою магическую палочку и движение, как по волшебству, замирает, он пронзительно свистит — и прерванный на мгновение поток ринулся дальше. Поразительна власть этого че-

ловека — она похожа на власть дирижера, управляющего многоголовым оркестром! В некоторых местах, напр., на 5-ом авеню, для полисменов устроены высокие ажурные будки, из которых они управляют уличным движением — и когда на перекрестке вспыхивают два красных фонаря, автомобили замирают и пропускают прохожих.

Все магазины ярко освещены. Рестораны, кафе, кондитерские, аптекарские магазины, в которых не только можно купить аспирин, и духи Guerlain и Coty но также можно выпить лимонад и даже закусить, огромное количество автомобильных магазинов — в том числе Форда, где вы можете купить двух - местный автомобиль за 295 долларов с выплатой по пяти долларов в неделю. И чуть ли не в каждом табачном магазине — принадлежности радио... Здесь, в этом районе, где скучились театры и кинематографы Нью - Иорка, световая реклама празднует вакханалию. В разноцветных огнях горят не только стены домов, но, кажется, и само небо. Переливаются, мигают, вспыхивают. Вот на стене шесть человеческих фигур в виде квадратиков, нарисованных детской рукой, проделывают в такт гимнастические движения — между ними название популярной в Америке жвачки, gum. Где то высоко, высоко, на 25-ом этаже, горит

огромная надпись — автомобильные шины. Она забралась так высоко, что верхние этажи уже скрылись во мгле и кажется, будто золотые буквы вырезаны на небе. Полощется на ветру флаг, он откуда то искусно освещен электрическим лучом и кажется языком бледного пламени, трепещущего в воздухе. Где то над домами бегут одна за другой исполинские буквы, складывающиеся в целые фразы — и если вы имеете терпение дочитать до конца, то можете узнать, что лучший напиток к обеду, это фруктовый лимонад, вполне заменяющий вино. Вот на стене целое извержение Везувия — сначала вы видите самый вулкан, затем из его жерла вылетает сноп искр, затем они падают вниз и гаснут в огненном море, затем исчезает все и на черном фоне горит название макаронной фабрики.....

А внизу, под этими огнями, шум и трепет никогда не устающей жадной жизни. Шуршат автомобили, скрежещут железом трамваи, из решетки в троттуаре вырывается глухой шум подземной железной дороги (Subway), орет откуда - то — не то из под земли, не то с крыши небоскреба — громоподобное радио и вы даже можете разобрать его отдельные слова, смеется, шумит и гудит толпа. Среди всего этого шума и скрежета вдруг доносятся характерные звуки пулемета. Среди большой

толпы, на Times square, действительно, стоит между мчащимися автомобилями пулемет с направленным на облака жерлом и стреляет... Пустые гильзы автоматически вылетают в толпу и толпа со смехом их ловит. Это вербуют добровольцев в американскую армию! Вот кондитерская, где каждый час — в течение четырнадцати часов в день — приготовляют свежие конфекты, вот кафе, где на глазах у толпы голубые девицы в изящных белых передниках пекут на электрической плите пирожные. В окне сидит сильно декольтированная и напудренная девица и показывает преимущества универсального пера, которое не дает клякс. Большая толпа стоит и слушает: похожая на сарай, ярко освещенная электричеством аудитория, выходящая прямо на троттуар. На трибуне энергичный лектор с шестом, указывающим на развешенные по стенам таблицы. « Изучите ваш собственный характер, познайте себя — в этом источник вашего богатства, ваших успехов: если вы служащий, вы можете подчинить своему влиянию вашего принципала, — если вы хозяин, вы сумеете ваших служащих заставить работать более производительно».. — А вот другая аудитория. На стенах множество фотографий, под стеклом разложены сбразцы не то минералов, не то почвы. В глуби-

не огромная модель какого - то селения с орошенными полями, озером, плотиной, водопадом, с какими-то плантациями.Молодой человек красноречиво убеждает вас, что если вы бросите Нью - Иорк и решитесь переехать в Мичиган, который сейчас требует не менее одного миллиона колонистов, то там вы сумеете начать совершенно новую жизнь — и там вас ждет богатство, а ваш труд, приложенный к земле, окупит себя в тысячу раз.

Шумит и гудит толпа, все дальше и дальше со скрежетом и грохотом несется жизнь. Вдруг уличный шум прорезал колокол — это мчится бешеным темпом автомобильная пожарная команда, на каждой повозке раскачивают огромный колокол. Но кругом такой шум, такое движение, что пожарную команду еле замечают.

Жизнь кипит до поздней ночи — я видел здесь банки, открытые по вечерам — быть может вы забыли днем провести какую - нибудь спешную финансовую операцию, я видел автомобильные магазины, в которых в 11 часов ночи толпились покупатели — быть может им некогда было сегодня днем купить автомобиль...

⁂

Уличная жизнь Нью - Иорка несравнима с жизнью какого - нибудь другого города. Ее

бешеный темп, ее стремительный бег, ее желание схватить вас, стиснуть, измолоть между своими жерновами, выжать и затем выбросить, как нечто уже использованное и потому больше ненужное, отчетливо сознается и ощущается в этом железном скрежете. Это — борьба, отчаянная борьба за существование, в которой побеждает лишь сильный, а слабый безжалостно растирается между колесами бегущих все дальше колесниц. Всем управляет, над всем господствует частный интерес, частная инициатива. Это торжество бессердечного индивидуализма, презирающего нелепую выдумку слабых о какой-то общности частных интересов. И так как здесь все сильны, у всех железные челюсти и здоровые кулаки, то все остаются победителями. Побежденных не видно — они где - то там растираются в порошок, в иммиграционных бюро, отсылающих иммигрантов обратно в Европу, в каких - нибудь благотворительных учреждениях армии спасения, где временно бесплатно кормят потерпевших жизненное крушение, иногда они на мгновение показываются из боковых улиц в виде инвалидов с музыкальным ящиком на спине...

В этой уличной жизни чувствуется избыток здоровья и силы. В этой стране торжествующего индивидаулизма и поглощения общего

интереса частными какое значение может иметь коммунистическая идея, не потерявшая до сих пор в Америке в какой-то, правда, ничтожной части населения своей притягательности, как притягательна бывает чужая, не совсем знакомая и совсем еще неиспытанная мода?... Когда подумаешь о том, что эта бегущая по улице толпа, прекрасно знающая, чего она хочет и куда она стремится, безгранично уверенная в себе, сытая и даже пресыщенная, в сущности совершенно удовлетворенная и собой довольная, может практически заинтересоваться коммунистическими опытами и попробовать от системы торжества частных интересов перейти к устроению жизни на новых началах коммунистического целого, — становится просто смешно. В общей системе американской жизни коммунизм может быть, конечно, только причудой. Кое кого и за барским столом может потянуть на кислую капусту, но разве когда - нибудь сможет кислая капуста вытеснить с этого стола те жирные говяда, которые на нем лежат?....

Большую психологическую ошибку делают те, кто всерьез думает о возможном успехе коммунистической пропаганды в Америке. Впрочем, есть ли вообще такие?...

СОБОР АМЕРИКАНСКОЙ КОММЕРЦИИ

Когда я впервые приехал в Нью - Иорк, приятель, который взялся мне показать город, сделал следующее: прежде всего мы с ним нырнули с восемнадцатого этажа гостиницы, где я остановился, в подземную железную дорогу. — «Возьмем экспресс, — сказал он, — в обыкновенном поезде мы слишком долго проедем». — Разве нам так далеко ехать? — спросил я.— Приятель снисходительно на меня посмотрел, но ничего не ответил — да и невозможно было почти разговаривать в этом грохоте железа и камня. Где-то мы остановились. Приятель взял меня за рукав и мы вышли. Выйдя на улицу, на солнце, я чувствовал себя еще оглушенным железным скрежетом подземной дороги. — «Взгляните на это здание», — сказал мой чичероне. Я послушно выполнил его указание — и остановился в остолбенении. У меня не только падала шапка с головы,но,кажется,хотела отвалиться и самая голова, — сколько я ни задирал ее вверх, я никак не мог увидать, где кончается это «здание».

Ему, как будто, не было конца — во всяком случае, с того места, на котором мы стояли (это было на другой стороне улицы), конца видно не было. — «Это самое высокое здание в мире, — глубокомысленно сказал приятель, — пятьдесят восемь этажей».

Мы стояли перед знаменитым зданием Вульвортса, на Бродуей, в нижнем Мангаттане, центре деловой жизни нью - иоркского Сити.

Здание Вульворста имеет 792 фута высоты; из всех европейских построек выше его только одна Эйфелева башня(1000 футов),оно выше египетских пирамид,кельнского, страсбургского, римского и всех других соборов мира — поэтому американцы считают его самым красивым зданием на земле.

Мы вошли в один из двадцати девяти лифтов, день и ночь обслуживающих здание, и сразу поднялись до 36 этажа, на 700 футов — мы взяли экспресс; здесь были также лифты, которые останавливались на каждом десятом этаже и обычные пассажирские, останавливавшиеся на каждом этаже. С чрезвычайной быстротой взлетели мы на этом лифте до 54-го, там должны были пересесть на крошечный лифт, вмещавший лишь четырех пассажиров, и уже в фонаре этого здания медленно поднялись еще на четыре этажа.

Кругом открывалась панорама радиусом на 25 миль. У ног расстилался город гигант, отчетливо видна была река Гудзон, остров Лонг - Айлэнд, Атлантический Океан с малюсенькой статуей Свободы. По улицам, как мухи, ползали люди. Свистал ветер и срывал с головы шляпу.

Я дважды взбирался на Риги, был на вершине Юнгфрау, бродил по горам Швейцарии и Кавказа и заглядывал в пропасти, но никогда при этом не испытывал страха высоты. Где то я читал, что вершина Эйфелевой башни находится в постоянном колебании — Эйфель будто бы даже учел при постройке то обстоятельство, что вершина башни делжна делать колебания не менее одного метра. И мне вдруг показалось, что здание Вульвортса тоже колеблется (позднее в купленном мною тут же описании я прочитал, что по отношению к зданию Вульвортса эта гипотеза с негодованием отвергается, что было доказано даже экспериментально) — странная мысль пришла мне в голову: а что, если эта штука упадет как раз в то самое время, когда я стою на самой ее верхушке? И вид с высоты здания Вульвортса, воспеваемый американцами, мне почему то перестал казаться интересным. Спутнику мне не хотелось признаться в своем малодушии, но, сознаюсь, я вздохнул с большим облегчением,

когда мы снова вошли в лифт, чтобы спуститься на землю. Я следил по часам — спуск продолжался на несколько секунд меньше минуты, этажи мелькали перед глазами —мы летели вниз со скоростью 45 кил. в час; казалось, мы падали. Во всяком случае при этом определенно чувствовалось сопротивление воздуха — он с силой вырывался снизу через щели прикрытой двери — казалось, мы сидели в пробке огромного нагнетательного насоса; при этом чувствовалось давление в ушах. Американцы, которые вообще на лифтах ездят со стремительной быстротой вверх и вниз, говорят про такой спуск, что «Вы спускаетесь, а ваши кишки следуют за вами» — действительно, какое то неприятное ощущение внутри себя при этом вы испытываете... Как бы там ни было, но, очутившись на твердой земле, я вздохнул полной грудью и невольно сказал с раздумьем: — «М-да...»

Здание Вульвортса стоило его строителю 13.000.000 долларов. Оно выстроено из лучшего греческого мрамора, привезенного с острова Скироса. Население всего этого сооружения равно 14.000 человек — целый городок; за день его лифты поднимают и спускают не меньше 35.000 человек. В ней помещается огромный банк, занимающий четыре этажа, ресторан, в одном из подземных этажей

(их всего три, так что, собственно говоря, здание имеет 61 этаж) — огромный бассейн для купания и турецкие бани, открытые для публики днем и ночью; внизу множество самых разнообразных магазинов, во всех этажах — сдающиеся в наем оффисы. Вы можете прожить в этом здании, как в маленьком городе, не выходя из него — все, что вам надо, можете закупить здесь же.

В одном из нижних этажей помещаются машины, дающие жизнь этому зданию — они дают электричество, тепло, воду и воздух (да, и воздух! — о том следует ниже). Машины работают день и ночь — их сила 1500 килоуатт, этого было бы достаточно, чтобы снабжать электрическим освещением город в 50.000 жителей. Воздух на уровне шестого этажа особыми приспособлениями нагнетается вниз, пропускается через тонкие сита, затем — через завесу из фильтрованной воды и уже, наконец, в очищенном виде распределяется по всем помещениям. Летом он охлаждается в специальных холодильниках, зимой согревается в трубах. Вода для отопления нагревается в шести гигантских котлах, располагающих вместе 2500 лошадиных сил. О количестве потребляемого угля можно судить по тому, что угольный погреб здания вмещает свыше 2000 тонн угля.

Приняты специальные меры, чтобы условия жизни в этом здании отвечали всем требованиям безопасности,санитарии, гигиены.Особое внимание обращено на работу лифтов; внизу устроены специальные воздушные подушки, которые не позволяют лифту при падении разбиться, расположены при этом лифты так, что если какой - нибудь из них застрянет между этажами, соседний лифт может под'ехать к нему и все пассажиры смогут выйти через боковую дверь. При этом каждый лифт, даже во время движения, соединен специальным телефоном с нижним этажем. На всякий случай, однако, в здании имеется и походный госпиталь, а также и специальная комната для отдыха — последняя предназначается для девушек - переписчиц, которые в огромном количестве работают в расположенных в здании оффисах; там постоянно дежурят сиделки.

Ежедневно не меньше 150.000 почтовых отправлений получается в этом здании,их доставляют 12 почтальонов; отправляемая отсюда почта сбирается при помощи специальных труб,проходящих через все этажи,в 4-х колоссальных почтовых ящиках — в течение 24 часов почта из них вынимается 27 раз. В здании имеется 2800 телефонов, т. е. больше, чем обычно бывает в американском городе с насе-

лением в 45.000 человек; в среднем в день бывает около 38.000 телефонных вызовов.

Естественно возникает вопрос: насколько прочно все это сооружение? Строитель уверяет, что его прочность не меньше прочности Гибралтарской скалы. Как и весь город, это здание стоит на скале Мангаттана, оно покоится на 69 стальных кессонах, уходящих в скалу на 110 футов ниже уровня улицы. Вес всего здания, считая также максимальное давление ветра на его поверхность, равна 223.000 тонн, т. е. 24 тонны на квадратный фут; мертвая тяжесть каждого кессона - колонны превышает возможное давление ветра на поверхность здания. И даже ураган силою в 200 миль в час (таких вообще даже и не бывает) не может вызвать ни малейшей вибрации верхушки здания.

Здание Вульфортса имеет свои отделы — пожарный, полицейский, по очистке, по исправлению и общему охранению, — все они работают день и ночь. Хотя все помещения в общей сложности занимают около 30 акров площади (свыше 10 десятин!), они все без исключения в течение ночи подметаются, 5000 окон моются раз в неделю; ночные сторожа совместно с полицейскими и специальными детективами обходят все здание в течение ночи каждый час....

Таково это здание, которое американцами считается одним из чудес Нью - Иорка, да и не одного только Нью - Иорка. Они сравнивают его с Парфеноном, Колизеем, Собором Парижской Богоматери!.... Некий мистер Паркес Кэдмен, написавший предисловие к брошюре, посвященной зданию Вульвортса, сам указывает, что не золото и не камень составляют истинную ценность этих зданий, а то духовное начало, которое они воплощают и выражают. — «В средние века, — говорит он, — религия монополизировала искусство и архитектуру, в наше время в Соединенных Штатах ее заменила коммерция». — И он с пафосом называет здание Вульвортса «Собором Американской Коммерции». — «Кисть Тернера и красноречие Рескина бессильны описать красоту той части нижнего Мангаттана, где возвышается это здание. Взгляните сюда с Бруклинского моста, когда вечерняя темнота смягчит его резкие линии и загорятся бесчисленные окна. Ночью — залитое электрическим светом, прозрачное — летним утром, оно напоминает то райское видение, которое открылось Иоанну — эта картина вызывает чувства, слишком глубокие, чтобы их выразить даже слезами»... Вот до какого вдохновения доводит практичных американцев созерцание этого «Собора Коммерции»....

Но кто же тот человек, которому пришла идея выстроить это здание? Кто такой сам Вульвортс? Его биография не менее интересна, чем созданное им здание.

Свою карьеру Вульвортс начал в 1873 году скромным 20- ти летним приказчиком в тихом провинциальном городке нью-иоркского штата, на жаловании 3 доллара 50 цент. в неделю. В течение 6 лет он в роли приказчика прослужил в маленьком магазине разных вещей, достигнув жалования в 8 дол. 50 центов в неделю. Однажды он был свидетелем следующего события: в числе разных товаров в магазине его принципала была разная мелочь, закупленная в Нью - Иорке и расцененная им по 5 центов штука — им отвели в магазине отдельный прилавок. Как по мановению волшебства, прилавок этот освободился от товаров в тот же день и деньги дождем потекли в кассу. Мур (такова была фамилия хозяина Вульвортса) задумался над этим и на другой день поехал в Нью - Иорк за новыми покупками — теперь он этих мелочей накупил там уже на целых сто долларов. Повторилось то же самое — вечером он выписал пяти-центовых товаров по телеграфу еще на 75 долларов. — «Началось, — как говорит сам Вульвортс в написанной им автографии, — настоящее сумасшествие — публика накинулась на эти пяти-центовые то-

вары». — В некоторых соседних городках открылись специальные магазины этой мелочи. Служащих Мура тоже охватила лихорадка. Не избежал ее и Вульвортс. Он пошел к своему хозяину и спросил его, каков должен быть капитал, чтобы начать подобную торговлю. Оказывается, для этого необходимо было 300 долларов. И Мур не только сообщил своему приказчику все необходимые по этому вопросу сведения, но даже предложил ему этого товара на 300 долларов в кредит — для американской психологии факт чрезвычайно характерный: лови счастье сам и помоги другому поймать его счастье!

Вульвортс в 1879 г. простился с Муром и открыл свою лавочку в городе Утике с населением в 45.000 жителей. Успеха он не имел — выбранное им мѣсто оказалось неудачным. Через три месяца он открыл новую лавочку с товаром в 5 и 10 центов в Ланкастере — на добавочный кредит в 300 долларов, снова открытый ему его прежним хозяином. На этот раз попытка увенчалась успехом — в один день он наторговал на 127 дол. 65 цент. Он открыл новую лавочку в соседнем городе, которая прогорела и четвертую — в четвертом городе, которая имела успех. — «Я склонен думать, — говорит Вульвортс, — что в моих успехах главную роль играла настойчивость и

нежелание примириться с неудачей». — Решающую роль сыграли конфеты, которые он ввел в свой товарооборот — несмотря на протесты всех своих сотрудников. Доход от них был ничтожный, но они притянули в его магазины множество совершенно новых покупателей, а затем начали давать доход и сами. В 1913 году магазины Вульвортса закупили в общей сложности 70.000.000 фунтов конфет — «мы, — говорит Вульвортс, — сейчас продаем три четверти фунта каждому, проживающему в Соединенных Штатах и цены на конфеты мы понизили в стране приблизительно на 50 процентов».

В 1886 г. Вульвортс открыл свой первый магазин в Нью - Иорке, в 1905 году у него по всем городам имелось уже 300 магазинов с общим капиталом в 10 миллионов долларов, а в 1919 г. (год смерти самого Вульвортса) у «Компании Вульвортса», куда он не забыл ввести и своего первого принципала, мистера Мура, имелось уже свыше тысячи магазинов по всей стране с капиталом в 120 миллионов.

Магазины Вульвортса до сих пор имеют товары лишь в 5 и 10 центов. Вы найдете эти магазины во всех концах Нью-Иорка — в бедных кварталах и в богатых. Один из самых больших магазинов Вульвортса находится на Пятом Авеню — он всегда полон. Чего, чего

нет в этих магазинах — разнообразие выбора поражающее: письменные принадлежности, духи, конфеты, книги, принадлежности хозяйства, буфет, за которым вы можете закусить и выпить лимонаду или молока (все тоже не свыше 10 центов). Словами Гоголя можно сказать: «чего, чего нема на той ярмонци — колеса, стекло, тютюн»... Но, конечно, не только ста, но и тысячи карбованцев в кишени не хватит вам, чтобы «закупить усию ярмонцю». Материальный успех Вульвортса имеет, вероятно, еще одну психологическую причину, которую он утаил в своей автобиографии — но я испытал действие этого психологического момента на себе совершенно ясно. Каждый раз, когда я заходил сюда за покупкой какой - нибудь мелочи, я уходил с набитыми карманами — так много соблазнительного и совершенно необходимого, чего, кажется, все время искал и что, наконец, нашел, имеется здесь.

«Я чувствую, — кончает свою автобиографию Вульвортс, — что пяти и десяти - центовая торговля в экономике нашей страны сыграла огромную конструктивную роль,а в жизни нашей нации в смысле понижения стоимости жизни и удержания цен на низком уровне сделала больше, чем какие - либо другие факторы». — В этом отношении Вульвортс, вероятно, прав.

Американцы склонны считать Вульвортса одной из крупнейших фигур современности. Быть может, это верно. Но только не в том смысле, в каком себя оценил Вульвортс. Он значителен, как пример человеческой настойчивости и интуитивного угадывания того, к чему могуть быть приложены человеческие дарования. Именно из такого человеческого материала рождаются изобретатели, про которых Томас Эдисон говорил: «изобретение является на 2 процента результатом того, что называют inspiration (вдохновение) и на 98 процентов результатом того, что именуется perspiration (пот)».

ВЗРОСЛЫЕ ДЕТИ

— «Вы были в цирке?» —

— Не был и не собираюсь — терпеть его не могу.

— «Напрасно. В ваших американских впечатлениях будет пробел. Цирк в Америке — одно из самых характерных и интересных зрелищ».

Мы проходили, как раз мимо Мэдисон Гарден, где сейчас гастролирует знаменитый американский цирк Барнума. Толпа черным потоком вливалась в жерло входа. Несколько касс едва справлялись с продажей билетов. Цепью стояли полицейские с резиновыми дубинками и непрерывно выкликали: «Джентельмены, здесь продаются билеты в 5 центов!» — «Здесь — билеты в один доллар десять центов!» — Можно было подумать, что они заманивают публику в цирк — в действительности они просто следили за порядком и регулировали движение толпы.

Представление начиналось в восемь — теперь было лишь семь, но толпа валила валом:

за час до открытия цирка публика осматривает зверинец и кунсткамеру цирка.

Цирк Барнума — едва ли не одно из американских национальных установлений. Его имя сделалось не только популярным, но, кажется, даже нарицательным едва ли не во всем мире. Его биография — сплошной роман с приключениями, притом в чисто американском стиле. Был нищим — сделался, конечно, миллионером. Когда Барнум в 1891 году умер, вся американская пресса оплакивала его смерть — это был национальный траур. Его цирк перешел потом в другие руки, но сохранил имя своего создателя.

«Цирк является самым типичным американским развлечением — в жизни Америки он играет гораздо большую роль, чем в жизни европейского континента» — уверяет оффициальная цирковая программа. — «Цирк — радость для детей и для взрослых, которые могут хотя бы на короткое время в детей превратиться», — рассуждает философ, ее составлявший.

От людей, долго проживших в Амеирке, мне часто приходилось слышать уверения, что американцы, по самому существу своей психологии — просто взрослые дети. Отсюда многие их особенности — не только в повседневном быту (жажда сильных впечатлений,

свежесть восприятия, роль спорта, реклама, характер прессы), но в литературе, искусстве, архитектуре и даже в политике. Наблюдение это, вероятно, справедливо....

Я вспомнил об этом, как только вошел в цирк и потонул в цирковой толпе.

Прямо от касс поток вынес меня в кунсткамеру или, как американцы назвали это помещение — The strange people, т. е. «странные люди».

Если бы мне кто - нибудь потом рассказал о тех диковинах, которые в этой комнате были собраны, я, право, не поверил бы. Вдоль стен большой комнаты идут помосты, посредине тоже какие-то возвышения. На них сидят, стоят и лежат эти «странные люди». Вот, например. Представьте себе небольшой круглый столик на треножнике,—из тех, на которые у нас ставят в приемных графин с водой. На нем вместо графина с водой стоит или вернее поставлено... как бы это рассказать, чтобы вы поверили.... Молодая хорошенькая женская головка, рук нет, ног тоже нет, туловище кончается у бедер. Головка мило улыбается и поворачивается во все стороны. Пожалуйста, не думайте о каких-нибудь там зеркалах или тому подобных фокусах — вы можете обойти вокруг столика, вы можете, если у вас хватит смелости, дотронуться до туловища, погово-

рить с головкой — головка, как и все другие живые диковины, продает открытки со своим собственным изображением. Рядом — «бэби», какая то вздувшаяся гора мяса, имеющая форму человека, с необ'ятными руками и ногами — самый толстый человек, которого вообще может нарисовать человеческое воображение. А для контраста тут же на стуле сидит «человек-скелет», обтянутый в черное трико — студенты медики первого курса могут прекрасно практически изучать на нем остеологию. Следующий номер — мрачный мексиканец в широчайшей шляпе — сомбреро; сложен он вполне пропорционально, но невольно оглядываешься кругом и начинаешь ощупывать себя — перед ним все люди и ты сам кажутся какими-то пигмеями, в голенища своих широчайших мексиканских сапог он может спокойно посадить по человеку. Тут же на столике, на миниатюрном стуле, сидит одетый во фрак лиллипут, своими крошечными фарфоровыми пальчиками принимает он от вас пятицентовую монету, которая в его руках кажестя огромной, с форсом, но, видимо, и с некоторым напряжением бросает ее в ящик и выбирает из лежащей на столе пачки свою фотографию, — что то говорит, в чем то толпу пискливым голосом уверяет.... А это что за чудо? — подаешься невольно назад... На стуле

спокойно сидит фигура мальчика лет семнадцати, пропорционально и правильно сложенная, но.... вместо головы львиная звериная морда — Lionel — еле видны глаза под длинными жесткими волосами. Какие - то два суб'екта с желтыми волосами, завитыми в длинные папильотки, странные, соломенные, кудрявые бороды, идиотские лица — оба одеты во фраки и будто бы читают газеты, бессмысленно водя перед самыми глазами печатные листы, — над ними надпись: «посланники с планеты Марс». Ацтек с птичьей головой, представитель племени крао - женщина с огромной черной бородой, три неразличимых сестры - близнецы, шпагоглотатели, какой - то резиновый человек, который, сжав руки, проходит через образовавшееся таким образом кольцо, свободно поворачивая его снова за спиной и над головой. Опять лиллипуты, пигмеи, миджеты, необ'ятная толстуха, человек-змея....

Спирается дыхание.

Толпа вынесла к стеклянной клетке, в которой сидит сенсанция Нью - Йорка — Джон Даниэль, молодая трехлетняя горилла, только что вывезенная из центральной Африки; она уже была предметом изучения американских ученых, которые нашли, что по своим интеллектуальным способностям из всех четверо-

руких этот экземпляр оказался к человеку существом наиболее близким. На этом основании его воспитательница, англичанка мисс Кэннингем, обращается с молодой гориллой, как с ребенком, и не может нахвалиться ее миролюбивым и ласковым характером — гориллы, оказывается, вегетарианцы и становятся вообще страшными лишь тогда, когда испугаются. Жирафы (10.000 долларов штука!), слоны, львы, тигры, носорог, гиппопотам с маленьким гиппопотамчиком...

В этой толпе человекообразных диковин и зверей я вдруг почувствовал себя дряхлым европейцем. Толпа смеялась и радовалась, ни одной попытки подразнить или надсмеяться, у диковин покупали открытки, слонам бросали в слюнявые рты орехи в мягкой скорлупе, на лицах посетителей детский наивный восторг. Это, действительно, были дети — они кричали, смеялись до слез, хлопали в ладоши.. А мне при виде всего этого почему то сделалось невыразимо грустно. Вот эти три сестры - близнецы, если бы они сошли с подмосток и смешались с толпой, никто на них не обратил бы ни малейшего внимания — они ничем решительно не отличаются от других. Но это — близнецы, их, действительно, нельзя отличить одну от другой, а потому они выставлены на показ, на них показывают пальцами, до

них любой из толпы может дотронуться. Они — такая же диковина, как этот мрачный мексиканец, который с презрительным и скучающим выражением лица смотрит на снующую у его ног толпу, как этот «человек - скелет», у которого такое грустное выражение лица — быть может, он всегда голоден и боится есть, чтобы не превратиться в нормального человека? Смертельную тоску, казалось мне, я прочитал и в желтых глазах великолепного бенгальского тигра, неподвижно глядевшего куда то мимо радостно - возбужденной толпы, тоска явно была и в мокрых слезливых глазах тюленя, лежавшего на спине в своей клетке, изнывавшего в душном и смрадном воздухе зверинца и, быть может, в эту минуту мечтавшего о ледяных просторах северного океана..

Представьте себе колоссальный манеж — значительно больше московского: шире, длиннее и выше. Полукруглым амфитеатром идут места — внизу арена. Нет, виноват, не арена, а целых шесть цирковых арен, каждая в отдельности таких размеров, как у нас Саломонский или Чинизелли. Они занимают внизу весь полукруг. Все залито светом безконечного множества электрических фонарей. Светло и тем не менее огромная черная толпа, заполнившая цирк, в противоположном углу едва различима во мгле. Сколько тысяч людей вме-

щает этот цирк, — «самое большое здание в мире» (ну, конечно!) —я не знаю. И заметьте — представления в цирке идут два раза в день и всегда цирк полон. В течение целого месяца он гастролирует в Нью - Йорке, в конце апреля отправится в Вашингтон, Филадельфию, на Запад и по всей стране — конец сезона 5 ноября. Теперь подсчитайте, сколько миллионов американцев пройдет через этот цирк втечение всего этого более чем семимесячного сезона, во время которого как сообщает оффициальная программа, будет сделано 15.793 мили...

Откуда то раздается свисток — другой инструмент здесь не был бы услышан. Это сигнал оркестру — увертюра из «Вильгельма Телля» наполняет здание. Длинная процессия тянется через всю арену. Описывать ее бесполезно — это смесь самых фантастических сооружений, которые влекут слоны, верблюды и лошади, смесь самых фантастических одеяний, самых фантастических людей — все диковинные существа из кунсткамеры также принимают в ней участие. Новый свисток. Оркестр играет «Венгерскую рапсодию» Листа. На арену выкатывают несколько закрытых фургонов, которые останавливаются у клеток. Клетки быстро наполняются львами и белыми медведями, среди них снуют укротители зверей с би-

чем в одной руке и револьвером в другой, щелкает бич, стреляет в разинутые пасти револьвер — львы и медведи ревут и послушно прыгают — a positive sensation! — «положительная сенсация!» Это во всех трех клетках одновременно. А наверху в это же самое время, в виде летающих бабочек, держась на весу за что-то зубами, кружатся воздушные танцовщицы. Со своего места я не могу видеть всего, я вижу лишь часть зрелища, как и каждый. Где-то далеко раздаются аплодисменты — но кто и кому аплодирует в этом водовороте, угадать невозможно.

Львов и белых медведей убрали, вместо них клетки наполнились «бенгальскими, сибирскими и суматрскими тиграми» — positively the greatest acts — «положительно самое великое!» — и в то же самое время под плеск аплодисментов с'езжает на голове—в буквальном смысле слова! — какой-то акробат по протянутой через весь цирк сверху вниз по диагонали проволоке.

Трубят трубы. Из ворот выходит длинная процессия — медленно шествуют слоны, тридцать слонов один за другим. Идут чинно, важно, с сознанием собственного достоинства, хоботами держат друг друга за хвосты, как дети, которые держатся за руки, боясь потеряться. Их встречает гул аплодисментов. Играют в

футбол — мяч так и летает от одного слона к другому — «впервые в истории» — the first time in history. Уверяю, я ничего не преувеличиваю. Скачут на диких конях лихия наездницы—«сестры Рейфенах с Уральских гор» (честное слово!),медведь на канате,медведь на велосипеде (или то был слон?) лихо раскатывал по арене — да, на огромном двухколесном велосипеде... Вот балерина — «Павлова на проволоке» — исполняет на проволоке сложнейшие балетные танцы и все современные танцы под звуки джаз - банда — positively the most sensational — «положительно наиболее сенсационное!» Сразу шесть групп акробатов, гимнастов, атлетов — борятся, летают с трапеции на трапецию по воздуху, ломаются на высоченных лестницах. С визгом выскакивают на бешеных конях ковбои с Запада, соскакивают на всем скаку на землю, снова вскакивают ногами на седло, ловят друг друга в лассо, ловят сразу восемь всадников. Их сменяют изящно одетые джентельмены на дивной красоты лошадях. Оркестр играет вальс и лошади исполняют танец, с невыразимым изяществом перебираяточеными ножками — поразительно красивая картина...

Вдруг свет во всем цирке погас — все потонуло во тьме. Вспыхнули восемь ослепительных прожекторов и направили свои лучи

вверх, под купол цирка. Там появилось прозрачное воздушное облачко — воздушная танцовщица, проделывающая на трапеции свои головоломные пируэты. Одно неосторожное движение — и она полетит вниз, где от нея останется лишь одно воспоминание... Цирк замер и лишь льются нежные звуки оркестра. Сзади я услышал какое - то сопение. Оглянулся — позади меня сидели не то корейцы, не то какие - то сиамцы с разинутыми ртами, они окаменели, окостенели от избытка впечатлений..

Снова по обычному гремит музыка. На всех шести аренах множество тюленей. Они качаются на качелях, перебрасываются мячами, балансируют на носу огромными шарами, жонглируют зажженными факелами... Вот вылетел на арену табун диких «татарских жеребцов», группа клоунов поджигает только что выстроенный ими дом, мчится пожарная команда на автомобилях, автомобили взрываются, из них вылетают во все стороны снопы огневых искр, сами автомобили распадаются на все свои составные части...

Не знаешь, на что смотреть — всюду шум, треск, движение. Действие происходит одновременно не только на всех шести аренах, но на песке арены, в воздухе, на трапециях, на проволоке, в сетке... Вздыхаю с облегчением,

когда в заключение гремит марш и арену снова обходит длинная процессия.....

Чувствую себя размолотым, раздавленным, размозженным — мне кажется, что в моем мозгу крутились все эти велосипеды, прыгали львы, взрывались люди, бешено мчались лошади....

Радующаяся, смеющаяся, веселая толпа катится из цирка. У всех возбужденные лица, сверкающие глаза. А завтра утром — опять за пишущую машинку, за стол, за прилавок. Тут, в цирке, в два часа, завтра опять закрутится то же колесо — вся программа будет повторена от первого до последнего номера, и днем и вечером. Так будет завтра и послезавтра... У каждого свой заработок, свой job, каждый воюет с жизнью по своему — но воюет и бьется прежде всего. Что это была бы за жизнь, если бы не надо было за нее бороться... И должна быть устроена эта жизнь еще так, чтобы борьба одних была радостью и весельем для других.

— «Пойте, резвитеся, дети!»....

АМЕРИКАНСКИЙ ГОРОД

Кливеленд — это огромный город с населением не менее одного миллиона (пятый по размерам в Америке), вырабатывающий в своих слишком трех тысячах промышленных предприятиях 14.000 видов различных изделий, занимающий 56,65 квадратных миль, имеющий 76 отелей, из них два отеля по тысяче комнат в каждом, 5 театров на 20.000 человек, 125 школ и 20 колледжей, 25 аудиторий, при чем одна из них на 12.500 слушателей, 14 детских площадок, 40 площадок для игры в base-ball, 63 площадки для тенниса и 14 скетинг-рингов; на каждые семь жителей здесь приходится по одному автомобилю; по своему финансовому и промышленному значению это четвертый город в Соединенных Штатах и первый город в санитарном отношении — средняя цифра смертности (включая сюда и раздавленных автомобилями) всего лишь 10,47 на тысячу; здесь один из лучших художественных музеев на всем свете, один из лучших в свете симфонических оркестров и т. д.

и т. д. — так по крайней мере гласит оффициальный путеводитель.

В Кливеленд я приехал из Чикаго поздно вечером и остановился в Colonial Hôtel. Выбор оказался не вполне удачным: мне отвели большую комнату в... первом этаже. Это для меня было большой неожиданностью — до сих пор ни разу не останавливался ниже одиннадцатого: в Нью - Иорке на одиннадцатом этаже, в Вашингтоне на двенадцатом, в Чикаго на семнадцатом. Я как то даже не предполагал, что в американском отеле может быть первый этаж! Два огромных пыльных окна — как две холодные пропасти. Единственным утешением была кровать посередине комнаты. На ней — груда тонких шерстяных одеял. Такую систему я нигде еще не видывал. Вы можете покрыться таким количеством одеял, которое точно соответствует вашему вкусу и темпераменту. Почему то — повидимому,

соответственно с наименованием отеля — вся прислуга, мужчины и женщины, были исключительно негры.

Вечером пошел прогуляться. Город — как все американские города: груда высоких, поставленых торчком сигарных ящиков. На главных улицах блистательный фейерверк электрических реклам— магазины, кинематографы, отели, театры. И, конечно, стремительный поток жизни и бесконечное множество повторяющихся во всех американских городах сигарных магазинов, маленьких ресторанов, закусочных, кондитерскихъ и универсальных аптекарских магазинов с национальным ice cream-soda.

Американский город на меня производит впечатление чего - то складного. Складные дома изобретены Америкой (кажется, Эдиссоном) — это нечто вроде тех готовых книжных полок, которые теперь в большом распространении и в Европе: они в одно и то же время закончены и незакончены; по мере роста вашей библиотеки вы покупаете добавочные полки и прилаживаете их к уже имеющимся у вас. Так и складные дома — вы можете заказать маленький дом, можете затем по телефону затребовать новый этаж, — вам привезут и сложат все, как следует. Я уверен, что американский город тоже может быть разобран. И

если ночью перевезти какой - нибудь чикагский квартал в Кливеленд, а кливелендский в Нью - Иорк, никто утром не заметит этого перемещения.

На улицах все неудержимо торопятся, как будто боятся куда - то опоздать. В Нью - Иоркѣ существует такой анекдот: американец, садясь в вагон подземной жел. дороги (так называемый Subway), ошибся и сел не в экстренный поезд (express), а обыкновенный (local). Он был чрезвычайно взволнован и раздражен своей ошибкой. — «Почему вы так волнуетесь»? — спросил его сосед - японец. — «Как почему, — негодовал американец, — я бы приехал домой на целых две минуты раньше»!

— «А что бы вы сделали с этими двумя минутами»? — Ответа не последовало.....

Днем и при солнечном освещении Кливеленд показался интереснее. Правда, окраины его серы и тусклы. Прямые параллельные улицы, уходящие в бесконечную даль — при этом довольно узкие. Местами улица очень грязна и в мостовой имеются даже выбоины. Это на окраинах. Впрочем, я никогда не мог узнать в американском городе, где его окраина. Вы можете сесть в тремвай или даже в железнодорожный вагон в центре города и затем ехать час, полтора, два — картина будет все одна

и та же. Может быть, вы из одного города уже переехали в другой, а может быть, вы еще в пределах одного и того же.

Но в каждом американском городе обязательно имеется место, где более или менее скучены небоскребы. Ибо небоскребы имеются повсюду. Я пришел к убеждению, что теснота вовсе не является главной причиной возникновения небоскребов. Нет, небоскребы несомненно, отвечают какой то духовной потребности американца — отвечают его вкусу. Американская психология любит сильное, резкое, большое. Как автомобильный мотор, американская жизнь двигается вспышками. Вот почему в американской газете каждый день должны быть сенсации. Поэтому же в американском разговоре так много прилагательных и наречий, употребляемых в превосходной степени.

Небоскребы в каком - то смысле отвечают этой американской потребности растолкать всех локтями и выбраться первым вверх.

Есть, конечно, такое собрание небоскребов и в Кливеленде. Здесь лихорадочно снует толпа и все куда-то торопятся (не с целью ли выгадать те две минуты, о которых говорится в нью - иоркском анекдоте?). На ходу заскакивают в аптекарский магазин и, взобравшись у стойки на высокий стул, поглощают ice-cream-soda (мороженое с содовой водой —на-

циональное блюдо Америки, ибо мороженое в Америке не деликатес, а еда). Все заняты, все всем интересуются. С азартом, как спорт, «делают деньги», увлекаются автомобильными гонками, гольфом, base - ball'ом, ходят на lunch, tea - party и dinner'ы, где или делают business или слушают лекции и доклады. Жадность к жизни и ко всему новому необыкновенная, какая может быть лишь у молодой нации. Вот почему Америка является таким международным караван-сараем для всех музыкантов, лекторов, артистов и примадонн. И в этом нет никакой моды. Нет, американец всем этим, действительно, интересуется — интересуется искренне. В этой восприимчивости есть что-то почти детское.

В американском городе больше всего, конечно, поражает его богатство. Я нигде не видел таких богатых зданий, предназначенных для общего пользования (почта, публичные телефоны, вокзалы и пр.), как в Америке. Размах здесь воистину широкий. Многое кажется даже чрезвычайным, излишним — все эти, по существу совершенно ненужные, мраморные hall'ы, например. Но все это проистекает из потребности комфорта, свойственного вообще американской жизни: все должно идти на потребу человеческой жизни и, в силу некоторой упрощенности американской психологии

— прежде всего на потребу физической стороны человеческой жизни. Марфа здесь определенно победила Марию (конечно, как всякое общее утверждение, оно требует и некоторых поправок). Вот почему для этого алтаря не жалеют жертв — такой расточительности, какая существует в Америке в повседневной жизни, я не видывал нигде. Все должно быть свежее, первоклассное, первосортное — все остальное немедленно бросается в мусорный ящик. Трудно представить себе психологически что - нибудь более противоположное, чем немецкую Sparsamkeit и крохоборство с одной стороны, щедрость и расточительность американцев — с другой. Для типичной немецкой хозяйки жить в Америке было бы, вероятно, настоящей нравственной пыткой.

Создать храм для человеческого тела — это, повидимому, одна из главных задач (или последствий?) американской культуры. А эта культура создана, конечно, американским городом.

ДИНАМИЧЕСКИЙ ГОРОД—ГОРОД ФОРДА

Это, конечно, Детройт — beautiful and dynamic Detroit, т. е. прекрасный и динамический Детройт, город красоты, новейших идей, активности, удовлетворенного труда, великодушного капитала и безграничной мощи — так, по крайней мере, рекомендует его городской голова (acting mayor) Детройта Джозеф Мартин в своем оффициальном путеводителе, в котором он «от имени народа г. Детройта сердечно приветствует посетителей». Детройт, уверяет он — город с душой, город, в котором, действительно, только и начинаешь ценить жизнь по настоящему....

Почему?

Не знаю, как на счет красоты — это дело вкуса. Центральная часть города, где расположены главные городские здания, магазины и банки, с американской точки зрения, несомнено, прекрасна. Прямые, по линейке проведенные улицы, множество высоченных небо-

скребов в двадцать и больше этажей, стремительные потоки автомобилей, густая, черная толпа на всех троттуарах. Все, как полагается. Правда, в другой части города все совсем иное. Улицы, конечно, тоже прямые, но дома — мне неловко рассказывать, но собственно говоря, дома здесь больше все одноэтажные и — я, право, не преувеличиваю — деревянные.... Впрочем, кто же обращает внимание на эти части города, хотя в них и живет большинство населения, — ведь настоящим городом называется та его часть, где делают деньги, где в несколько мгновений создаются и разрушаются состояния, где американки заняты своим постоянным занятием — shopping (т. е. хождением по магазинам), где на улицах немолчно гудит и жужжит в своей суете толпа.....

Во всяком случае, сами американцы искренне думают, что Детройт — один из самых, если не самый прекрасный город в Америке, а значит и во всем свете.

Что же касается «динамичности» города, то тут, конечно, двух мнений быть не может и оспаривать мистера Джозефа Мартина немыслимо. Вы только подумайте: в 1900 г. население Детройта равнялось 285.000, в 1923 г.— 1.200.000 (т.е. 4-й по количеству населения город в Америке), а в 1935 г. мистер Мартин обе-

щает ни в коем случае не меньше 2.000.000. Это один из самых промышленных и богатых городов Америки, его занятый в производстве капитал равняется 1.230.471.000 долларам, ежедневно в Детройте производится промышленных изделий на сумму свыше 6 миллионов долларов. Во время войны в деле подписки на внутренний заем Детройт побил все рекорды — в 24 часа он подписался на 83 миллиона долларов. Но быть может всего замечательнее в промышленном отношении Детройт тем, что он никогда не знал и не знает рабочих волнений — «удовлетворенный труд — великодушный капитал». А между тем в Детройте сейчас насчитывается не больше — не меньше, как 310.000 рабочих. Главным образом это об'ясняется тем, что заработная плата в Детройте — самая высокая в мире: 6 долларов 50 центов в среднем за восемь часов работы (квалифицированный труд).

Детройт — автомобильная столица мира; 65 процентов всех автомобилей в Америке производится здесь. Здесь имеется 31 автомобильно - тракторная фирма. Здесь в течение суток каждые пять с половиной секунд появляется на свет Божий в совершенно законченном виде автомобиль. В 1923 году Детройт выпустил 2.400.000 автомобилей.

Рост Детройта в первую очередь связан с автомобилем и развитием автомобильного производства.

И, конечно, первым среди автомобильных королей является Генри Форд. В первый же день вашего приезда вы встретитесь с его именем и потом, куда бы вы не пошли, каковы бы не были те интересы, которые привели вас в Детройт, вы неизменно, несколько раз в день будете наталкиваться на имя Генри Форда.

Детройт — город Форда.

Множество огромных, из железа и стекла корпусов — целый отдельный город. Он особенно эффектен вечером и ночью — кругом ночная темнота и только из этих стеклянных домов излучается синеватый свет: вы чувствуете, что жизнь там бьет ключем. В Детройте хорошо знают снимок: линии корпусов Ford Motor Company а перед ними колоссальная толпа тех, кто у Форда работает, т. е. десятки тысяч человек, голова к голове. Толпа эта производит впечатление огромной армии.

Прежде чем вы придете к Форду, прежде чем попадете в вашу очередь для осмотра, вам уже прожужжат уши фордовскими чудесами. Вам расскажут, что на заводах у Форда сейчас работает около 70.000 человек — не

меньше половины иностранцы, представители 58 различных национальностей земного шара, что в настоящее время Форд выпускает в год 2.250.000 автомобилей или около 7.000 автомобилей в сутки и все - таки не успевает удовлетворить пред'являемого к нему спроса

— чтобы купить Форд, необходимо на несколько месяцев записаться раньше; вы узнаете, что рабочий день продолжается 8 часов — тремя сменами в сутки, что именно Форд дал толчок пышному расцвету Детрой

та, об'явив в 1914 году неслыханную по тем временам заработную плату — 5 долларов в день (на других заводах в то время платили не больше 1 — 1,50 долларов), и тем вызвал небывалый наплыв рабочих в Детройт; еще раньше чем вы вошли в мастерские, вы будете знать, что самый процесс работы у Форда похож на механическую лабораторию, где взвешено и оценено каждое движение рабочего, каждая его минута, что система Тэйлора для Форда есть уже давно пройденная ступень.....

В огромной роскошной приемной, где выставлены различных систем автомобили, вырабатываемые заводами Форда (Форд является собственником нескольких автомобильных фирм), на стенах вывешены огромные статистические таблицы, из которых вы можете узнать, что власть Форда раскинута по всему миру — он имеет свои отделения по продаже автомобилей в Буэнос - Айресе, Барселоне, Копенгагене, Манчестере, Монреале, Бразилии, Бордо, Лондоне, Триесте, Антверпене... Вы узнаете, что у него имеется пять угольных копей, на которых добывается свыше 200 миллионов тонн угля в год, собственные железные дороги, собственные леса, что капитал, вложенный Фордом во все его предпиятия, равен 568.000.000 долларов...

В мастерския вы входите уже немного оглушенным.

Огромные, просторные, светлые помещения. Бесконечное множество станков, за ними рабочие. Машины, машины, машины. Люди, люди, люди. Над ними на бесконечных ремнях движутся подвешенные на цепях различные части машин. Это передаточный механизм, при помощи которого одна часть машины от одного рабочего переходит к другому. Тут же по станкам на другом бесконечном ремне движутся другие части. Тесными рядами стоят рабочие — так тесно, что локтями касаются один другого. Неуклонно и неудержимо какая - нибудь одна часть машины переходит из одних рук в другие. Каждый рабочий делает только одно движение — ничтожный поворот винта, ничтожное движение руки. Этот электрическим сверлом, просверливает дырку, другой мокрой тряпкой смахивает опилки с определенного места той части машины, которая в бесчисленном повторении проходит перед ним....

И вам постепенно становится ясна идея Форда: необходимо, чтобы живая сила, именуемая человеком, делала лишь одно простое движение, не теряя энергии и времени ни на что другое. Одно движение зависит от другого. Если вы пропустили сделать то не-

замысловатое, что требуется от вас — один полный оборот гайки или несколько движений напильником — вы расстроили всю цепь и тот, к которому неуклонно передвинется, только что прошедшая перед вами часть машины, не может уже выполнить своего движения. Вы чувствуете ответственность за все целое и потому ваше внимание напряжено до крайности — вы не можете оторваться от вашей работы, такой простой и вместе с тем такой утомительно - однообразной, вам некогда перекинуться словом с соседом (во время работы царит глубокое молчание), а если у вас пересохло горло, вы не можете отойти от своего станка, чтобы выпить стакан воды — впрочем мистер Форд это предвидел (ведь и машина требует смазки!), вам стоит лишь немного нагнуть ваш корпус и вы можете поймать ртом струю холодной воды. Так восемь часов — ни минуты больше, ни минуты меньше. Впрочем, вы имеете еще целых пятнадцать минут среди дня на завтрак — ровно пятнадцать минут!

При этой системе работы на бесконечном ремне — система, несомненно, построенная на тонком психологическом расчете — почти отпадает одно из самых больших зол современной мастерской: наблюдение и контроль. Хотя и то и другое имеется в достаточном

количестве — имеется set up man, т. е. младший мастер, наблюдающий за работой 8 — 10 человек, имеется foreman — старший мастер, наблюдающий за 100 — 120 рабочими и имеется, наконец, strow boss (соломенный хозяин — буквальный перевод) —это особо доверенный рабочий, работающий в ряду других, но в то же время следящий за работой своих ближайших двух - трех соседей.

На что, при подобной системе, похожа мастерская? Казарма — это, конечно, слишком слабое название! Но за то ни одно движение рабочего, ни одна его минута жизни не пропадает для Форда. Он платит хорошо, платит выше, чем другие, но за то в течение суток все восемь часов жизни человека (минус пятнадцать минут на завтрак) принадлежат всецело Форду.

Я пробовал вглядываться в лица рабочих (здесь были люди разных национальностей — я заметил индусов, негров, желтокожих людей, итальянцев, светлых блондинов) — у всех напряженное, настороженное внимание, в нашу сторону, в сторону посетителей, не было брошено ни одного любопытного взгляда — некогда!

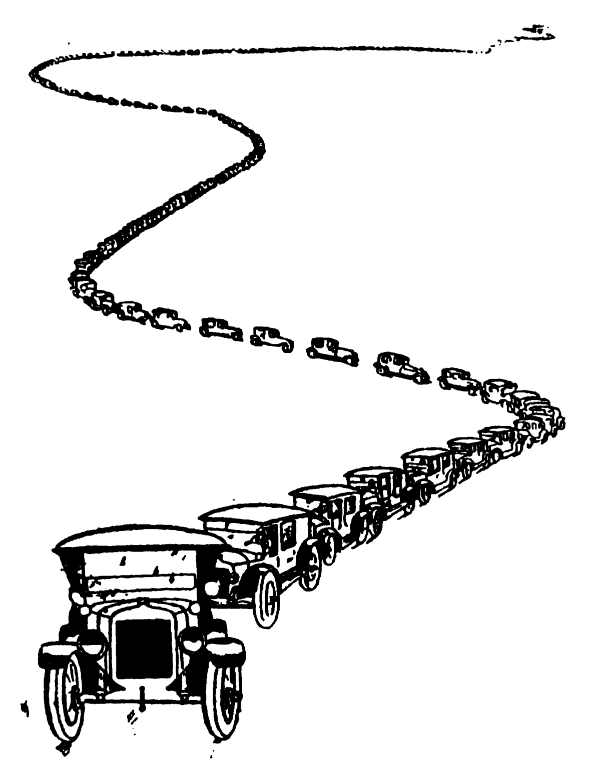
И под руками этой рабочей армии у вас на глазах — особенно хорошо это видно сверху, когда вы проходите по каким - то

воздушным мосткам, над головами работающих — растет мотор. Из разрозненных бездушных частей складывается и собирается целое.

Собранный мотор переезжает на цепи в другое здание. Здесь — такая же лихорадка работы, но тоже лихорадка организованная. Два бесконечных широких ремня тянутся на высоте аршина от земли двумя параллельными полосами через все длинное здание. На одном ремне строится шасси (рама), на другом — кузов. Работа производится на ходу. Безостановочно, неуклонно, все дальше двигается рама — постепенно она обрастает, в ней сверлят дыры, ее скрепляют болтами. Рядом растет кузов — сначала скелет, потом обтягивается кожей. Рабочие что-то доделывают в догонку, шасси и кузов переходят из рук одних в руки других. В какой-то точно расчитанный момент кран опускает сверху мотор; когда он прикасается к шасси, его хватают несколько пар рук, привинчивают к раме, в то же время чьи - то руки наливают газолин (как кровь в организм), мотор пускается в ход и начинает бешено работать — теперь он уже не перестанет работать, пока автомобиль не выедет из помещения. Это — волнующий момент: вы чувствуете, что присутствуете при рождении, бездушная до сих

пор машина вдруг ожила. Навинчиваются колеса, ставится радиатор, появляется руль. Параллельно и одновременно по рельсам на соседнем бесконечном ремне медленно двигается вперед кузов, также постепенно растущий. Вот его подхватил кран, поднял на воздух и, как игрушку, опустил на шасси, на рокочущий уже мотор — гудит рожок.... Несколько рабочих, сидя на чем - то вроде высоких салазок на колесиках, как гномы, копошатся внизу, что - то сверлят, что-то завинчивают, передвигая ногами, проталкивают свои салазки на колесиках все дальше и дальше вслед за оформившимся уже автомобилем — они работают как будто в догонку.... Уже пробуют фонари, вот уже садится за руль шоффер, ему через окошко передают паспорт новорожденного автомобиля — он скатывается с рельс и уже своей волей катится дальше, заворачивает и становится в хвост длинного ряда сверкающих лаком и краской новоиспеченных автомобилей. Я смотрел по часам: ровно 15 минут проходит с того момента, как мотор прикоснулся к шасси, до того момента, когда автомобиль скатывается с рельс и становится в гараже в ряд, и не больше получаса уходит на всю процедуру — с того момента, когда начинают собирать мотор, до выдачи авто-

мобилю его паспорта. Мастерская выпускает новый автомобиль через каждые восемнадцать с половиной секунд — и так все 24 часа, круглый год, с точностью выверенного часового механизма.

Переходя из одной мастерской в другую, я не мог отделаться от впечатления, что нахожусь не то в анатомическом театре, не то в

клинике. Кое где даже запахи были такие же, как в клинике или больнице. Эту иллюзию только укрепляли перевязочные пункты со знаком красного креста, разбросанные по мастерским и попадавшие всюду на глаза надписи с указанием ближайшего перевязочного пункта — первая помощь на предмет несчастного случая. Даже днем всюду горит в длинных трубках синий мертвящий цвет, делающий лица рабочих похожими на покойников.

Может быть это и есть покойники....

Задумайтесь на минутку: среди грохота, звона и скрежета, раздирающего не только ваши уши, но, кажется, самую душу, вы в течение восьми часов подряд, с перерывом только на 15 минут, совершаете одно и то же движение — в правой руке у вас тряпка и вы легким движением смахиваете железные опилки с определенной части машины, которую в беспрерывном потоке подтаскивает к вам бесконечный ремень.... Ваши глаза, все ваше внимание, все ваше существо в течение этих 465 минут обращено только на это — если вы пропустите хотя бы один раз сделать это движение, вы вызовете против себя негодование всей мастерской. Способны вы при этом думать еще о чем - нибудь, не кажется ли вам, что вы сами всего лишь

маленький бездушный винтик огромной машины? Не превратились ли вы просто в послушного, неразсуждающего раба капитала?

«Система Форда — преступление против человечества» — говорил мне один американский доктор в Детройте, близкий к Американской Федерации Труда. — «Она выжимает из человека все его физические силы — напряженность работы в течение восьми часов настолько велика, что в остальные четырнадцать часов человек способен только на отдых. Работая у Форда, человек изнашивается поразительно быстро. Но еще страшнее этого физического изнашивания — обезличение человека: он перестает быть способным к самообороне, в нем умирает чувство протеста — у Форда работают лишь такие рабочие, которые неспособны к протесту. Это — одна из причин, почему на заводах Форда никогда не было рабочих волнений». — И, добавлю от себя, также одна из причин, почему так сравнительно мало у Форда работает русских — не больше пяти тысяч. Русский бунтарь ужиться у Форда не может — в этом я убедился после разговора со многими русскими, которые у Форда работали и с проклятием от него ушли. — «Я лучше буду зарабатывать меньше, — говорили они, — но

в машину превращаться не хочу». — В Детройте даже существует поговорка: «он не способен думать — ему место лишь у Форда».

После смерти Ленина я читал в американских газетах, будто один из наиболее любимых кинематографических фильм, которые Ленин с удовольствием смотрел у себя дома, был снимок с мастерской Форда в Детройте во время работ. Этому легко поверить — обезличивание человека, уничтожение человеческой личности есть основа как системы Форда, так и ленинского большевизма.

Неужели «динамичность» в наши дни может быть куплена только такой ценой?

РУССКИЕ В ДЕТРОЙТЕ

Русская колония в Детройте — одна из самых больших в Америке, в ней считают от 30 до 35 тысяч человек. Огромное большинство из Гродненской, Минской, Волынской, Могилевской и Смоленской губ. — но не мало также имеется выходцев из Черниговской и Саратовской. Рост русской колонии стремителен, как и рост самого города. Заработки в Детройте одни из наиболее высоких в Америке — это и явилось причиной, почему за первыми русскими пионерами сюда вскоре потянулись и другие. Огромное большинство работает на механических заводах — особенно много в Детройте автомобильных заводов, больше чем в каком - либо другом американском городе; русская масса преимущественно состоит из заводских рабочих — надо добавить: по своим занятиям, а не по своему происхождению — ибо физическим трудом здесь занята интеллигенция наравне с профессиональными рабочими.

Интересную в политическом отношении

страничку из истории русской колонии в Детройте нарисовал мне один местный русский старожил. Огромное большинство русской колонии — до 20 тысяч — состояло из русских, православных (не евреи и не поляки). Жили тихо, старинным укладом, группировались вокруг четырех русских церквей; в течение 15-20 лет до революции руководили жизнью колонии «церковники» (их были тысячи), сплоченные в особую организацию. Их миросозерцанием были — самодержавие, православие и народность, в комнатах висели портреты царской фамилии и Иоанна Кронштадского, — но активной политической программы они не исповедывали и не проводили — жили, как до переселения в Америку жили их отцы и деды.

До 1917 года Америка большевиков почти не знала. Правда, имелось во время войны так называемое «интернационалистское течение», выступавшее против войны. К нему, между прочим, принадлежал и живший в то время в Америке Бухарин, сотрудничавший в русской газете «Новый Мир», выходившей в Нью - Иорке. В газете преобладали меньшевики. Ловким фортелем Бухарин ввел в управление газеты латышей, которые выбросили из нее, согласно бухаринским инструкциям, меньшевиков, и в начале 1917 г. редакция «Нового Мира» сформировалась в следующем со-

ставе: Бухарин, Троцкий, Вейнштейн (тот самый — чичеринский!), Володарский. С этого момента газета стала «интернационалистской», а позднее и открыто большевистской. Интернационалистское течение, особенно сильно проявлялось в Нью - Иорке и в Чикаго. В 1916 году оно проявилось и в Детройте, а в конце этого года показались уже и большевики. С началом революции «Новый Мир» стал называть себя большевистским.

В 1916 году в Детройте был организован так наз. «Русский Отдел Американской Социалистической Партии», куда вошли социалисты, интернационалисты и большевики.

Февральская революция вызвала среди русской рабочей колонии Детройта огромное воодушевление — в этом под'еме потонули все политические разногласия. Движение это захватило даже «церковников» — они стали прислушиваться к «безбожникам», стали посещать их митинги и нередко сами приглашали к себе лекторов, которых просили читать им доклады на политические темы. Раскол в колонии начался с момента октябрьского переворота. Постепенно увлечение большевизмом сделалось почти повальным, все анархисты — которые в Детройте имели почти такие же сильные организации, как и социалисты — весь их «Союз русских рабочих», слились с

большевиками. Через два месяца после октября в Детройте было в колонии уже определенное засилие большевиков. Об'единенная группа с.-р. и с.-д.-меньшевиков в ноябре 1917 года вышла из Американской Социалистической Партии (ее «Русского Отдела»), которая стала склоняться на сторону большевиков.

Перекрашивание в большевиков среди русской колонии сделалось повальным и приняло чрезвычайно своеобразные формы. Часть колонии, несомненно, была запугана. — «Нет красной книжки (членская книжка Американской Социалистической Партии, сделавшейся к тому времени почти открыто большевистской), не сумеешь вернуться в Россию», — говорили большевики. — «А сделаешься большевиком, можешь быть и министром — грамоты для этого не надо»... — Темной невежественной массе втолковывалось, что ее темнота является даже преимуществом — по крайней мере, это, мол, указывает, что вышел из народа.... Один такой новоиспеченный большевик даже публично заявил: «я горжусь тем, что ничего не знаю».... Пропаганде этой подверглись и «церковники» — причем пропаганда велась самыми демагогическими средствами. Результаты получились удивительные — монархически - коммунистическая амальгама.

В итоге создался какой-то церковный коммунизм, монархический большевизм. Из четырех церквей три церкви были забраны большевиками — в них продолжалась с благословения большевиков религиозная служба. Большевиком в конце 1917 года, после победы большевиков, сразу сделался церковник Байковский, председатель церковного комитета, ярый монархист — в 1919 году он уехал в Россию и поступил на службу в Чека. Открыто перешли к большевикам и были ими приняты два церковных старосты Шкурка и Галуза, «церковник» Подопригора; Галуза в качестве «коммуниста» работал затем в Москве. Там же действовал известный в Детройте монархист Гриневский (Губко). Осторожнее оказались черносотенцы — позднее «коммунисты» — Дайнека и Чернов — оба остались в Детройте. Любопытна карьера детройтского черносотенца Аноцкого — потом он находился в Петербурге и следил за деятельностью..... профессоров, чтобы не сказали чего против советской власти; Аноцкий — человек, конечно, неграмотный. Называли мне какую - то совсем анекдотическую фигуру с чеховской фамилией — Дудка; этот был вовсе темный человек — первое время по приезде в Детройт боялся сесть на трамвай — «лошадей нет, паровоза нет — как сядешь?» — спрашивало это

дитя природы. По своим политическим «убеждениям» был в Детройте черносотенцем — затем об'явил себя коммунистом, уехал в Россию — там где то «председательствовал». Таких случаев называли мне многое множество...

Период, в продолжение которого большевизм был в наибольшей силе и славе, продолжался с конца 1917 до середины 1919 года. 1 мая 1919 г. русскими большевиками в Детройте была даже произведена попытка... захвата власти.Вы не верите?Я тоже сначала не поверил. Но очевидцы рассказывают следующее.В этот день огромное большевистское собрание собралось в так называемом Немецком Зале(нужно сказать,что все время какие-то нити—симпатии или делового расчета?—связывали «интернационалистов», выступавших против войны, с немцами, затем связь эта продолжалась между немцами и большевиками, — не трудно, конечно, понять, в чем тут было дело). Из Немецкого Зала демонстранты вышли на главную улицу Детройта — Woodward и в количестве не менее 10.000 двинулись по направлению к главному городскому зданию — City Hall; большинство демонстрантов состояло из русских, над головами у них развевались красные знамена с надписями «да здравствует коммунизм!» Мудрецы эти не на шутку думали о захвате Детройта и провоз-

глашении в нем советской власти. Так, по крайней мере, в один голос утверждают все очевидцы этого, почти легендарного, но вместе с тем вполне исторического, события. Что они предполагали делать, утвердив здесь советскую власть, осталось неясным. Власти Детройта к этому движению отнеслись серьезно. На пути к City Hall они выстроили густую цепь полицейских, вооруженных резиновыми дубинками, а еще дальше, на прилегающих улицах, расположили несколько отрядов добровольцев —тут же стояли два броневых автомобиля, груженых револьверами и винтовками; эти «добровольцы» должны были выступить в том случае, если бы демонстрантам удалось прорвать цепь резиновых дубинок. Конечно, и полицейской силы оказалось достаточно, чтобы предотвратить утверждение «советской власти» в Детройте. Демонстранты были изрядно поколочены и манифестация ликвидирована.

Этот нелепый эпизод с попыткой «захвата власти» 1 мая 1919 года был апогеем расцвета большевизма в Детройте.

В конце 1918 или в начале 1919 г. открылась русская граница — все эти Аноцкие, Байковские, Галузы и Дудки поехали в Россию. Поехали перекрашенные в коммунистов черно-

сотенцы, поехали простые русские люди — многие из них весьма темные, снедаемые тоской по родине, поехали и те, что искренне уверовали в большевизм. В глазах большинства большевизм был именно чем-то вроде веры. Всходы на этой почве порой были необыкновенные. Не как анекдот, а как подлинный факт — с наименованием фамилий, места и времени — рассказывают, что некоторые поехали в Россию с купленными в Америке.... портфелями, будучи глубоко убеждены, что им будут предоставлены места «министров» и «комиссаров»: ведь власть в России теперь рабоче-крестьянская... Приехав в Россию, вся эта публика «рабоче-крестьянскую» власть увидала воочию, могла на месте проверить, действительно ли молочные реки в кисельных берегах текут в советской России, как их в этом уверяли в Детройте большевики. Результаты оказались более чем естественные — американские паломники пережили жесточайшее разочарование в своих святынях. Разрешение поехать в Россию со стороны американских властей было, несомненно, мудрым шагом. Многие из этих паломников, всякими правдами и неправдами выбравшиеся опять из России и вернувшиеся в Детройт, являются сейчас самыми непримиримыми и жестокими врагами большевиков, видя,

очевидно, в них тех, кто разрушили их святую мечту и над ней надругались .

Красочную историю рассказывали мне о некоем Курловиче, русском рабочем Детройта. Совсем безграмотный человек, он был распропангандирован большевиками и поехал вместе с другими в Россию за министерским портфелем, научился подписываться. — «Всякий рабочий может управлять», — уверенно твердил он. — Смотри, Курлович, — предупреждали его, — не напрасно ли поехал? — «Ничего, —уверенно отвечал Курлович, — эка беда, что грамоты не знаю — такого, как ты, возьму бумагу писать». — А если я тебе отставку напишу? — «А этого не видал? — на веревку хочешь?» — На границе у Курловича, как и у всех других «американцев», отобрали деньги, отобрали американскую обувь и одежду. Вместо этого выдали все «пролетарское». Три тысячи долларов пропали — «деньги теперь в коммуне не нужны — все даром получишь».Обуви и одежды также на полторы тысячи долларов пропало. Курлович ѣхал с семьей, собрав с собой все накопленное трудом добро. В Москве Курловичу дали место шоффера — комиссаров возить. Терпеть для «рабоче - крестьянской» власти было бы можно, ему давали «бесплатно» обед, но зато семья его голодала. Он стал просить — на него не

обратили внимания, стал требовать — на него стали коситься. Наконец, не выдержал и на каком-то митинге в Москве влез на трибуну и произнес речь, направленную против большевиков. Аргументация его была очень простая: «у нас в Америке миллионеры сами автомобилями управляют, а вы в коммунистической стране шофферов нанимаете комиссаров возить». — Были у него после этого выступления большие неприятности — место потерял, из Москвы должен был по добру - по здорову убраться. Поехал к своим родным в Минск, по дороге его обокрали, а в деревне родные на него набросились с кулаками, так как там уже знали, что он «коммунист». С приключениями и затруднениями Курлович перебрался нелегально заграницу, вернулся теперь в Детройт, семью сумел перетащить в Польшу — ждет теперь ее обратно сюда. Прежде бранил Америку на чем свет стоит, теперь на второй день после возвращения взял для натурализации так называемые «первые бумаги». Сейчас с Курловичем о России нельзя говорить — этот 40-летний мужчина при одном упоминании о России плачет, как дитя; всех большевиков называет «жуликами» и при разговоре о них судорожно сжимает кулаки.

Таких Курловичей в Детройте сейчас не мало — для разрушения большевистской леген-

ды они сделали больше, чем что бы то ни было другое. Немалую роль в этом направлении сделали и письма с родины, описывавшие прелести большевизма.

Другим ударом по большевистской легенде были деяния большевиков в самом Детройте. В период увлечения ими они создали «Общество медицинской помощи советской России», котрое собрало с русских рабочих изрядную сумму. Организаторы этих сборов, большевики Ровин и полк. Рустум-Бэк, начали в связи с этим вести в Детройте слишком широкую жизнь — кутили в ресторанах,раскатывали на автомобилях слишком много даже для Детройта,города автомобилей. Поползли слухи. 24 октября 1920 г. в Детройте было созвано торжественное «массовое собрание российских революционных рабочих об'единенных организаций города Детройта», на котором дело это было разобрано и хищения обнаружены. Вынесен был протест, в котором говорилось: «из отчета оказалось, что г. Ровин, полк. Рустум - Бэк и им подобные только взывали к нашим больным чувствам и карманам, чтобы, мы больше давали денег, на которые бы они могли кушать дорогие обеды и раскатывать на прекрасных автомобилях, а сами оставались глухими на крики и вопли умирающих братьев в России... Оказалось, что

собрано было большевиками всего 7050 долларов (исключительно на «внутренние потребности» — в Россию не было послано ни одного цента),а в кассе вместо 2335 долларов обнаружено лишь... 129 долларов. Мне передали фотографический снимок с протокола ревизионной комиссии за подписями и печатями всех общественных организаций Детройта.

Каков был результат всех этих событий? Об этом не трудно догадаться. Вся русская общественность в Детройте разрушена — последние три - четыре года среди огромной русской колонии Детройта царят апатия и уныние, общественые начинания не прививаются, от политики все отвернулись, организаций почти не существует. И это в то самое время, когда рядом живут и процветают колонии польская, чехо - словацкая, карпато - русская.. Сильнее оказались церковники — их организация, состоящая сейчас из 40 человек, сумела прошлым летом откупить у большевиков за 600 долларов церковь, которую большевики в свое время захватили. А между тем какой огромной силой в деле возрождения России могла бы быть эта тридцатитысячная масса здоровых людей, впитавших в себя американские навыки работы, по большей части технически высоко квалифицированных и — что, может

быть, всего важнее — мучительно тоскующих по родной земле!..

Впрочем, есть уже признаки, что период апатии проходит, и русская колония в Детройте, совершенно изжив большевизм, начинает с надеждами приглядываться к тому новому, что сейчас рождается в России под корой советской власти.

Вот что рассказали мне русские старожилы Детройта.

АМЕРИКАНСКИЙ ОТЕЛЬ

«В наши дни средний американец пользуется комфортом, какого двести лет тому назад не знали и короли», — эту горделивую и самодовольную фразу я прочитал как-то в нью-иоркском синематографе, в котором показывали патриотическую американскую фильму. Философ из кинематографа, конечно, прав — двести лет тому назад никакие короли не имели того комфорта, которым сейчас пользуется средний американец.

Путешествуя по своей стране, короли обычно останавливались в собственных дворцах и замках - для путешестующего по Америке такую роль теперь выполняют отели.

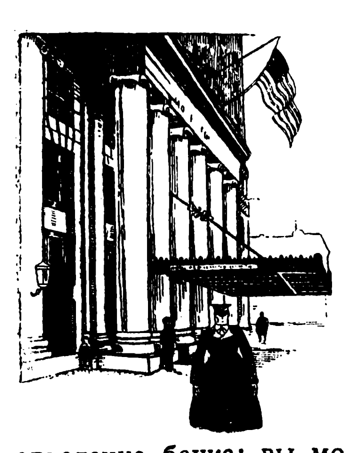
Не будучи королем, мне тем не менее пришлось за время своего путешествия по разным

городам Америки испытать этот воистину королевский комфорт, останавливаясь в отелях Нью-Иорка, Вашингтона, Чикаго, Кливеленда и Детройта.

Начну с Нью-Иорка. Отель Пенсильвания. Он очень типичен для роскошных американских отелей—такого же типа отели,принадлежащие той же компании, имеются еще в четырех больших городах Америки, в Буффало, Кливеленде, Детройте и С. Луи. Здесь они всюду называются одинаково:Отель Стэтлер.

По нашим европейским понятиям, это не отель и даже не дворец и не замок, а просто целый город. Это нечто замкнутое целое, которое, хотя и поддерживает сношения со всем внешним миром, живет своей собственной жизнью, своими интересами. Если вы нелюдим, сделались мизантропом и ненавидите человечество, вы можете жить в Пенсильвании безвыходно, не лишая вместе с тем себя всех удобств и комфорта, которые человечеством созданы. К вашим услугам здесь же в стенах отеля - библиотека (3 тысячи томов), гимнастический зал, бассейн для купания, учителя для упражнения в боксе, многочисленные магазины самого разнообразного характера - платье, белье, книги, письменные принадлежности, парикмахерская, маникюр, педикюр, врач, даже операционная комната (если с ва-

ми случилось какое нибудь несчастие), сигарный магазин, несколько газетных киосков, несколько кондитерских и цветочных магазинов; здесь же зубной врач, фотограф, стенограф, переписчица, нотариус, турецкая баня, отделение Армии Спасения, собственное телеграфное отделение, собственное почтовое, по телефону вы можете разговаривать со всей Америкой, специальные магазины всех принадлежностей дамского туалета, касса театральных билетов во все театры Нью-Иорка, аптекарские магазины, отделения пароходных обществ и кассы для продажи железнодорожных билетов, отделение банка; вы можете в любое время слушать радио, несколько раз в течение дня и каждый вечер во время обеда можете под звуки нескольких оркестров джазбанда танцовать все ваши любимые танцы — либо в большом бальном зале, либо в любой обеденной комнате, публично и частным образом (private dining room); всюду множество уютных уголков, где вы можете уеди-

ниться один или вдвоем, где вы можете читать, писать, заниматься или разговаривать... Завтракать, обедать, ужинать, пить чай утром, после обеда и вечером вы каждый раз можете в другом зале - здесь их множество: пальмовая зала, грилль-рум (специально для подачи поджаренных бифштексов), два обеденных зала на крыше отеля (один из них называется «зал бабочек»), большая обеденная зала и множество других в разных этажах отеля. Нечего, конечно распространяться о том, что все это обставлено и выстроено с необыкновенной роскошью — всюду мрамор, бархатные гардины, картины, росписные потолки и стены, мягкие ковры. Внизу огромная lobby — собственно приемная: это одни из главных операционных пунктов американского отеля. Здесь принимают посетителей, здесь делают дела, назначаются свидания - деловые и иные, здесь всегда толчется множество народа, сидят в мягких креслах люди и читают газетные простыни, - другими словами, именно здесь базар отельной суеты. Я никогда не мог понять, что делает в этих lobby толпа, которой вечно полны эти помещения. Иногда вы можете увидеть здесь большие группы джентельменов во фраках или в «вечерних туалетах» (так в Америке называют тот костюм, ко-

торый в Европе именуется смокингом), декольтированных дам - это значит, что в одном из бесчисленных закрытых зал дается какая-нибудь party, т.е. происходит какое-нибудь торжественное событие: чествуют от'езжающую или только что приехавшую персону, празднуют юбилей, торжественно справляют открытие какого нибудь предприятия или кого-нибудь чествуют потому, что он просто славный малый- a nice fellow. В каждом большом отеле во время ленча (завтрака) и диннера (обеда) обязательно происходит несколько докладов или лекций - американцы страстные любители их, - я пришел к убеждению, что это у них нечто вроде спорта.

По разным этажам читаются доклады, шумит и гудит толпа в lobby, мальчишка в блестящих пуговицах бегает по огромной приемной с телеграммой в руках и выкрикивает фамилию, откуда то доносится музыка....

Отель Пенсильвания занимает четыре огромных корпуса в 21 этаж каждый, имеет 12 лифтов - 6 курьерских и 6 пассажирских, специальный лифт соединяет гостинницу со станцией подземной железной дороги того же наименования. В отеле 2200 комнат - каждая снабжена ванной, душем и имеет три крана у вашего умывальника - с холодной, горячей и ледяной водой. Цены — от 7 дол. за комнату.

Впрочем, довольно об этом отеле, а то читатель заподозрит, что я специально заинтересован в том, чтобы он в нем остановился, когда приедет в Нью-Иорк.

В Вашингтоне мне посоветовали остановиться в отеле с индейским названием - Отель Пауэтен (Hotel Powhatan). Я не предполагал, что в таком маленьком и тихом провинциальном городке (всего лишь 500 000 жителей!) могут быть такие отели. Меня поместили на восьмом этаже в веселой светлой комнатке с живописным видом на Пенсильвания Авеню; конечно, как полагается, при комнате имелась отдельная ванна, горячая и холодная вода - в отдельной запечатанной бумажке мыло для умывания,в другой—мыло для ванны,в третьей - перчатка для ванны; в письменном столе почтовая бумага и конверты с бланками отеля, телеграфные бланки и напечатанные бланки для прачки - в гардеробе висят бумажные мешки, куда можно сложить белье: если отдадите до 10 часов утра, то к четырем того же дня получите его готовым. Все распоряжения отдаете по телефону - звонков в комнате нет: вы берете трубку и зовете боя - через полчаса он приносит вам обратно ваш выглаженный отельным портным костюм. Замечательная особенность Отеля Пауэтен-это утренние завтраки: по огромной комнате медленно пере-

двигается человек с большим медным ящиком перед собой на ремнях (вроде того, как у нас в Москве носят сбитень); он останавливается перед вашим столиком и открывает крышку своего таинственного ящика - из него валит вкусный пар, - оказывается, там у него в особом порядке лежат горячие булочки самого разнообразного вида и формы - подогревается вся эта механика, конечно, электричеством. Комната в этом отеле мне стоила 5 долларов в сутки.

Отсутствие звонков в комнате и невозможность вызвать прислугу иначе, чем по телефону, помню, давно еще, когда мы целой компанией — по милости Колчака — приехали в Америку, доставило нам не мало затруднений.

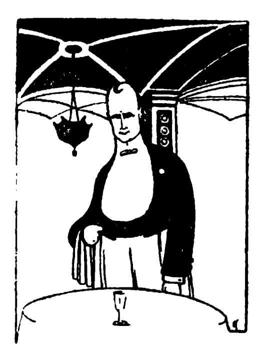
Это было в одном из великолепных отелей Сан-Франциско (в Сан-Франциско все великолепно!). Язык мы все знали весьма приблизительно, а потому делать какие-нибудь заказы прислуге по телефону избегали. Но совсем приходилось туго, когда кто-нибудь звонил нам - тут уж понять просто было ничего невозможно. Среди нашей компании я считался специалистом по английскому языку и потому, когда в комнате одного из приятелей

вдруг начинал звонить телефон, он кричал в трубку «алло!», клал ее на стол и немедленно бежал за мной. Вообще все мы смотрели на телефон, когда он вдруг начинал сам действовать, с некоторым страхом. Помню, раз вызвал меня по такому тревожному поводу Авксентьев - у него зазвонил телефон; я смело взял трубку в руки и приложил к уху - телефонная барышня что-то быстро пробормотала, из чего я не понял ни одного слова. Я вежливо ответил: «Ай бег юр пардон?» она повто рила, на этот раз несколько длиннее - у меня результаты такие же, кажется, вдобавок девица еще жевала резину. Я опять ответил ей моей сакраментальной фразой, - на этот раз уже с нотами раздражения американка произнесла фразу вдвое длиннее второй. В отчаянии, что ничего не могу понять, я пробормотал на каком то фантастическом языке совершенно нечленораздельные звуки, из которых составилась длинная фраза, закончил ее словами:«тарабумбия! да здравствует Дрейфус!» и с торжеством повесил трубку на крючок, не дав бедной девице опомниться. Авксентьев на диване корчился от смеха.

Нас,вероятно,считали в отеле сумасшедшими. И эта репутация, конечно, только укрепилась после следующего инцидента. По рускому обыкновению, каждый из нас вечером

выставлял свои башмаки за двери номера. Мы заметили, что их как будто не чистят - об этом мы как-то утром поделились друг с другом своими впечатлениями. Скоро наши подозрения перешли в уверенность, когда кто то более хитроумный проделал специальный опыт - заметил, где и как стоят башмаки и утром проверил: к ним, оказывается, за ночь никто не дотронулся! Негодуя, мы решили сообща все же добиться своего: утром собрались втроем в одной комнате и я вызвал по телефону уэйтера (лакея), затем мы торжественно передали ему все наши три пары башмаков и стали ждать. Уэйтер,очевидно, в свою очередь решил нас проучить или научить. Проходит четверть часа, проходит полчаса,час—башмаков нет!В негодовании телефонирую опять, приходит другой уэйтер, — ему надо об'яснять, в чем дело — он с недоумением смотрит на трех прилично одетых джентльменов, которые почему - то все трое расхаживают по комнатам в одних носках. Еще после получаса томительного ожидания башмаки появились - на этот раз, действительно, вычищенные. Только позднее мы узнали, что ни в одном американском отеле не выставляют башмаков за двери комнаты - для этого существуют либо специальные комнаты в самих отелях, либо высоченные

троны на улице - чистят здесь башмаки только на вашихъ ногахъ; занимаются этим делом либо негры, либо итальянцы, а вы в это время должны с сигарой в зубах читать утреннюю газету.....

Теперь, в свой вторичный приезд в Америку, я таких ошибок уже не делал — я не был больше «зеленым»... Должен, однако, признаться, что многие пустяки и мелочи отельной жизни меня не только забавляли, но и поражали. Мне, например, чрезвычайно нравилось, что в вашингтонском отеле и затем в Детройте, в Отеле Вольверин, каждое утро под дверь бесшумно проталкивается номер утренней газеты; в Отеле Пауэтен на каждом таком номере газеты была даже приклеена специальная желтая бумажка с печатным обращением следующего содержания (перевожу буквально): «Доброе утро! Отель Пауэтен свидетельствует Вам свое почтение при помощи этого экземпляра «Вашингтон Пост» и надеется, что все Ваши планы и предположения на сегодняшний день будут успешно выполнены. Если Вы торопитесь, попробуйте один из наших клубных завтраков - они стоят недорого и, я уверен понравятся

Вам. Управляющий.» - Особенно характерно для американца, «если Вы торопитесь» — здесь знают, что вы всегда торопитесь! Нравились еще мне в отелях почтовые ящики: представьте, вы живете на девятнадцатомъ этаже,—не мчаться же вам после каждого написанного письма на лифте вниз. Оказывается, это очень и очень учтено: в разных местах отеля(как и в больших многоэтажных домах вообще) идут сверху вниз специальные стеклянные трубы и в каждом этаже имеются щели, в эту щель - иной раз она приходится как раз против двери вашего номера - вы бросаете свое письмо и оно через девятнадцать этажей летит стремглав вниз в главный почтовый ящик, расположенный внизу. Порой я наблюдал внизу за этой трубой - иногда со всех этажей безостановочно несется целый поток писем.....

В Чикаго я остановился в одном из лучших отелей - Отель Ля Салль, Hotel La Salle, the finest hotel of Chicago — вообще один из самых роскошных отелей, какие мне пришлось видеть. Комната здесь стоила 6 долларов. И платил за нее не я, а та общественная организация, котораяпригласили меняпрочитать вЧи каго доклад - Chicago Council on Foreign Relations. Отвели мне комнату в пятнадцатом этаже (все го в отеле 19 этажей), нарочно повыше, «чтобы вам было потише», - об'яснили мне мои

новые приятели: от шума в Америке спасаются в больших городах не в сторону, а вверх. Отель расчитан на 2000 человек, ежедневно здесь бывает 500-600 приезжих. В этом же отеле, на 19 этаже, в его главном зале я и доклад свой читал после ленча; читал, между прочим, с радио (воображаю негодование танцоров где-нибудь на Сандвичевых островах: только что они там танцовали ту-степ под звуки какого-нибудь нью-иоркского джазбанда, вдруг джазбанд прервался и какой то мистер Зензинов из Чикаго начинает: «лэдиес энд джентельмен! Ту эндерстенд дзе экономикаль ситюэшен оф презент Рэшие...»).

Смотреть из моего окна на пятнадцатом этаже вниз на клокочущие жизнью чикагские улицы (отель расположен в самой оживленной части города) было все равно, что смотреть в Швейцарии с высоты ледниковой горы в пропасть-голова кружилась...Как раз в ту неделю, которую я прожил в отель Ля Салль,

там происходил с'езд учителей нескольких западных штатов. Американские Тяпушкины — о, как мало они походили на нашего Тяпушкина!—именно в этом отеле имели свой «конгресс», здесь же внизу помещалось и их бюро, в котором членам с'езда выдавались всевозможные справки и устраивались экскурсии по городу для приехавших провинциалов. Поэтому вы сами легко можете себе представить, что делалось в эти дни в lobby!! Впрочем и после окончания учительского «конгресса» lobby был вечно полон и в нем стоял базарный шум: на разставленных кругами диванах и мягких креслах всегда сидят и о чем-то чрезвычайно оживленно разговаривают какие - то люди... Что они там делают?

Из всех виденных мною гостинниц больше других мне понравился Отель Вольверин в Детройте. Это тоже большая гостинница — в 16 этажей и в двух корпусах, но в ней было тише, чем в других. Номер у меня там был очаровательный. Цена — 4 доллара.

Не подумайте, однако, что американский комфорт имеет в виду лишь ваши внешние, так сказать, телесные удобства. Нет! В отелях Чикаго, Кливеленда и Детройта в своем номере я нашел на письменном столе... библию и евангелие. На переплете книги было напечатано, что «эта священная книга оставлена в отеле Обществом Гидеонов» — так называется «Американская Ассоциация Христианских Коммерческих Путешественников». Но вы не знаете, что такое «Гидеоны»? Смотрите седьмую главу книги Судей. «Гидеоны» оставили в вашем номере библию «в надежде, что при помощи этой книги многие познают Вечную Истину».

И вообще — «если вы чувствуете себя одиноким, если друзья вас обманули, прочтите псалом двадцать третий».

«Если вас постигла неудача в делах—прочтите псалом тридцать седьмой».

«Если вы потеряли доверие к людям - прочтите первое послание к коринфянам, стих тридцатый».

«Если вы начинаете сомневаться (if sceptical) - прочитайте евангелие от Иоанна, главу шестую, стих сороковой».

«Если вы потеряли доверие к людям—про-первое послание к коринфянам,стих десятый».

Ибо на первом месте - дело, дело и дело, business, business и business.

АМЕРИКАНСКАЯ ГАЗЕТА

Воскресенье для меня трудный день. Я привык в Нью-Иорке читать ежедневно две газеты. В виду их об'ема дело это не такое легкое — этому надо научиться, ибо надо знать, где и что можно найти в газетных простынях. Но по воскресеньям эта задача усложняется до чрезвычайности. Вот пример. Беру обычный воскресный номер «New York Times». В нем 102 (да, сто две!) страницы размера «Matin», то есть несколько меньше размеров « Русских Ведомостей », 24 страницы иллюстрированного приложения того же размера и 64 страницы литературных приложений в половину - итого 190 страниц; если перевести все это на книжные страницы, получится волюм в 700-800 страниц (пасхальный номер вышел в 316 газетных страниц). Левиафан этот стоит лишь пять центов - одной бумаги в нем, наверное, на четверть доллара.

Но что же может быть в такой газете? Вот примерное оглавление, 1-ый и 2-ой отделы (sections) - 44 страницы, часть редакционная,

т.е. телеграммы, передовые статьи (иных американская газета почти не знает), письма в редакцию, корреспонденции (почти исключительно по телеграфу), биржа, хроника; 3-ий отдел - 32 страницы в половину, обзор книг с иллюстрациями; 4-ый отдел - 16 страниц в половину, журнал (magazin) с иллюстрациями, путешествия, приключения, статьи по искусству; 5-ый, 6-ой и 7-ой отделы — 24 полных страницы, иллюстрации, герои дня, политические деятели, спортсмены, артистки; этими иллюстрациями - они называются здесь ротогравюрой - американская газета вправе гордиться, с ними можно сравнить лишь французскую «Illustration»; 8-ой отдел - 20 полных газетных страниц с иллюстрациями, драма, музыка, кино, искусство, общество, пароходы и пр.; в отделе «общество» (society) помещаются заметки, кто на ком женился или предполагает жениться (конечно, с портретами), у кого помолвка, кто разводится и пр. - относится это, конечно, только к «высшему обществу»; 9-ый отдел—радио,т.е. программа всех радио - концертов и радио - выступлений на всю неделю, советы начинающим радиолюбителям и новейшие изобретения в области радио (это чрезвычайно важный отдел американской газеты и некоторые из них выпускают даже специальные журналы-приложения

для любителей радио - а кто в Америке сейчас радио не любит? здесь это положительно поветрие); в этом же отделе интервью с крупнейшими политическими деятелями Европы (а кого сейчас не может купить американский доллар?), статьи о технических завоеваниях науки;10-ый отдел—8 страниц,спорт с иллюстрациями и об'явлениями; 11-ый отдел - 18 страниц, новые постройки в Нью-Иорке (с иллюстрациями), недвижимые имущества (real estate) и об'явления о сдаче помещений; 12-ый отдел - 16 страниц различных об'явлений, в том числе опять об'явления о недвижимых имуществах...

Уф! Оглавление кончено. Вы устали? Но ведь вы ознакомились только с оглавлением, что будет с вами, если вы добросовестно приметесь за самую газету!

Воскресный номер нью-иоркского «Таймса» весит свыше двух фунтов, иногда даже до трех (сам проверял).В самой газете смеются: «наши воскресные номера—не для детей и не для стариков».Должен признаться, что по воскресеньям читать эту газету на весу, действительно, утомительно - это настоящий физический труд. По воскресеньям утром видишь джентельменов, выходящих от stationery, они тащат газету под мышкой — это, действительно,вещь! С ней никуда в гости не пой-

дешь — ее надо немедленно тащить домой. Теперь представьте, что у вас дома два таких Левиафана! Благодарите судьбу, если вам в полдня удастся разобраться во всех этих бумажных ворохах... На мое еще счастье две большие нью-иоркские газеты — «New York Herald» и «New York Tribune» недавно слились в одну, а то раньше приходилось следить не только за «Таймсом», но также за «Геральдом» и за «Трибюн», так как в обеих последних попадались иногда интересные сведения о России (эта газета размерами теперь не уступает «Таймсу»).

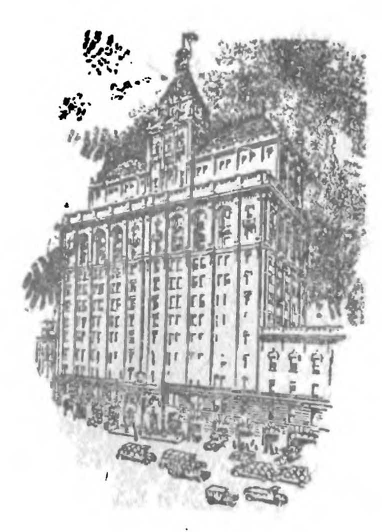
Вероятно, отчасти благодаря всем этим обстоятельствам с газетой в Америке не церемонятся. Американец за три цента (обычная цена будничного номера) покупает свою газету на станции подземной железной дороги и, не дочитав передовой, не дочитав даже подробностей об очередном подвиге бруклинской девушки-бандита, бросает газету в вагоне — не тащить не ему, в самом деле, этот бумажный груз с собой по улицам: он купит возле своего дома новый экземпляр и дочитает в своем домашнем кругу, в одном жилете, положив комфортабельно ноги на спинку ближайшего стула. Вот почему так много газет валяется по вагонам, почему топчешь постоянно газетные листы на людных улицах,

почему иной раз видишь, как по воздуху носятся и кружатся газеты — это какой-нибудь клерк выкинул свою газету с высоты двадцать пятого этажа, чтобы не загромождать и не засаривать комнаты. Вот почему, наконец, по понедельникам вы можете увидать у домов огромные автомобильные фуры, наполненные чуть не до второго этажа множеством газетных связок — это увозят накопившийся за неделю мусор. И нет ничего удивительного, что в Америке уже давно поднята компания в пользу охраны лесов — американская газета пожирает лесных красавцев-великанов немилосердно. И право же, большинство газет, действительно, не стоят того дерева, из которого они выработаны....

Как рождается и как создается американская газета? Мне было легко познакомиться с этим во всех деталях, так как один из моих приятелей-американцев — один из редакторов того самого нью-иоркского «Таймса», о котором уже раньше упоминалось.

Каждый, побывавший в Нью-Иорке, знает, конечно, Таймс-Сквер, этот, можно сказать, пуп Нью-Иорка, центр самого оживленного района города-великана. Следовательно, он знает и Таймс-Бильдинг, то высоченное трехугольное здание, которое, как свечка, как остров, поднимается посредине этого Сквера.

Здесь до прошлого года помещался «Таймс», но теперь газета так выросла, что больше не может поместиться в этом здании; она переехала по соседству, на 43-ью улицу, где выстроила свой собственный огромный небоскреб в 14 этажей (и с 2-мя этажами под землей). Старое здание сдается теперь под различные оффисы.

« Нью - Иорк Таймс » основан в 1852 году, но до 1896 года это была небольшая и не влиятельная газета; в этом году ее купил Адольф Окс (Ochs), который владеет ею и по сие время. За эти 28 лет он и сделал из «Таймса» то, чем газета в настоящее время является. В Америке и в самом Нью - Иорке имеются газеты с гораздо более широким распространением, чем «Таймс» (напр. «New York American», «World», газета Херста «Evening Journal», или уличная «New York Daily News» — от 600 до 800 т. экз.), но, несомненно, во

всей Америке нет такой влиятельной, такой большой и богатой газеты, какой является «Нью-Иорк Таймс». Это, конечно, самая влиятельная газета в политике, в деловом и театральном мире, она имеет всего больше об'явлений, ее читают наиболее влиятельные во всех отношениях американские круги. Мистер Джон Суиней, специально изучавший американскую прессу, категорически уверяет, что «Нью-Иорк Таймс» «занимает командующие высоты мiровой журналистики». В будничные дни «Таймс» расходится в количестве 350 000 экземпляров, воскресные номера — 600 000. Обычный номер в розничной продаже стоит 3 цента, воскресный — 5 центов. За полную страницу об'явлений газета берет 1500 долларовъ, в воскресном номере, в отделе иллюстраций (ротогравюра) — 4.000 долл. страница. В 1923 году валовой доход газеты равнялся 18 милл. долл., из них только 3 миллиона от продажи и подписки и 15 миллионов от об'явлений.

Мы начали осмотр с помещения редакции — на 9-ом этаже. Десять строгих, обставленных со всевозможным комфортом редакционных комнат. Но ничего лишнего. В каждой комнате два-три стола, телефон, пишущая машинка с особым приспособлением, благодаря которому простым движением руки можно

притянуть машинку к себе или оттолкнуть прочь. Идеальная тишина. Вдали от репортажа, от назойливых телефонных звонков, от конторы, от часто совершенно ненужных, мешающих посетителей — настоящие редакционные лаборатории. Здесь же рядом богато обставленная комната для редакционных заседаний. Такое заседание происходит ежедневно от 12 до 1 часа, участвует в нем 12 человек—8 редакторов (editors) и 4 деловых управляющих (business manager) — как будто многовато! Заседания происходят под председательством главного редактора, мистера Эгдона. Собственник газеты в редакционные дела не вмешивается и на заседаниях не участвует — несколько его комнат, обставленных по домашнему, помещаются на самом верху, на 14-ом этаже — он как бы реет над всей своей газетой. Здесь же, рядом с редакционными комнатами, помещается огромная редакционная библиотека, состоящая из многих тысяч книг на различных языках.

Отсюда мы на лифте провалились вниз, на два этажа под землю. Оттуда подается особыми приспособлениями и машинами бумага, там же помещаются и печатные машины. Одна такая машина новейшей конструкции — системы Ное — стоит 150.000 долларов. В один час машина печатает 600.000 экземпляров

по 24 страницы или 490 000 экземпляров по 32 страницы. По сравнению с редакционными комнатами — здесь ад крромешный. Все помещение залито страшным бледно-синим светом, при котором жутко смотреть на человеческие лица — синие губы, из-синя мертвенный цвет лица. Машины свистят и дудят, как волжские пароходы, скрежещет сталь, со свистом вертятся валы бумаги, бумажная бесконечная лента бежит через все огромное помещение от одного вала к другому, на ней в бесконечной череде мелькает портрет Стиннеса и какой-то кинематографической звезды, невидимые ножницы режут, невидимые руки складывают, фальцуют — и вот уже вверх, через этажи, в отделение экспедиции лентой бегут вышедшие из-под станка совершенно готовые газеты. А там где-то, вверху или внизу, складывают эти пухлые номера в стопы, связывают, как тюки товара, веревкой и грузят на пыхтящие, уже ожидающие их автомобили. Грохот, свист, гул и шум в отделении печатных машин стоит такой, что нельзя разговаривать и об'яснения мой редактор мне пишет в мою записную книжку.

Для воскресного издания имеется особое печатное отделение.

Вот, в другом этаже, наборное отделение — здесь работают 79 наборных машин; газета,

конечно, набирается вся на машинах, но с каким-то неожиданным для себя чувством удовлетворения убеждаюсь, что ручной набор не совсем исчез даже здесь — некоторые об'явления не поддаются машинному набору. Все-таки, значит, не все еще победила американская машина!

Затем замелькали разные этажи. Один этаж отведен под фотографию. Другой этаж под ротогравюру. Вот сидит целый департамент - иностранное отделение, здесь только читают иностранные газеты. Вот радио; любезный американец надевает на меня наушники — я слышу отчетливые звуки телеграфного аппарата. — Что это? — «Это беспроволочный телеграф из Парижа».

Когда я ему заявляю, что не понимаю Морза, он подводит меня к другому аппарату, поворачивает кнопку и в комнате раздаются веселые звуки фокс-тротта. — «А это Вы понимаете? — с улыбкой спрашивает меня веселый американец, — это оркестр в Чикаго!» — Рядом небольшая тихая комната, в которой шеренгой стоит десять аппаратов - ящиков, отделение телеграфного общества Associated Press, обслуживающего все американские газеты; это так называемые Morkrum — вы видите, как в каждом ящике под стеклом рождаются телеграммы — одна за другой

бегут готовые телеграфные строчки с пометками всех городов света, — остается только вырезать из ленты нужную телеграмму и послать в наборную (в защиту Европы скажу, что такие аппараты вот уже несколько лет существуют и в Европе, я видел их в редакциях парижских больших газет и берлинского «Vorwärts'a»). Вот в нижнем этаже отделение, где принимаются об'явления и где, как сказал мой спутник, «газета делает деньги — money making departement». —

Интересно отделение репортажа — именно здесь помещается сердце всякой газеты, а особенно американской. Огромная комната с концентрически расположенными полукруглыми столами, за ними сидят репортеры. Посередине председательское место — там сидит тот, кто ими командует. Как полководец на поле битвы, он отдает своей армии приказания. Сюда несутся со всего города новости по телефону—об очередных убийствах, пожарах, ограблениях, приезде знаменитостей, победах знаменитого Бэб Рута в игре в мяч (национальный base-ball), положении дел на состязаниях в гольф и пр., и пр. И он командует — мистер такой-то, бегите туда-то! мистер-такой-то, моментально сфотографируйте пожар на такой-то улице! мистер такой-то, поезжайте немедленно в такую-то гостиницу и

возьмите 200 строк интервью у приехавшего сегодня утром мистера такого-то! И репортеры — их в распоряжении главнокомандующего около 50 — бегут. Здесь в определенные часы бывает сутолока, а иногда и давка, здесь рождаются и часто гибнут многие репутации, а также знаменитости сцены, кино, спорта.

А вот комната, в которой газета продает новости. На стене длинный ряд крючков, то и дело подбегает мальчишка и насаживает на них сырые еще гранки — последние, только что набранные новости со всего света, которые появятся в последнем издании. Здесь же стоит несколько десятков телеграфных аппаратов. Каждая газета, покупающая у «Таймса» новости, имеет здесь свой аппарат; ее представитель выбирает новости, которые его интересуют и посылает их из этой комнаты по телеграфу в свою газету — в Сан-Франциско, в Канаду, в Индию, в Лондон, в Австралию.

Есть еще интересная комната — она оффициально называется моргом, т. е. мертвецкой. Здесь собран материал о 180 000 (честное слово!) живущих еще лицах — когда о них надо будет писать некролог, материал уже готов. Мой любезный редактор порылся в ящике под буквой Z — и с торжеством показал мне несколько карточек со ссылками на определенные номера «Таймса» — здесь, оказыва-

ется было уже известно, что я в свое время был в Сибири арестован Колчаком, был членом Заграничной Делегации П. С. Р., имел некоторое отношение к московскому процессу с.-р. и пр. Из добросовестности должен сообщить, что, оказывается, в свое время, еще при царизме, во время своей сибирской ссылки я пытался там покончить самоубийством, так как, оказывается, меня лишили книг и переписки... Обо всем этом я и сам узнал впервые только теперь! Неужели все это, действительно, появится в моем некрологе, который будет напечатан в нью-иоркском «Таймсе»?...

Вся газета обслуживается приблизительно двумя тысячами лиц — редакция, репортаж, служащие, рабочие. Оклад литературного редактора в среднем — 1000 долларов в месяц, но главный деловой управляющий (business-manager) получает от 35 до 50 тысяч долларов в год. Заработок репортера — около 50 долларов в неделю; статья обычно оплачивается 10 долларов за весь газетный столбец (в американской прессе статьи обычно расцениваются не построчно, а столбцами). Наборщики и типографы за 8 часовый рабочий день получают 63 доллара в неделю.

Вы устали читать? А мы еще не успели побывать в клубе для рабочих, где имеется читальня и классы по изучению журналистики,

в госпитале, где имеется дневное и ночное дежурство врачей, где имеется даже операционная на случай какого-нибудь несчастья. Не успели заглянуть в специальную комнату для отдыха (resting room) для занятых в газете девушек, их работает здесь около 500...

Но вот cafeteria, т. е. ресторан. Здесь можно закусить, отдохнуть, выпить чаю. Это тоже очень серьезное учреждение — оно открыто с 7 часов утра до 2 часов ночи, через него в течение этого времени проходит не менее тысячи человек. Обеды здесь дешевле, чем в обычных ресторанах, а те, кто зарабатывает меньше 15 долларов в неделю (есть, увы, и такие — хотя их немного), получают здесь свои обеды бесплатно. Мистер Окс потерял в прошлом году на ресторане 20.000 долл. (надеюсь, что он их наверстал на другом)... Но нас не оставляют в покое и здесь. Главный повар показывает свои чудеса: электрические погреба-холодильники, стены которых покрыты морозным инеем, электрическую выработку льда, электрическую машину, которая сама моет грязную посуду, какую - то необыкновенную механику, конечно, тоже электрическую, которая варит по вашему вкусу яйца — две минуты, три, четыре, — надо только знать, на какую зарубку эту механику поставить...

ЖЕЛТАЯ ПРЕССА

Печать в американской жизни — один из самых ее могучих рычагов. Журналист с именем здесь огромная сила — перед ним в буквальном смысле слова открываются все двери и очень часто он может сделать больше, чем официальные власти, вооруженные всем аппаратом американской государственности.

У нас любят говорить об американской «желтой прессе», как об исчадии зла — на нее обрушивают громы и проклятия. В представлении большинства «желтая пресса» есть прежде всего печать улицы, стремящаяся приспособиться к наиболее низменным потребностям и даже инстинктам толпы. В этом кроется несомненное недоразумение, так как такая характеристика, за малыми исключениями и с некоторыми оговорками, приложима в сущности говоря ко всей американской прессе. И в этом смысле всю американскую прессу можно назвать «желтой»».

Американская печать вообще имеет такие

яркие особенности, что в первое время вряд ли может быть вполне понята европейцем.

Американская пресса — это прежде всего — business. Совершенно такое же business, дело, как тысяча других — как торговля, промышленность, машиностроение, зубоврачевание. У людей есть потребность стараться узнать, что происходит на белом свете, чем закончились выборы в парламент, кто первый пришел на скачках, как прошла премьера в таком то театре, сколько народа погибло на пожаре на ближайшей улице — и газета должна удовлетворить это естественное любопытство. Европейское—и в особенности русское—представление о газете,как о каком то руководящем органе,куда то людей зовущем,имеющем претензию куда то их направить—как общее правило,чуждо американской психологии.Такая претензия прежде всего задела бы элементарное чувство независимости каждого американца,его гордость. Газета должна отвечать,а не спрашивать.Ее роль раньше всего и прежде всего служебная.Если приказчик в магазине вздумает об'яснять покупателю - американцу,что ему нужно,американец с недоумением и презрением от него отвернется и во второй раз к нему больше не обратится.Американский читатель с неудовольствием отбросит газету,если заметит в передовой ста-

тье поучение. Газеты,по его глубочайшему убеждению, существуют вовсе не для этого.

Поэтому и психология руководителей газеты в Америке мало похожа на психологию европейских журналистов. Надо прежде всего угадать потребности читателя, найти своего клиента, приспособить газету к его вкусам и потребностям так, чтобы он не мог обойтись без нее и нашел в ней все то, что ему надо. Именно в этом смысле вся американская пресса — «желтая пресса».

Все это — в духе американской жизни и в полном соответствии с тенденциями ее развития. Подтверждение можно найти хотя бы в недавно вышедшем исследовании некого американца Поля Уайта « Редактор и издатель» — Paul W. Withe: Editor and Publisher, в котором он анализирует характер 110 американских газет и старается установить, какие изменения пережила американская газета за последние 25 лет. Газета, приходит он к заключению, прежде всего увеличилась в размерах — в среднем она теперь имеет 16 страниц по 8 столбцов в странице; 25 лет тому назад она имела 12 страниц по 7 столбцов.Общий отдел, иностранная политика, судебная хроника, жизнь общества, т. е. так называемая social live или то, что у нас называется « светская хроника » — все это рань-

ше занимало больше половины всего текста, теперь это занимает 40 процентов. Почти вдвое вырос отдел заграничной информации (интернационализация Америки вопреки доктрине Монрое!) — хотя он все-таки занимает в американской газете весьма скромное место : лишь 2 1/2 процента всего об'ема газеты. Это значительно меньше спортивного отдела, который теперь занимает 7 1/2 процентов и обнаруживает определенную тенденцию роста, вытесняя соседние отделы. Политический отдел почти не изменился, зато значительно увеличился отдел судебный (вероятно не столько за счет уголовных дел — и раньше в Америке много убивали и воровали, хотя, действительно, рост преступности в Америке угрожающий — сколько за счет бракоразводных!).

Но характернее всего следующее : по утверждению Уайта изменение характера газет выразилось в сокращении столбцов, отведенных «выражению мнений». Более чем на две трети сократилась редакционная часть. Редакция, как некое коллективное — или единоличное, это не важно — руководящее мнение, становится для газеты все менее нужной, американский читатель все более тяготится редакционным руководством, — он хочет лишь знать факты, хочет избавиться от на-

вязывания ему чужих мнений. Да при все ускоряющемся темпе жизни ему это, наконец, становится даже некогда.

С другой стороны — почти на 50 процентов вырос за последние 25 лет отдел об'явлений, эта уже обнаженно служебная часть газеты.

Ослабление редакционного влияния, перевес информации над мнением, рост об'явлений — все это выражение одного процесса: газета все больше превращается в один из многочисленных business («коммерциализируется»), все сильнее утрачивает роль руководителя, все определеннее низводится к чисто служебной роли.

Указанные факты не являются открытием — они установлены в американской жизни уже давно. И тем не менее не все издатели, не все журналисты согласны с этими фактами примириться. С исключительно служебной ролью газеты не хочет примириться прежде всего тот, кого не без основания считают в Америке королем газетного дела — Херст. William Randolph Hearst — руководитель самого могущественного в Америке — а может быть и в мире — газетного синдиката. Он располагает здесь приблизительно тремя десятками наиболее распространенных газет (три самые распространенные в Нью-Иорке —

New York American, New York Evening Journal, Daily Mirror), его газеты и журналы покупаются приблизительно десятью миллионами (считают, что всего в Америке расходится ежедневно около 15 миллионов экземпляров газет).

Именно Херста и считают основателем и руководителем **желтой прессы.** Но, быть может, именно потому, что херстовская пресса сделалась наиболее ярким выражением газетного американизма, он поставил своей целью бороться с теми особенностями американской прессы, которые для нее являются особенно характерными. Этот факт будет для русского читателя, несомненно, несколько неожиданным. Херст, король желтой прессы, как раз и вступил на борьбу с « желтизной » американской газеты! Желтой прессой у нас принято считать газету подлаживающуюся к массовому читателю, приспособляющуюся, едва ли не подкупную. Но характерным для деятельности Херста является как раз тот факт, что он не газету приспособляет ко вкусам и требованиям публики, а — вопреки американским газетным нравам — старается при помощи газет воздействовать на читателя! В этом смысле его — в отличие от большинства американских издателей — следует считать скорее идейным издателем. Фактически едва

ли не одна лишь настоящая желтая пресса в Америке — вопреки русским представлениям — и ведет какую то свою идейную линию.

Конечно, не следует преувеличивать идейности желтой прессы и самого Херста. Его программа чрезвычайно плоска и ограничена — она, по существу, сводится к прописной морали. Но нельзя отрицать того, что эта пресса прежде всего — дидактична.

Херст рассуждает следующим образом: одна из наиболее серьезных и влиятельных в политическом отношении газет, New York Times, имеет, допустим, 135 000 читателей, но передовые статьи этой газеты читают не более 5 000 — надо заставить читать передовицы миллионы читателей! Какое-нибудь общее положение морально общественного характера — ну, напр., что общественная работа должна руководиться интересами общества, страны, государства, а не интересами отдельных частных лиц — должно быть иллюстрировано каким - нибудь забавным анекдотом, изложено занимательно, в применении к какому-нибудь недавнему случаю, заставившему о себѣ много говорить. Это в газете Херста излагается в передовой, часто с иллюстрацией. В основе херстовского направления лежитъ домашняя, дешевая философия — быть полезным для миллионов.

В этом и заключается особенность желтой прессы — в газете должна быть выражена общеобязательная и общепринятая мораль толпы, улицы, но вместе с тем эта мораль незаметно должна быть внушена и читателю. В желтой прессе всегда — большею частью между строками, незаметно, — чтобы не было, избави Бог, скучно! — заключается дидактика, проповедь, — в отличие от обычной американской прессы, в которой на первом и на последнем месте стоит информация последней минуты, up to date!

Чем ближе стоит газета к читателю, чем больше она с ним сливается, чем труднее читателю обойтись без нее — тем больше отвечает она поставленному перед американским редактором - издателем идеалу. Она должна играть роль тех бесчисленных drug-stores на американских улицах любого города, в которых можно найти все : лекарство, духи, ice cream-soda в жаркую погоду, бутерброд, письменные принадлежности, публичный телефон. Газета, — как всякое другое публичное учреждение — должна прежде всего служить публике.

И американская газета служит.

Когда просматриваешь внимательно среднюю американскую газету — всего лучше взять какую - нибудь провинциальную хер-

стовскую, то поистине поражаешься той близости, которая существует между читателем и газетой. Вы чувствуете, что газета, действительно, служит читателю, что последний именно к ней обращается во всех затруднительных случаях своей жизни, именно у нее ищет и находит разрешение. С особым интересом я просматривал в этих газетах один отдел, которого не знал и не знаю ни в наших русских газетах, ни в западно - европейских. Это отдел вопросов и ответов. Читатель обращается в газету за всякого рода советами, за справками, раз'яснениями — и изо дня в день газета заполняет ответами столбцы этого отдела. При этом печатаются обязательно как самые вопросы, так и ответы. Я знаю газеты, которые не только на этом отделе специализировались, но и создали себе имя и тираж.

Из имеющегося в моем распоряжении большого материала приведу несколько образцов из двух наиболее распространенных газет Кливеленда — «Cleveland Plain Dealer» и «Cleveland Press».

Миссис Марта Ли и мисс Лауретта Джой — таковы псевдонимы заведующих этими отделами (кстати сказать, большею частью это бывает кто - либо из редакторов, ибо этим отделам придается большое значение и для ве-

дения их необходима немалая литературная и житейская опытность) — должны отвечать на самые разнообразные вопросы. Тут вопросы юридического свойства и медицинского, спрашивают, как вывести на лице бородавку, как приобрести иностранцу права американского гражданства, как увеличить вес или рост, где можно приобрести познания по той или другой специальности. Однако преобладающее большинство вопросов — из области интимной, личной или семейной, жизни. Некоторые вопросы, видимо, задаются из любопытства или по легкомыслию, но за другими чувствуется серьезная драма.

« Милая миссис Ли, я хочу спросить Вашего совета, прежде чем решиться на развод. Пять лет я замужем, но испытала мало счастья. Мой муж на пять лет моложе меня и очень ревнив. Дом я держу в порядке, меня он всегда видит дома, обед также всегда бывает во время. Он хорошо ко мне относится, но он так любит детей—а у нас их нет. Отношения между нами все больше и больше портятся. Я отказалась для него от всего, даже от своих знакомств. Наконец, я ему заявила, что вернусь к родителям — быть может он будет счастливее с другой...» Вот ответ миссис Ли: « Хотя Ваш муж и мучает Вас своей ревностью, Вы все же должны благодарить свою

судьбу — она лучше многих других, — думать при таких условиях о разводе неразумно. Женщины часто делают ошибки, усиливая своим поведением недостатки своих мужей,вместо того чтобы с ними бороться.Конечно, ревность в нем Вы не убьете, но можно сделать человека более внимательным. Если он, действительно, Вас любит, он не согласится потерять Вас—развод в этом случае ничего не разрешит. Вы имеете право на большую индивидуальность в Вашей жизни — неразумно подчиняться всем настроениям и капризам мужа : постарайтесь делать не только то, что нравится ему, но также и то, что нравится Вам самой. Это может оказать на него благодетельное влияние.»

«Дорогая миссис Ли, я — молодая замужняя женщина, моему ребенку восемь лет. Мой муж хорошо ко мне относится, но иногда он бывает вдруг очень груб и резок. Тогда он начинает мучить девочку — тискает ей руки, щипет нос и грозит ее высечь, если она кому - нибудь об этом расскажет. Я внушаю ей, что она должна уважать отца и она легко ему прощает, но временами не может скрыть от него своего неудовольствия и боязни — и тогда он сердится на меня. Перед кем я несу больше ответственность — перед мужем или перед дочерью?» — « Ваш долг прежде все-

го защитить ребенка, — отвечает миссис Ли. — Но не восстанавливайте ребенка против отца. Улучите минуту, когда Вы будете наедине с мужем и поговорите с ним. И если он, несмотря на все Ваши убеждения, будет продолжать мучить ребенка — Вы имеете полное право удалить ребенка от отца и обязаны будете сделать это как можно скорее : ни одна мать не может позволить, чтобы ребенок страдал несправедливо».

«Милая миссис Ли, один молодой человек в последнее время стал усиленно ухаживать за мной. До того как мы познакомились, он ухаживал за другой девушкой, но потом ее оставил. Однако его мать думает, что он ее не забыл и почему то при мне всегда о ней говорит. Я от этого плачу. Однажды она мне сказала, чтобы я не относилась серьезно к ее сыну, это очень меня огорчило. Тогда она обняла меня и сказала о другом своем сыне, что он серьезнее, но он совсем другой. Как Вы думаете, любит он меня или нет? Когда у меня грустный вид, он меня обнимает и просит сказать, почему я бываю грустная. Конечно, по настоящему я никогда не грущу — я только для вида делаю это. Разве не так ведут себя все любящие?» — «Вы — глупая, маленькая девочка — гласит ответ. — Возможно, что мать молодого человека, видя, что Вы

не можете скрыть свою любовь, вежливо хочет Вас предупредить, что намерения ее сына несерьезны, хотя Вы сами ему и верите. Не старайтесь вызвать в нем во что бы то ни стало любовь к себе. Только та любовь настоящая, которая сама свободно рождается».

«Милая мисс Джой, в октябре я была на маскараде и заметила молодого человека лет 18-ти, который очень на меня смотрел. Я не обращала внимания на его ухаживание. В течение вечера я несколько раз с ним танцевала, он узнал мое имя и адрес. Потом мы познакомились и стали бывать вместе, он мне писал. Потом он, должно быть, раздумал и стал избегать меня. Он сказал, что был арестован, но я узнала, что это было неверно. Я написала ему, какого я о нем мнения. Он попробовал все обратить в шутку. Что теперь я должна делать?Должна ли я с ним расстаться или дать ему возможность загладить свою вину? Мне 18 лет и 4 месяца. Мой рост 5 футов и три дюйма. Каков должен быть мой правильный вес? Сколько денег необходимо иметь перед свадьбой? Каков должен быть мой нормальный заработок?» — Мисс Джой весьма обстоятельно ответила на все вопросы : «За все Вы должны винить только себя. Случайные встречи всегда могут повести к дурному знакомству. Вы должны забыть об этом знаком-

стве и впредь избегать флирта с незнакомыми. Для Вашего самолюбия должно быть унизительно сознание, что молодой человек Вами пренебрег — но это так и Вы должны иметь мужество это признать. Если Вы с ним встретитесь, вежливо ему поклонитесь. Ваш нормальный вес должен равняться приблизительно 120 фунтам. Перед своим замужеством Вы должны скопить такую сумму, чтобы приобрести на нее скромную домашнюю обстановку. Чтобы жить с удобствами, Вы должны зарабатывать в неделю минимум 25 долларов».

На этом можно и оборвать переписку мисс Джой и миссис Ли с их бесчисленными читательницами и читателями... Только случайно мною приведены одни лишь женские письма — передо мною лежат письма, подписанные также «Старомодным юношей», «Сероглазым англичанином», «Девятнадцатилетним» и пр. и пр. Клиентура этого отдела газет весьма многочисленна. Мисс Джой даже об'явила в газете, что начиная с 10 марта она раз в неделю, по понедельникам, между 9 и 9.30 утра, будет давать ответы по радио (длина волны такая то...) .

Можно ли себе представить подобный отдел в какой - нибудь европейской газете? Сомнительно. Но в Америке он ни у кого не

вызывает удивления, мало того — он естественен при том отношении к газете, которое у среднего американца существует. В этом именно отношении и заключается особенность американской прессы, так называемой желтой — в частности.

ШКОЛА В АМЕРИКЕ

Я жил в Нью - Иорке рядом с Колумбийским университетом. Университетские здания занимают огромную площадь. Посередине большое и богатое здание библиотеки под куполом — к нему с улицы идет широкая каменная лестница, внизу статуя Alma Mater. Напротив огромная спортивная площадка, окруженная амфитеатром — здесь студенты играют в base ball, foot ball, лаун - теннис и другие игры. Вокруг масса всяческих зданий —институт для журналистов, учительский институт, здания юридического факультета, философского, медицинского, инженерного, теологический институт, огромное здание для кафетерии (ресторан), церковь, огромный дом, в котором студенты живут, brotherhood (братства), какие то увитые плющем домики неизвестного мне назначения, клуб... Все это занимает несколько кварталов — чтобы только обойти их потребуется несколько часов. Через Broadway постройки, предназначенные для студенток, их High School (высшая

школа), женский клуб, общежитие. Живут студенты и студентки по своим кварталам, но в университете лекции слушают вместе.

Одно из прилегающих к университетскому району зданий — The Horace Mann School. Это школа для детей младшего и среднего возраста, здесь же и высшая школа для девушек. Конечно, частная, как и вообще все учреждения Колумбийского университета и самый университет.

На углу Бродуей и 120-ой улицы стоит старичек и с любовной заботливостью смотрит на суетящихся вокруг него детишек. Они высыпали на тихую улицу и наполнили ее своей возней, щебетаньем и смехом. Старичек смотрит за тем, чтобы никто не переступил роковой черты, отделяющей 120-ую улицу от Бродуей, по которой льется поток автомобилей. Это — перерыв между уроками и детвора выбежала из классов повозиться и побегать. Но вот раздается звон колокола и толпа детей струится обратно к двери — старичек смотрит, чтобы никто не остался на улице и уводит последнюю группу малышей, которые ему о чем то оживленно рассказывают. Он умеет дружить с ними — уже столько поколений молодых американцев прошло через его руки....

Меня тоже приглашают внутрь здания —

я — distinguished Russian, все рады познакомиться со мной — и мисс Гэррисон, заведующая детским садом, и мисс Прэтт, секретарь школы, и мисс Бриггс, одна из преподавательниц высшей школы, и многие другие, которым меня представляют и которые меня уверяют, что они, «действительно, счастливы познакомиться со мной» — I am indeed very glad to meet you... Здесь привыкли к посетителям: в каждом классе в уголке стоит несколько стульев и вы можете войти во время занятий в комнату и занять ваше место — вам будут только рады; а дети — они даже не обратят на вас внимания.

Начинаю с детского сада. Чистая, уютная комната. Цветы, у окна аквариум, на стенах прекрасные фотографии — снимки с древних храмов — в Греции, Луксоре, в Египте, огромный сфинкс. Скульптура Лукка делла Роббиа. На низенькой табуретке сидит учительница и рассказывает сказку, вокруг детвора — мальчики и девочки, в возрасте от 4 до 6 лет. Сидят непринужденно кругом, кто как примостился — на полу, на столах. Кое где по полу разбросаны игрушки. Одни слушают, другие шалят, играют. Но постепенно начинают прислушиваться все. — « Ну, рассказывать дальше? » — спрашивает учительница. Хор голосов : « да! нет! » Tell me again!

— расскажи сначала! Все такие чистенькие, сияющие здоровьем, весельем. Одеты скромно. По большей частию это дети из интеллигентской среды — живущих в этом районе профессоров, преподавателей. В городских школах дети обычно одеты наряднее. Когда учительница их о чем нибудь спрашивает, почти все разом подымают руки — всем хочется ответить. Граммофон ту же сказку повторяет в пении. Очаровательная картинка — молоденькая хорошенькая учительница и облепившие ее детишки; одни, не отрывая глаз, слушают, прижавшись друг к другу и к учительнице, другие заняты куклой или какой - нибудь игрушкой, которую вертят в руках; так и хочется всю эту группу срисовать или сфотографировать... Скамеечки с шумом отодвигаются, слышен топот многочисленных ножек. Учительница садится за рояль и начинает петь какую - то простенькую детскую песенку, все подхватывают. А вот дружно затеяли какую - то игру... Игра сразу прервана, потому что к ним в гости пришел другой класс — такие же малыши. Чинно рассаживаются по стульям и скамейкам — открывается заседание, председательствует учительница : обсуждается вопрос, кто выступит сегодня на общем собрании, кто будет декламировать, какую песенку споют.

Иду в другую комнату - здесь детвора сидит за столиками. Что - то рисуют, шьют, лепят из глины, один мастерит большой циферблат для часов — каждый выбирает занятие по своим индивидуальным вкусам. На стенах висят детские рисунки. Здесь же из брусков и планок строят большой дом—выше их роста,с окнами, дверями и крышей,катаются на детских велосипедах, налаживают железную дорогу. А вот в этой комнате тихо: под большими в кадках пальмами маленькие читатели рассматривают альбом с цветными рисунками... Читать выучиваются быстро и лёгко — на доске мелом пишутся какие-нибудь простые слова, фразы, сначала отгадывают, что значит каждая буква, потом читают на перебой. Наверху доски написано — good citizens: Hellen, Willis, Roger, Robert, Jane — это список отличившихся, т. е. тех, которые себя сегодня особенно хорошо вели: «хорошие граждане».

« Занятия » эти продолжаются с 9 до 12.

В 11 детям дают легкий молочный завтрак, перед уходом каждый моет свою посуду, прощаются с учительницей и друг с другом за руку. В год за ребенка платят в детском саду 175 долларов. Задачи детского сада (цитирую оффициальный проспект) : « окружить ребенка игрушками, произведениями искусства, занять играми, сказками и пением, способствовать воспитательным и полезным для здоровья играм и труду, приучить к хорошим привычкам и сотрудничеству, подготовить к школе».

Элементарная школа для мальчиков и девочек в возрасте от 6 до 12 лет. Сюда все дети поступают уже грамотными — умеют читать и писать. «Преподавание ведется по лучшим идеалам американского воспитания; большое внимание уделяется ремеслам и искусству, особое внимание обращается на родной язык, арифметику, географию, историю, которые считаются основами современного воспитания ».

Плата — от 225 до 300 долларов в год.

Гимнастика, работы в столярной мастерской, в механической мастерской, где мальчуганы знакомятся с элементарными машинами, разбирают и собирают двигатели, часовой механизм, делают экскурсии за город, где живут бой-скаутами, строят палатки,

разводят костры, варят себе пищу. Девочек учат шить, готовить обед (специальные классы), мыться, плавать. В школе прекрасные бассейны, где ребятишки купаются.

Интересны « классы на крыше ». Они предназначены для малокровных, слабогрудых и нервных. Круглый год все классные занятия проходят под открытым небом, не смотря ни на какую погоду. Сидят в пальто и в капюшонах. Когда я зашел в этот класс, один мальчуган подарил мне номер их журнала — почти каждый класс издает свой журнал (типографским способом). Вот он лежит передо мной — называется «The roof news», т. е « Новости с крыши », издается « классом четвертой степени под открытым небом ». Редактор — Стьюарт Барден, помощник редактора — Раймондъ Хокенбери, администратор — Роберт Раутенштраух, репортеры — Франсис Мак Адам и Роберт Кнебель. Четыре странички — поэзия, проза, репортаж, советы, описание экскурсий. Из отдела новостей : « Эстелль Джедд отсутствовала две недели. Мы все соскучились по ней. Надеемся, что она скоро вернется. Подпись — Гарри Мак - Дермотт ». А вот из рассказа главного редактора : о собачке Джип : « Джип очень красив. Левая сторона его мордочки белая, другая сторона — черного цвета. У Джипа три черных пят-

нышка и один черный нос. Он украл котлету в кухне и принес ее в комнаты. Недавно гонялся за черным котом, но не догнал его. Украл катушку с нитками и проглотил ее, но с ним ничего от этого не было. Один мальчик предложил купить его в обмен на козу. Он понял, бросился на него и укусил. Мальчик убежал. Подпись — Стьюарт Барден ». Этот же главный редактор дает совет, как держать парту в порядке : « Не держите в вашей парте старых бумажек. Все книги должны быть на своих местах. На парте должно быть не меньше двух карандашей ». Один из репортеров указывает на то, что «в раздевальной должно быть больше порядка, платье должно висеть на крючках, башмаки должны быть на своем месте (в школе все дети одевают более легкую обувь) и бумага не должна валяться на полу».

Колокол — во всех классах поднялась возня и стройными колоннами, попарно, детвора повалила в главную залу. Это общее собрание. Светлая, веселая зала, где амфитеатром расположены скамейки, заполнилась — набралось человек 500 детворы, мальчиков и девочек. На сцену уверенно выходит мальчуган лет 8-9 и оглашает программу. Каждый номер называет отдельно. Сначала выходит девочка, лет 4, и декламирует наизусть ко-

ротенькие стихи. Горячие аплодисменты всей аудитории. За ней выходит мальчуган еще более крошечныхъ размеров и тоже что-то декламирует. Имеет такой же успех. За рояль садится учительница—под его звуки на сцену высыпает целый класс, человек 25 ребятишек. Раздается нежное детское пение — аплодисменты всей маленькой аудитории, аплодируют себе и сами исполнители. Вот выходит восьмилетняя девица и делает глубокий реверанс. В руках ее альбом, который она поднимает над головой, демонстративно показывает аудитории и об'ясняет, что они сами альбом сделали, сами его переплели, сами раскрасили переплет и сами стихи написали. Альбом посвящается, как серьезно уверяет девочка, « всем тем, кто, действительно, любит поэзию». Затем читает собственное стихотворение — имеет бурный успех. Собрание кончилось, все расходятся по своим классам и затем в каждом классе идет разбор и критика, как кто читал, как пел, как держал себя на эстраде.

Высшая школа для девочек предназначена для возраста от 12 до 18 лет. Она дает « не только общее образование, но и подготовляет для поступления в американский колледж ». Домашнее хозяйство, искусство, науки, физические упражнения. Дает « не столь-

ко академическое образование, сколько готовит к жизни ». Специальные классы по хозяйству — приготовление обедов (cooking laboratory), учат накрывать на стол, убирать комнаты, приготовлять постель, ходить за маленькими детьми, шить. Но здесь же различные науки, лабораторные работы по химии и биологии, прекрасная библиотека, гигиена, музыка (имеют собственный школьный оркестр), языки, даже латынь. Годовая плата 350 и 375 долларов.

Одна из интереснейших черт американской школы — это самоуправление. Мне пришлось присутствовать как раз на выборах или, вернее, на предвыборном собрании, где намечались кандидатки на пост председателя, вице - председателей, секретарей и кассира. Та же главная аудитория на этот раз была заполнена девочками и девушками в возрасте от 12 до 18 лет. На эстраде перед большим американским флагом, Union Jack, ряд стульев — на них сидят кандидатки, фамилии которых уже оглашены в издаваемом школой журнале. Девицы руководят собранием сами, учительницы скромно сидят в последних рядах аудитории. Оглашается несколько имен кандидаток. Каждую кандидатку аудитории представляет отдельный оратор. Все, конечно, и так знают друг друга,

поэтому представления и агитация носят шуточный характер, при чем каждый оратор старается блеснуть остроумием. Как будто шампанское разлито в воздухе — это юность. Удачная шутка вызывает взрывы веселого, звенящего смеха. Смеяться, впрочем, всему рады: когда одна из ораторш, поднимаясь по ступенькам, запнулась, аудитория тоже разразилась веселым смехом.

— « Я рекомендую свою кандидатку, потому что у нее веселый характер и привлекательная внешность — у нее такие же черные кудри, как у меня » — и ораторша кокетливо дотронулась до своей головки. Все хохочут.

— « Какие качества необходимы для вице - председателя? — спрашивает другая. — Настойчивость, упорство, сильный характер, трудолюбие. Согласно этому гороскопу, — и здесь оратор показывает притихшей аудитории какую-то книжку, — такими качествами обладают лица, родившиеся в сентябре. Моя кандидатка родилась именно в сентябре », — бурный смех всей аудитории. — « Обращаю внимание еще и на то, что, действительно, многие великие люди родились в сентябре — напр., знаменитый писатель Уэлльс, королева Виктория и многие другие »... Остроумного оратора награждают бурными аплодисментами, но ее кандидат-

ку тем не менее проваливают. Прекрасную речь произнесла одна девочка, составив свою речь из популярных стихов и сказок.

В американской школе кроме самоуправления — оно обязательно для всех школ — существуют еще так называемые « ассоциации родителей », наши родительские комитеты. Это постоянно действующая организация, членами которой имеют право быть все родители учащихся; она имеет целью «дать возможность родителям сблизиться с учителями и вместе с ними работать над моральным, духовным и физическим развитием детей; достигнуть взаимного понимания в деле устранения причин, вредно влияющих на воспитание детей, на их игры и на их домашнюю жизнь, создать большую близость между учителями и родителями ». Кроме того в самой школе часто устраиваются совместные заседания родителей и учителей для совместного разрешения возникающих в течение учебного года вопросов.

Высшая школа для мальчиков — в возрасте от 10 до 18 лет — той же Horace Mann School, расположена за городом, среди парка — Van-Corthland-Park. Мне также удалось побывать в ней. И здесь та же простота, приволье, богатство. Больше обращено внимания на спорт, на физическое воспитание. Пло-

щадки для спорта, для игр, в которых, как равноправные, принимают участие и учителя. Прекрасная библиотека, конечно, также свой собственный журнал с выборной редакцией; он даже набирается и печатается самими мальчиками. Занятия с 9 до 5, горячий ленч, два часа обязательно на открытом воздухе, свободные игры, спорт, упражнения. Как и в женской школе, устраивают собственными силами спектакли с платными билетами. Вырученные деньги предназначаются на какие-нибудь благотворительные цели — отправляли в последнее время деньги для детей в Германию, в Японию для пострадавших от землетрясения. У мальчиков свои обширные мастерские, особое помещение для бассейна, каждый ежедневно принимает душ. Жизнь за день наполнена занятиями и физическими упражнениями. Это настоящая нормальная, здоровая жизнь, где упражняются все стороны духовного и физического я. Сомневаюсь, чтобы оставалось время на что-нибудь отвлекающее, мешающее росту и развитию.

Огромное внимание при таком воспитании уделяется физической стороне — здоровью. В американской школе это основа всего — совсем по латинской пословице. Нечего уж говорить о гимнастике, физических упражнениях, гигиене, спорте. Возьмите хотя бы один

вопрос о вентиляции — ему уделено в проспекте несколько страниц! Оказывается, каждый ученик имеет в минуту не менее 50 кубических футов свежего воздуха и в каждой комнате весь воздух меняется в течение семи минут! При этом обращено внимание и на влажность и на температуру — все делается здесь по последнему слову науки. И дети, действительно, поражают своим цветущим видом, своим весельем и свежестью — смотреть на них наслаждение. — « Правила школы, — говорит официальный проспект, — немногочисленны и просты: детям дается максимальная возможность развить самодеятельность. Школа содействует всему тому, что может способствовать развитию индивидуальной инициативы, приучить их к труду и занятиям. Лучшей рекомендацией нашей школы является веселье детей и тот интерес, который они проявляют к своим занятиям ».

И я воочию видел, что это не на ветер брошенные слова.

И лишь одно сомнение или недоумение закрадывается в душу: при тех внешних и внутренних условиях, в которые поставлены дети в американской школе, мы, казалось - бы, должны наблюдать удивительные результаты. Из такой школы должны были бы выходить совершенно особые люди... Но почему

же это не так, почему новые поколения так слабо отличаются от прежних, почему человеческая сокровищница в Америке растет так медленно?... Или, действительно, форма в Америке обогнала самый материал?....

В ГОСТЯХ У МИСС ХИЛЛАРД

В Америке, в числе других приглашений прочитать лекцию о России, было у меня также одно из маленького городка Мидльбери, из штата Коннектикут. Исходило оно от школы, принадлежащей мисс Хиллард. Ни кто такая была эта мисс Хиллард, ни что представляла из себя ее школа — об этом я не имел ни малейшего понятия. Знал только, что у нее гостила в свое время бабушка Брешковская, когда несколько лет тому назад была в Америке и что мисс Хиллард была большой почитательницей бабушки. Мои общие с бабушкой друзья в Америке и устроили мне это приглашение.

Письменное приглашение от самой мисс Хиллард я получил еще в Нью-Иорке. 17-го февраля, согласно условию, я приехал на станцию Уотербери — в двух с половиной часах езды от Нью-Иорка по железной дороге. При выходе из вагона меня встретила средних лет дама. — «How do you do, Mr. Zenzinoff?» —

Узнать меня было не трудно, так как, в отличие от других пассажиров, я один не знал, ни куда мне дальше идти, ни что с собой де-

лать. Сама она отрекомендовалась мне, как одна из учительниц - руководительниц школы мисс Хиллард.

Мы прошли к прекрасному закрытому автомобилю с широкими зеркальными стеклами, с пушистым меховым одеялом и прочим, как полагается. Бесшумно и мягко помчались через небольшой промышленный городок Уотербери, затем по засыпанной снегом дороге среди леса, с холма на холм. Дорогой спутница занимала меня любезным салонным разговором, в котором было больше улыбок, чем слов — а я так и не сумел ее расспросить, что это за школа и куда мы, собственно говоря, едем: было как то неловко... Ведь она, наверное, думала, что все это мне уже давно известно... Через 20 минут в'ехали в Мидльбери — по нашему деревушка, а по американски — городок (5 тысяч жителей). Городской дом (town-hall), библиотека, три церкви рядом — разных вероисповеданий, — и кучки рассыпанных домиков — игрушечные, деревянные, все беленькие, — окрашены снаружи белой масляной краской. Такие я только в американских кинематографах видел. Близ церкви — почетная доска (roll of honor) со списком человек в пятьдесят погибших во время войны граждан города Мидльбери. С холма тихий вид на засыпанные снегом мирные

рощи и домики вдали. Один домик сбоку странно походит на русский помещичий дом с колоннами. Совсем как в первой картине « Евгения Онегина » — но в миниатюре.... Тишина, белизна, снег скрипит, поземкой сухо вьется. И против городского дома — большая, большая, огороженная забором из сложеннаго дикаго камня усадьба. Огромный, оригинальный и изящный каменный дом, кругом, в стенах усадьбы, рассыпаны отдельные постройки. Автомобиль подкатил, скрипя по посыпанному песку, к маленькому каменному домику. В нем показали отведенную мне очаровательную комнату с белоснежной постелью, белой ванной в примыкающей тут же туалетной комнате, белоснежными занавесками и с окнами, выходящими прямо на снег.

Моя чичероне все с той же приветливой улыбкой об'яснила, что через полчаса звонок и меня будут ждать к обеду, а после обеда сейчас же состоится и моя лекция. — Переоделся, распарадился, — черный строгий галстук и смокинг (кстати, американцы такого парадного костюма не знают: у них это называется evening или dinner dress — не надо смешивать с full evening dress, что равнозначуще нашему фраку; смокингом же у них называется, наоборот, домашняя куртка).

Пошел к обеду — через большой двор, по красной, кирпичной дорожке, пожимаясь от холодного ветра со снегом, — и все еще не знаю, что за школа, куда приехал и из кого будет состоять моя аудитория... Встретил меня целый рой учительниц — старых дев, — во главе с мисс Хиллард, похожей своей монументальностью и величественностью на Екатерину Великую. Издали доносился, как из пчельника, рой голосов. Оказывается я попал... в школу для девиц! Сначала стало жутко, но страх быстро сменился храбростью отчаяния. Учительницы наперерыв меня угощали и занимали — я старался держать себя так, как, мне казалось, должны себя держать профессиональные лекторы... И старался украдкой бросить взоры в большую соседнюю комнату, где гудел пчелиный рой и где, казалось, было так весело. Но ничего, кроме множества белых двигающихся силуэтов я не мог разобрать...

После обеда мисс Хиллард провела меня к себе в приемную комнату. Большая, с невысоким потолком, залитая мягким электрическим светом комната, по стенам множество книг в красивых переплетах, рояль, глубокий диван, мягкая мебель, ярко пылающий камин, который, — сразу было видно, — не столько должен был согревать комнату,

сколько придавать ей больше уюта, большой круглый стол, на котором я заметил несколько последних книжек толстых культурных журналов и недавно вышедших книг.

Редко когда приходилось видеть более уютную, более привлекательную, более культурную обстановку. Мисс Хиллард стала расспрашивать о бабушке, о которой вспоминала с нежной восторженностью. Но скоро ее вызвали и я услыхал, как соседняя комната — огромная, великолепная зала, через которую мы проходили после обеда, стала заполняться. Шум девичьих голосов и неразрывно связанный с ним смех становились все слышней, вдруг наступила тишина и раздался голос мисс Хиллард. Через несколько мгновений она появилась в моей комнате и пригласила следовать за ней. Я смело пошел с чувством человека, бросающегося в воду...

Широкие ряды сульев густо усеяны белоснежными фигурами, на этом белом поле выделяются лишь лица, белокурые, каштановые головки и море молодых, жадных, лучистых глаз. Вся аудитория состояла из девиц самого очаровательного возраста — 17-18 лет.

— Девочки! (girls!) — раздался громкий и властный голос мисс Хиллард, — я представляю вам мистера З., друга и приятеля бабуш-

ки Брешковской, о которой я вам так много рассказывала. Мистер З., хотя и много моложе бабушки, но принадлежит к тому же поколению русских людей, которые в течение долгого ряда лет боролись против царизма... (затем следовали комплименты по моему адресу). — Они все участники революции, которая произошла в России....

Здесь политики не боятся. И мисс Хиллард сама обратила внимание на положение народа при большевиках, на голод, на мучения заключенных, на необходимость чем возможно помочь им.

— Теперь, — закончила она свою краткую речь, — мистер З. нам сам расскажет, что в настоящее время происходит на его родине....

И вдруг, совершенно неожиданно, по моему адресу раздались дружные, горячие рукоплескания.

Мисс Хиллард повернулась ко мне. — Мы, женщины, лучше слушаем и понимаем, когда руки у нас заняты, — вам не будет это мешать, мистер З.?

И, к моему большому изумлению, у большинства аудитории появились на коленях вязанье и шитье. Я поспешил уверить, что это мне нисколько не помешает, — затем мне осталось лишь откашляться и произнести сакраментальную фразу:

«Miss Hillard and ladies!»

Горько и жалко было говорить перед этой аудиторией о беспризорных детях, об отсутствии школ, о голодовках в тюрьмах, — когда я называл цифры, приводил факты, видно было на лицах слушавших горестное изумление. И когда я увидел их интерес к тому, о чем я говорил, мой страх пропал. Я рассказал им, как происходят советские « выборы », на которых молчание собравшихся принимается за согласие, где просят поднять руки тех, кто возражает против сделанного предложения, описал некоторые подвиги чеки, кое-кого из героев советской действительности....

Им, привыкшим к демократизму, к атмосфере независимости с малых лет, проводящим принципы демократических выборов с низшей школы в их собственном школьном самоуправлении, — все это казалось верхом нелепости и насилия. И милые девицы, где нужно было, дружно смеялись или негодовали, где можно было, дружно аплодировали. И в заключение наградили долгими аплодисментами, которые мне, при моей скромности, показались овацией...

Воспользовавшись любезным приглашением мисс Хиллард, я прожил в ее школе три дня. Мне это было тем более удобно, что через день после выступления в Westover School -- так официально называется школа мисс

Хиллард, — мне предстояло прочитать лекцию и в Уотербери, согласно приглашению The men's Leage of the Second Congregational Church.

Мисс Хиллард при этом была так мила, что отвезла меня на лекцию в своем автомобиле, сама присутствовала на ней и волновалась за меня, кажется, больше, чем я сам, — и не скрывала своего удовольствия, когда я испытание в Уотербери с честью выдержал.

Когда при своем от'езде из Америки, где я в общей сложности провел четыре месяца, посетил ряд городов, перевидал массу народа, впитал в себя бесконечное множество самых разнообразных впечатлений, — когда я перебирал все в памяти и старался всему подвести итог, то прожитые в Westover School дни я выделил из всего остального. Это, несомненно, были самые приятные, светлые дни и это было из всего виденного мною в Америке наиболее интересным. И когда, расставаясь с Америкой, я написал об этом мисс Хиллард, это с моей стороны не было вовсе пустым комплиментом. Даже сейчас, спустя значительное время, память с особым удовольствием возвращается к Westover School Почему? Странно признаться, но, быть может, потому, что пережитое там мне живо напомнило Россию. И даже не Россию, а... далекий

якутский улус Амгу. Да, за все три прожитые мною в Westover School дня Амга не выходила у меня из головы. Те же — тишина, снег и солнце! Да, здесь был положительно такой же снег, положительно такое же солнце. А я совсем забыл о них, забыл, что такие вещи вообще существуют на свете....

Мне казалось, что я живу не то в раю, не то в волшебной сказке. Играя на снегу, пронизывая белоснежные занавески, солнце утром казалось золотым. Его лучи медленно передвигались по комнате. Она вся имела какой -то девичий характер, как ее обстановка, как вообще весь дом — не знаю как это точнее и полнее определить, но именно этот характер всего окружающего я чувствовал ясно. Чистота, нетронутость, наивная простота. Белоснежная ласковая постель у самого окна — если приподнять раму, можно погрузить с постели руку прямо в снег. Стены окрашены светлой краской, двери и рамы ореховые, некрашеные. Всюду, конечно, электричество, все службы соединены телефоном и из вашей комнаты вы можете говорить с кем угодно, соединяясь самостоятельно с любым номером, благодаря особому приспособлению (кружок с номерами, которые вы можете комбинировать сами).

Через полуоткрывшуюся дверь протягива-

ется чья-то рука с подносом, на котором дается чай с обильным завтраком и обязательно фрукты (американцы свой день начинают обязательно фруктами — на этот счет у них существует целая философия, которую они упорно отстаивают против англичан — сторонников овсянки и bacon and eggs за утренним чаем). И каждый раз, когда я утром принимался за свой завтрак, где-то неподалеку — как будто этого только и дожидался! — начинал петь нежный девичий голос и чьи-то робкие пальцы неуверенно перебирали клавиши рояля — повидимому, кто-то разучивал церковное пение, псалмы. А проходя мимо окон соседнего дома, на своей утренней прогулке, я слышал хор молодых голосов и видел через окна темные и русые головки — — как позднее выяснилось, там находилась школьная церковь.

Занятия в школе продолжаются от 9 до 2, затем в течение двух часов — прогулка или игры на воздухе (коньки, лыжи, хоккей на льду). Около 2-3 часов уходит на приготовление уроков, затем свободны.

После завтрака (т. е. второго завтрака или lunch'a) ходил в парк смотреть, как девицы на коньках на замерзшем пруду играют в хоккей, потом ходил вместе с ними в синематограф (удивительно восприимчивая

аудитория — то заразительный смех хором, то крики удивления и ужаса).

Учительницы все хорошо помнят бабушку Брешковскую — ее имя здесь окружено ореолом, рассказы об ея визите в Westover School в 1919 г. передаются от одного школьного поколения к другому. Большинство ведь остается в школе три года —с того времени, как бабушка здесь была, сменилось уже почти два школьных поколения. Альбомы со снимками 1919 года, на которых бабушка снята в самых разнообразных видах, но всегда среди девиц, благоговейно сохраняются самой мисс Хиллард, как реликвии. Не раз рассказывала она о бабушке и ее жизни своим питомицам — эти рассказы, очевидно, входили обязательным предметом в ее воспитательную систему.

Тихо и безмятежно струится разговор около пылающего камина в полутемной комнате — с алым небом догорающей зари, видным через окна. И лишь бурно кипящий самовар врывается в беседу... да, настоящий тульский самовар с клеймом братьев Баташевых на медной крышке. Но здесь в Америке этот русский самовар электрофицирован! Нетерпеливый американец провел через самоварную крышку витую медную спираль и самовар закипает, стоит лишь вставить штепсель.

Вечером пригласили наверх, в собственный

театр. Разыгривали какую - то наивно - аллегорическую пьесу собственного сочиненія, декламировали стихи собственных поэтесс. Сами играли, сами нарисовали декорации, сами сшили себе платья и сами же смотрели — и все веселились, у всех ярко горели глаза.

Весь день — щебетанье, смех, веселье. Ребячество, в соединении с девичьей грацией (от 14 до 18 лет), без тени кокетства. Какая нибудь девица схватит пирожное, побежит, даст откусить одной, потом — другой, остальное скорее проглотит сама. Настоящая девичья республика. Я был единственным мущиной в Westover School и все время себя чувствовал каким - то мушкатером в монастыре. При встречах со мной приветливо на меня взглядывали—ведь мы уже знакомы!—но без тени подчеркнутого любопытства, тем более какого-либо смущения, — на приветствия отвечали любезными словами, открытыми, ясными глазами. Утром все одеты в одинаковые песочного цвета платья, вечером все в белом, что производило очаровательное впечатление. Мисс Хиллард строго запрещает ношение каких бы то ни было украшений, все платья должны быть простыми. Запрещено чтение газет; об'ясняется это тем, чтобы не выписывали себе местных газет с их неизбежными отделами скандалов, светских сплетен, а главное под-

робными судебными отчетами о разводах, адюльтере и убийствах. Среди учениц немало дочерей весьма состоятельных лиц — мне называли очень громкие американские имена, но все в школе должны жить в одинаковых условиях.

И когда взглянешь на эту толпу, кипящую смехом и молодостью, все сливаются в какой то единый образ — остается воспоминание о сверкающих весельем глазах, улыбке, пышных кудрях - локонах (избави Бог завиваться — за этим мисс Хиллард следит строго!) и птичьем щебете. Это настоящий питомник жизни — для радости и счастья.

Когда после окончания спектакля (интересная подробность — в зале впереди первого ряда стульев длинной вереницей прямо на пол уселись белыя девицы), я шел по залитому луной двору к своему домику среди снега, из главного здания долго еще раздавались звонкий смех и рояль из открытых окон (здесь морозов не боятся). И так не хотелось уходить от этого радостного, ясного смеха. Я даже пожалел, что не пошел, как меня приглашали, кататься с гор на салазках при луне — впрочем, в свое оправдание должен сказать, что меня приглашали не девицы - ученицы, а старые девы - учительницы...

Когда-то давно читал я роман Джека Лондона под названием «Маленькая хозяйка боль-

шого дома». Описана была привольная жизнь богатейшего американского собственника какого-то удивительного поместья—где - то на Западе. Эта жизнь изображалась, как песня труда, радостей и развлечений—меня поразило тогда в романе ощущение какой-то неописуемой полноты всех человеческих переживаний, жизнь полной душой, во всю широту возможных радостей. Мне казалось тогда, что такая жизнь возможна лишь в буйной фантазии, что в самой действительности не может быть места такой полноте жизни, такой ея гармонии. Теперь, прожив три дня в Westover School, я усомнился в этом. Повидимому, какое-то приближение к фантазии Джека Лондона возможно и в действительности. Я думаю, что у тех, кто прожил свои девичьи годы в школе мисс Хиллард, на всю жизнь должно остаться ощущение возможности такой чудесной полноты жизни. Не в этом ли и заключается глубочайший смысл воспитания—пробудить в юном сознании на всю его остальную жизнь стремление к тому, что в юности, в каком-то полусне, казалось уже раз почти достигнутым, почти осуществленным?

Вопреки утренней еврейской молитве («благодарю тебя, Боже, что ты создал меня не женщиной»...), я был бы рад на один месяц превратиться в 18-ти летнюю девушку и провести этот месяц в школе мисс Хиллард.

В ЦАРСТВЕ КНИГИ

Помню, в гимназические годы, нередко приходилось подолгу простаивать на морозной улице перед дверями Румянцевской библиотеки в Москве и ждать, когда, наконец, швейцар откроет желанные двери и впустит очередную порцию посетителей. Длинный хвост медленно продвигался вперед — сначала в переднюю, потом по лестнице. Наконец, верхняя площадка — показываешь свой билет, получаешь контрольный листик и ты в святилище. И благодари судьбу, если тебе удастся получить место на подоконнике между лохматыми студентами — столики все заняты, сидят даже в проходах и сидят прочно.

Позднее приходилось бывать и в Петербургской Публичной Библиотеке. Помню, как я был удивлен, когда при входе у меня спросили... паспорт. Правда, мне это не доставило никаких затруднений, потому что в кармане у меня тогда имелось целых два — был тогда, грешным делом, на нелегальном положении, удрав из ссылки, — но все же было неприятно (всегда бывает немножко неприятно, когда

интересуются твоим паспортом, особенно, если не все в этом отношении обстоит благополучно). Прекрасная светлая зала, удобные столы, но я долго не мог привыкнуть к этим скользящим где-то рядом шагам соглядатаев, неустанно фланирующих вдоль столов — смотрят, как бы кто не вырвал чего из книги, не запачкал ее... Это мешало сосредоточиться и раздражало. Помню, нужны мне были тогда две книжки: том Куно Фишера о Фихте из его истории философии и книжка Бенуа о русском искусстве. Обе книжки мне выдать, однако, отказались: книжку Куно Фишера надо заказать и придти за ней снова после двух часов, а Бенуа на руки вообще не выдается, так как из него могут вырвать иллюстрации и потому для получения этой книги необходима специальная рекомендация...

Мне пришли на память эти полузабытые воспоминания о далеких временах теперь в Вашингтоне, после того как я побывал здесь в Библиотеке Конгресса, этой Публичной Библиотеке Соединенных Штатов. Пришли, конечно, в силу контраста. Там приходилось бороться за право доступа к книге и не всегда эта борьба заканчивалась успехом, здесь — если тебе нужны книги, оне все в твоем распоряжении, тебе предоставлены все удобства для пользования ими.

Начну по американски: Библиотека Конгресса размерами своего здания — первая библиотека в мире, по количеству книг в ней — первая в этом полушарии и третья (после Национальной Библиотеки в Париже и Британского музея в Лондоне) во всем свете. В ней сейчас имеется свыше трех миллионов томов. Основана была в 1800 году, когда находившееся еще тогда в Филадельфии правительство избрало своей резиденцией Вашингтон. При основании имела всего лишь 964 книги. В 1812 году, во время войны с Англией была сожжена до тла британскими войсками. В современном американском журнале пожар этот описывается следующим образом: «Британцы заняли Капитолий. Начальствующие и обер-офицеры заняли Палату представителей; адмирал королевскаго флота Кокбурн, сидя в кресле спикера, призвал присутствующих к порядку. — «Джентльмены, — воскликнул он, — перед нами вопрос, сжечь ли этот притон демократов-янки? Кто стоит за то, чтобы сжечь, пусть скажет — да»! —— Его слова были встречены всеобщим криком одобрения. — «Все, кто против, пусть скажут — нет»! — на минуту воцарилось молчание. — «Огня»! — крикнул тогда британец и возглас этот повторился во всех концах здания. Книги на полках библиотеки были употреблены в качестве растопки. Капитолий был сожжен...».

Только в 1897 г. библиотека была перенесена из здания Капитолия, в котором находились Сенат и Палата представителей, в специально построенное для нее рядом здание, где находится теперь. Первоначально библиотека эта была предназначена исключительно для справок членам Конгресса в их законодательной работе, но постепенно она превратилась в книгохранилище всего американского народа, что предвидел еще при самом основании ее президент Джефферсон, уже тогда предсказывавший, что она сделается «библиотекой Соединенных Штатов». Об'ясняется это превращение не только ежегодными приобретениями, но также еще двумя причинами. Во первых, высшее научное учреждение страны, так наз. Смитсоновский Институт — Smithsonian Institution — ввел систему международного обмена научными изданиями. Он безплатно рассылает по всему свету выпущенные им научные издания, получая в обмен отовсюду огромное количество книг, выпускаемых как внутри страны, так и заграницей (всего было получено таким путем около 900 000 томов). Другим средством пополнения библиотеки был изданный в 1870 г. закон об охранении авторских прав (знаменитое «Copyright»), согласно коему изданные во всем мире книги, авторы которых желают сохранить за собой

права на них в Америке, должны прислать в Библиотеку Конгресса два экземпляра изданной книги; за 53 года существования этого закона библиотека зарегистрировала свыше 3 миллионов поступлений.

Библиотека Конгресса доступна решительно всем — для пользования ею не нужно никаких билетов, никаких официальных разрешений. Один из первых пунктов ее конституции гласит: «Библиотека абсолютно свободна для всех читателей свыше 16-ти летнего возраста».

Вы поднимаетесь по сверкающей своей бѣлизной широкой мраморной лестнице, сдаете свое пальто и шляпу и через огромный hall входите в круглую залу — и вы в самом святилище! И никто ни о чем вас не спросил. Несколько рядов карточных каталогов. Концентрическими кругами расположены столы для занятий. Сверху падает мягкий свет, вечером все залито электричеством. Библиотека открыта с 9 часов утра до 10 вечера, ежедневно. Главная задача библиотеки — пользование книгами должно быть для посетителей наивозможно свободным. Число книг, которыми посетитель может пользоваться, неограниченное; в самой читальной зале в его распоряжении — 15.000 томов. Если для его занятий ему необходимо самому порыться среди

книжных полок, его проводят к полкам; если изо дня в день ему необходимы одни и те же книги, — к тому месту, где он постоянно занимается, придвигается специальный стол, на котором эти книги всегда лежат; если ему необходима переписчица с пишущей машинкой, библиотека отводит ему специальное помещение и приглашает туда за счет читателя машинистку — там он может диктовать ей, сколько ему угодно, никому не мешая и никем не тревожимый; если, наконец, с какого - нибудь редкого издания читатель хочет сделать фотографические снимки, этим занимается специальное отделение библиотеки и с него возьмут лишь столько, сколько стоят потраченные фотографические материалы; так может быть сфотографирована хотя бы целая книга. Человеку, специально над чем-нибудь работающему, отводят на хорах специальную отдельную комнату и он работает там, как в своем собственном кабинете — никаких особых рекомендаций для этого не требуется. В библиотеке имеется, конечно, ресторан и кафе — вы можете жить и работать в библиотеке, уходя домой только на ночь.

Одна из интересных особенностей библиотеки — исполнение заказов. Вы выбрали в каталоге книжку и идете с этим заказом к тому первому концентрическому кругу, который

расположен в центре и за которым сидят служащие библиотеки; конечно, вы должны на своем заказе обозначить все те цифры и буквы, под которыми ваша книга помечена в каталоге. (Между прочим, ради опыта, я попробовал заказать свою собственную книжку, изданную мною десять лет тому назад в Москве и с тех пор мною безуспешно разыскиваемую в Европе — книга была немедленно мне выдана). 24 пневматических трубки идут от центра читальной залы во все стороны — каждая трубка имеет на конце цилиндрическую пробку, в которую помещается ваше требование. Пробка летит, куда надо — и через пять, максимум шесть минут вам вручается истребованная вами книга. Но как истребованная книга поступает к библиотекарю? Здесь самое интересное. Все книги расположены радиусами вокруг читальной залы в нескольких этажах — они помещаются в одинаковых металлических шкафах (немного выше человеческого роста, чтобы, не пользуясь лестницей, можно было достать каждую книгу) на одинаковых металлических полках (их в библиотеке всего 69.200). Обращено большое внимание на то, чтобы в самих книгохранилищах было не слишком много света — книги могут выгореть — и чтобы в помещении была всегда равномерная температура — книга быстро ветшает

от резкой перемены температуры и от тепла. Отчасти с этой целью сделаны широкие прорези в полу у самых шкапов, так что сверху через довольно широкую щель вы видите все этажи внизу с соответветственно расположенными шкафами; это преследует еще и другую цель—через эти щели служащие могут переговариваться, не поднимаясь из одного этажа в другой, что облегчает поиски нужной книги. Восемнадцать лотков ходят в горизонтальном и вертикальном направлении по всем этажам и радиусам со скоростью 100 футов в минуту; вся эта механика приводится в движение, конечно, электричеством. Надо видеть, как любовно передают книгу эти бездушные лотки, устроенные в виде гребенки с зубьями, друг другу! Проносясь по радиусу, книга попадает на лифт (американцы зовут их элеваторами) и опускается вниз, там она падает в обитую ватой корзинку, которая, промчавшись уже в нижнем этаже, под ногами читателей, снова по элеватору поднимается и попадает в руки выдающего, который и вручает ее читателю. На всю эту сложную процедуру уходит, повторяю, не больше пяти - шести минут; при этом достигается максимальная бережливость — книгу при передаче никто не хватает руками, никто не треплет.

Но в смысле передачи это еще не все. Еще

интереснее доставка книги из Библиотеки Конгресса в самый Конгресс. Представьте себе, что красноречивому сенатору нужна цитата — во время произнесения им речи он пишет на клочке бумаги название книги и передает заказ на книгу одному из своих секретарей; между Библиотекой Конгресса и Капитолием, в котором Конгресс помещается, расстояние около одной четверти мили — между ними построен подземный туннель, по которому два лотка ходят со скоростью 600 футов в минуту; тут же пневматическая трубка и телефон; нужная книга, цитата или справка попадают в руки оратора через несколько минут после того, как свое требование он записал на бумажке...

В Библиотеке Конгресса имеются каталоги всех наиболее крупных библиотек в мире — Лондона, Парижа, Берлина, Вены, Петербурга, Брюсселя, Пекина, Киото, Стокгольма. Одной из характернейших особенностей вашингтонской библиотеки является предоставление права пользования ея книгами другим библиотекам и всем научным обществам—в международном масштабе. Один из пунктов ее конституции гласит: «долгом национальной библиотеки является помощь редкими книгами другим нациям». На этом основании, если какая-нибудь другая библиотека или какое - ни-

будь ученое общество просит прислать «взаймы» для временного пользования книгу, которая здесь имеется, таковая немедленно высылается (the interlibrary loan). Несколько таких требований за последние годы поступило, между прочим, и из петроградской Академии Наук — все они были немедленно исполнены.

Библиотека имеет, конечно, массу различных отделов: иностранные отделы на всех языках, отдел рукописей, карт, музыки, периодических изданий, библиографии, восточный отдел, наконец, славянский. Последний для нас, конечно, наиболее интересен. Я имею в виду так называемую библиотеку Юдина, входящую составной частью в Библиотеку Конгресса. Как ни странно, вероятно, будет узнать многим, находящаяся в вашингтонской национальной библиотеке«Библиотека Юдина»является одной из самых больших русских библиотек на свете (80 000 томов), а в некоторых отношениях, несомненно, и единственная. Недаром теперешний директор Библиотеки Конгресса Путнам, занимающий этот пост уже в течение 25 лет, мне заявил: «библиотека Юдина — наша гордость».

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА В ВАШИНГТОНЕ

Многие ли знают, что в Вашингтоне имеется одна из лучших во всем свете библиотек? Признаться, не знал этого до приезда в Америку и я. А между тем огромный интерес представляет не только она сама, но также история ее возникновения и причины появления ее в Америке. В этом так много самобытных русских черт, что и на этой стороне стоит остановиться.

Я имею в виду так называемую «Библиотеку Юдина», которая входит сейчас составной частью в национальную американскую «Библиотеку Конгресса» и является специальным предметом гордости ее библиотекаря, м-ра Путнама.

Но прежде всего, — кто такой сам Юдин? Геннадий Васильевич Юдин родился в 1840 году в Тобольской губернии. С фотографии на вас смотрит патриарх с огромной белой бородой, со строгими и умными глазами, в широком сюртуке — руки держит так, как их обычно держат люди, не привыкшие к тому, чтобы их снимали; похож на старообрядца. Умер

кажется, лет десять тому назад. Всю свою жизнь прожил в Красноярске, но бывал и заграницей. Имел винокуренный завод, несколько золотых приисков, дома и земли в самом Красноярске. Настоящий сибирский кряж. По натуре своей, несомненно, родной брат тем уральским и сибирским купцам — людям большого и своеобразного ума и широчайшего размаха, которые описаны Маминым - Сибиряком (напр., в «Сластеновских Миллионах»). Отец его был замечательный математик самоучка. Он принадлежал к старому купеческому роду Юдиных г. Чухломы, Костромской губернии. Интерес к родному городу всегда проявлялся у Геннадия Васильевича, который издал документы 17-го века по Чухломе, а также семейный Юдинскiй архив. С детства Геннадий Васильевич имел необычайную склонность к коллекционированию. С 13 лет сохранял все свои бумаги, расписки, записки, вел ежедневные приходо - расходные записи и привычку эту сохранил до последних дней своей жизни — он исходил из мысли, что для потомства жизнь человека должна быть интересна и должна быть закреплена во всех ее мельчайших проявлениях. (Я знаю только одного человека, который имеет те же привычки и с той же скрупулезной и влюбленной внимательностью собирает все рукописные

материалы, которые попадают в его руки, относясь к ним, как к человеческим документам — я имею в виду Алексея Михайловича Ремизова). Все эти бумаги Юдин сохранял в величайшем порядке. Очень рано в нем развилась страсть коллекционировать редкие книги. Обладая большими средствами, он имел возможность завести специальных агентов в Москве и Петербурге, которые выискивали у букинистов редкие издания и высылали их ему в Красноярск. И так как сибирской железной дороги тогда еще не существовало, то он сносился со своими агентами по телеграфу. Наряду с книгами собирал старинные бумаги, дела, письма. Все книги и бумаги разбирал единолично сам, причем книги подбирал не по содержанию, а по формату (смеяться над этим нечего: в вашингтонской «Библиотеке Конгресса» сто лет тому назад книги также подбирались по формату)... До сих пор он жил в самом Красноярске, где у него было несколько своих домов. Но в 1881 году, после большого пожара в Красноярске, боясь за свои коллекции, он построился в 5 верстах от города, на крутом берегу Енисея — в заимке Таракановке. Здесь специально для своих коллекций построил отдельный дом в 8 комнат, в которых разместил 120 шкапов; характерно при этом, что построенный им для себя и своей

семьи дом был вдвое меньше библиотеки, которую он упорно называл «Архивом».

Существует целая литература, описывающая юдинское книгохранилище (это слово, действительно, для обозначения коллекции Юдина наиболее подходит). На фотографиях видны типичные сибирские деревянные постройки - службы и сараи; среди них одноэтажный, срубленный из сибирского крепкого леса дом — книгохранилище. С величайшей любовью разложены там книги, бумаги, переписка отдельных лиц. Кругом дом занесен снегом... Как живая встает фигура патриарха, кропотливо и упорно разбирающего свое архивное богатство для неизвестного потомства.

С 1894 г. собрание приобрело значительную полноту, т. к. Юдин от редких книг перешел к библиографии, затем к истории — русской и сибирской, потом вообще начал пополнять свою библиотеку, руководствуясь при этом не только своими собственными вкусами, но и указаниями таких компетентных людей, как Пыпин, Межов, Венгеров.

В течение нескольких десятков лет собирал Юдин свои богатства — одновременно с ведением винокуренного завода и управлением золотыми приисками... Таракановское книгохранилище или «Архив» превратилось постепенно в настоящую сокровищницу — здесь име-

лось до 80.000 томов, около 6000 наименований, свыше 100 000 номеров архивных бумаг. Особенно богаты были отделы по библиографии, русской истории, русской литературе, все относящееся к Сибири; некоторые издания представляли величайшую библиографическую редкость — напр., «Енисейские Губ. Ведомости» за все время их существования — их не имеет ни Публичная Библиотека в Петрограде, ни учреждения Енисейского края.

Под старость Юдин начал задумываться над судьбой своей сокровищницы. Он предлагал купить его библиотеку правительству, университетам, но получил всюду отказ. В 1903 году теперешний библиотекарь вашингтонской «Библиотеки Конгресса» ездил в Петербург и там впервые узнал о затерянной в сибирских снегах библиотеке. Он заинтересовался ею и по телеграфу просил Юдина приехать в Москву. Свидание состоялось — Юдин запросил с Путнама за библиотеку 150 тысяч долларов, таких кредитов Путнам не имел. Но через четыре года романтичностью всего этого дела заинтересовался президент Рузвельт и возобновил переговоры с Юдиным. За эти годы (1905 и 1906!) тревога за сохранность своей сокровищницы у Юдина возросла. С другой стороны — соблазнительнее стала мысль поместить книгохранилище в такие

условия, где никакие бури и никакие человеческие страсти не в силах будут его разрушить... В результате Юдин продал свою библиотеку американскому правительству за 40 тысяч долларов (вместо ста пятидесяти!).

Интересно также, как библиотека была доставлена в Америку. В ней было 80 000 томов и огромное количество рукописных документов — все это находилось в далекой Сибири, все это надо было сначала запаковать в ящики, затем транспортировать через Сибирь и Россию, погрузить на пароход... Весила библиотека свыше трех тысяч пудов, для нее на месте пришлось изготовить 519 ящиков. Но сибирская дорога была в то время загружена зерном, транспортировка неожиданно встретила препятствия. Тогда Рузвельт обратился по телеграфу к американскому послу в Петербург, американский посол сделал представление русскому правительству и русское правительство не только любезно предоставило пять вагонов в распоряжение представителей вашингтонской библиотеки, но и распорядилось очистить для поезда путь.

Американское правительство, как выше сказано, уплатило Юдину за его библиотеку 40.000 долларов, но, рассмотрев ее хорошенько после доставки ее в Вашингтон, убедилось, что библиотека стоит гораздо больше. Поэ-

тому оно постановило, что Юдин свою библиотеку американскому народу пожертвовал и под названием «пожертвования» она значится до сих пор в бумагах библиотеки; уплаченные Юдину 40.000 долларов значатся в числе общих расходов вашингтонской библиотеки.

Характерная особенность: Юдин выразил желание, чтобы не только его библиотеке было отведено особое место в общей библиотеке (что строго было выполнено), но также, чтобы книги эти не переплетались и не разрезались — эту его волю, изложенную им устно, американцы преступили, — почти все книги Юдина теперь уже переплетены.

Особенно богат в Юдинской библиотеке библиографический отдел — в нем имеется около трех тысяч томов. Имеется такая ценность, как пять томов Сопикова — Опыт российской библиографии, издания 1813 года, имеются первые издания Академии Наук 1762 г.: «Сочиненія и переводы, к пользѣ и увеселенію служащія», «Санкт-Петербургскія Вѣдомости» 1739 года. Здесь можно также найти «редчайшую», по отзыву библиографа Сопикова, книгу: «Божественная и истинная метафизика: или дивное и опытом приобрѣтенное вѣдѣніе невидимых и вѣчных вещей в трех частях»; подлинник «Божественной метафизики» написан доктором Пордече на английском

языке во второй половине XVIII века, — московские мартинисты во второй половине XVII века издали эту книгу на русском языке в масонской типографии в числе 300 экземпляров, никогда не поступавших в частную продажу. И только незначительную часть экземпляров «Божественной метафизики» успели приобрести главные сановники ордена, остальные экземпляры были уничтожены; между тем, «Божественная метафизика» имела большое значение в среде московских мартинистов.

Я видел в библиотеке рукописный букварь 1694 года, видел старейшую русскую книгу — 1710 г. — «Історія о ординах ілі чінах воинских паче же кавалерскіх, преведена из франц. языка на россійскій — Москва 1710 г.» Видел изданную при Петре Великомъ «Книгу мірозрѣнія или мнѣнія о небесноземных глобусах, и их украшениях. СПБ 1717», «Пріклады како пішутся комплименты разные на нѣмецком языкѣ то есть, пісанія от потентатов к потентатам», 1725 г. Проводил рукою по корешкам всех этих известных нам с гимназической скамьи по названиям екатерининских журналов — «Трудолюбивая Пчела» — 1759, «Адская Почта» — 1769, «Живописец» — 1772, «Кошелек» — 1774, «Почта духов» — 1789, «Прохладные часы или аптека, врачующая от унынія, составленная из медикаментов новиз-

ны и старины» — 1793... В библиотеке имеется полный подбор переводных беллетристических произведений за вторую половину XVIII и первую четверть XIX века — «Россiйскiй Феатр», «Вертопрашка или исторiя Бетсiи Татлес. Англiйскiй роман, перевел с французскаго Михайла Кольев. Москва 1793». Держал в руках один из четырнадцати известных экземпляров изданного в 1790 г. «Путешествия в Москву» Радищева. Здесь имеются все первые издания Карамзина, Хераскова, Кантемира, Ломоносова, Жуковского... С благоговением перелистывал первое издание «Бориса Годунова». Пушкин, между прочим, от первого до последнего издания, занимает несколько длинных полок.

В библиотеке Юдина имеются все повременные издания XIX века Москвы, Петербурга и даже Сибири (грешный человек, я даже не подозревал, что в Сибири были в это время издательские центры). Интересовался Юдин также зарубежной литературой—имеется «Колокол»,«Полярная Звезда»,все позднейшие издания Лондона, Женевы и Парижа, вплоть до наших дней. Замечательной особенностью юдинской библиотеки является еще наличие статей, вырезанных в свое время цензурой из «Вестника Европы», «Русской Мысли», «Русского Богатства». Юдин умел как то доставать

и их. Имеется полная коллекция юмористических изданий 1905 г... всего не перечислишь.

В заключение хочется отметить еще одно. Библиотека Юдина до сих пор еще не изучена и не использована учеными. А между тем там имеются не только редчайшие книги, но и масса неизученных еще документовъ. Укажу хотя бы на то, что из полумиллиона рукописей около 200 относится к заселению Америки русскими в середине XVIII в., когда не только русской была Аляска, но когда и в Калифорнии — имелись солидные русские колонии, этот один из интереснейших примеров русской колонизации, насколько мне известно, очень мало у нас изученных. Документы эти большею частью говорят об успехах Российско - Американской Компанiи — у нее была церковь на Кадяке, разного рода имущество в Ново - Архангельске (Ситха на Аляске), она строила дома, открывала школы, крестила 27.000 «американцев», привела 70.000 их в русское подданство. — «Географические изыскания доведены от Берингова пролива до 40 градуса к экватору», «покупается остров у короля Сандвичевых островов по согласию обоюдному» и т. д. В числе этих документов, напр., имеется бумага какого то неизвестного пионера следующего содержания: «Известный российский мореплаватель Чижиков был

прежде под начальством командора Беринга, по именному указу Петра Великого для открытия Америки и занятия новооткрытых мест, в последующие экспедиции приставал к матерой Америке в разных местах: случалось ему приставать и около 48 и 49 градусов с. ш., что ныне называется Новый Альбион, он оставил штурмана Дементьева на двух гребных судах с русскими людьми вооруженных; сие было в 1741 г.; ныне узнано, что те люди живы и размножившись, водворясь прочною оседлостью учредили колонии; как из приложенной записки видно. Писал я к правителю российских колоний Баранову, и начальнику последней экспедиции Гагенмейстеру, чтобы не теряя времени соотечественников и единоверцев своих обрадовать скорым к ним приходом; я и то слышал, что Гишпанское правительство около 1780-х годов, когда нашли их, старались преклонить в свое подданство, но они не пошли, а щитают себя истинно русскими; а по сему, кажется, и Новый Альбион прежде всех Европейских Наций теми людьми обселен; ибо англичане около 1770-х годов в первый раз в тех местах были, а Гишпанцы около 1780-х и никаких населений не сделали, а русские сделали прочные обселения во имя России в 1741 году и водворились»...

Если судить по этому документу, в библиотеке Юдина можно найти много ценного и, быть может, даже неожиданного.

Невольно рождается вопрос: хорошо или нет, что библиотека Юдина из далекой Сибири попала в Вашингтон, где ею вряд ли кто пользуется? Вопрос трудный, почти трагический. Но ответ на него все русские посетители этой библиотеки дают одинаковый. По словам заведующего юдинской библиотекой П. П. Спика и его помощника М. З. Винокурова, все русские, осмотрев драгоценное книгохранилище, восклицают: «как жаль, что такую библиотеку вывезли из России!.. И какая радость, что такая библиотека сохранилась»!

Можно одно сказать: если бы юдинское книгохранилище в 1919-1920 г. г. оставалось в Таракановке, оно, наверное, было бы сожжено вместе со всей юдинской заимкой во время бушевавшей в Красноярске и вокруг него гражданской войны и ее пожар был бы там всего лишь незначительным эпизодом. Слава Богу, что такая судьба библиотеку Юдина миновала!

АМЕРИКАНСКОЕ ГОРНИЛО

Американцы любят называть свою страну, а в частности Нью - Иорк, горнилом, плавильным горном — the melting pot: котел, в котором самые разнородные элементы плавятся и перевариваются в одно однородное целое, конгломерат наций и рас едва ли не со всего мира — в одну американскую нацию.

Когда находишься в Нью - Иорке, нельзя не задуматься над этой проблемой — ибо это одна из жизненнейших проблем Америки. И, конечно, нигде в Америке эта проблема не встает с такой настойчивостью и наглядностью, как в Нью - Иорке. Задумайтесь хотя бы немного над следующими фактами: в 1920 г. Нью - Иорк (город в собственном смысле слова, т. е. только пять его районов — Бронкс, Бруклин, Мангаттан, Квинс, Ричмонд) насчитывал около 6 миллионов населения. Если взять за основу разговорный язык, то окажется, что из этого населения на первом месте стояли евреи — 946 тысяч, на втором американцы 897 тысяч, на третьем итальянцы — 803 тысячи, на четвертом немцы — 702 тыся-

чи, на пятом русские — 221 тыс., на шестом поляки — 161 тыс. и т. д. Другими словами, американцы занимают в главнейшем городе Америки весьма скромное место — они составляют не более одной восьмой всего населения; родившиеся в Америке составляли лишь 20,7 процентов всего населения Нью - Иорка, остальное — иностранцы. В 1923 - 1924 г. евреи составляли уже 30 процентов всего населения Нью - Иорка — не менее 1 600 000, т. е. почти столько же, сколько сейчас в Москве жителей. Оказывается, Нью - Иорк — самый большой итальянский город на свете (в 1920 г. в Нью - Иорке было 803 000 итальянцев, тогда как население Рима в 1921 г. равнялось 665 тысячам) и третий после Берлина и Гамбурга немецкий город (702 тысячи в 1920 г.). Таковы парадоксы американской жизни!

Космополитизм Нью - Иорка — вещь общеизвестная, но вместе с тем необходимо признать, что Нью - Иорк в то же время имеет и самые отличительные и характерные американские черты — как по своему внешнему виду (небоскребы, уличное движение), так и по характеру своей внутренней жизни и психологии («время — деньги!» — и отсюда лихорадочная спешка, вечное hurry up! и борьба всех против всех в погоне за своим куском счастья, своим долларом).

Здесь приходится коснуться двух сторон одного и того же процесса: да, Нью - Иорк — горнило, melting pot. И нигде не плавятся с такой силой разнородные элементы населения; но, с другой стороны, быть может, нигде эти как будто окончательно расплавленные элементы так упорно не сохраняют своего лица, своего характера, как именно здесь. Это, с одной стороны, действительно, расплавленная и слившаяся в одно целое амальгама, с другой — конгломерат нерастворимых элементов. Противоречие? Может быть — но разве не противоречива сама жизнь? И я не знаю, чему больше удивляться: тому ли, что, напр., встретившиеся на собрании русские, прожившие десятки лет в Америке и прекрасно знающие друг друга, непроизвольно начинают разговаривать между собой по английски (явление, совершенно невозможное ни в Париже, ни в Берлине, но здесь совершенно естественное) или тому, что и после десятков лет жизни в этом плавильном горне каждая национальность сохранила свои самые характерные черты и выехавший ребенком 40 лет тому назад виленский еврей, привыкший здесь думать и делать business на английском языке, в минуту сильного возбуждения переходит, часто незаметно для себя самого, на русский язык! Америка расплавляет национальности, но в

Америке же, в обстановке полнейшей возможности свободного проявления национальных особенностей, сдавленное до сих пор и сморщенное национальное самосознание расправляется и даже расцветает.

В этом смысле изучение национального самосознания переселившихся в Америку — одна из интереснейших социально - психологических задач. Такое изучение мне представляется особенно интересным по отношению к огромным еврейским массам, переселившимся в Америку и как будто нашедшим здесь свою вторую родину. Ведь не надо забывать, что из 15½ миллионов имеющихся на всем земном шаре евреев в Америке в 1923 г. насчитывалось до 3.700 тысяч евреев (свыше 1 миллиона евреев иммигрировало в Соединенные Штаты с 1903 г.), тогда как в России считается сейчас немногим больше 3 миллионов (т. е. почти столько же, сколько в Америке, или даже несколько меньше). В этом отношении еврейство, как таковое, нигде не имело такой возможности, как в Америке, свободно проявлять себя, с другой стороны, быть может, ни одна нация не впитала здесь так полно и так универсально американский дух.

Проблема американизма стара, но она до сих пор сохранила всю свою остроту. Новый Мир и старая Европа до сих пор противосто-

ят друг другу — и кто победил в этом, повидимому, равном споре? Этот вопрос разрешается разно: одни склонны отрицательно относиться к европейскому влиянию и все чудеса Америки об'ясняют исключительно американскими влияниями, другие — не находят ничего оригинального в Америке и указывают, что почти все ее изобретатели, инженеры и архитекторы — творцы всех этих чудес Нового Мира — являются выходцами из Европы, иммигрантами.

Мне кажется, что правы те и другие: в Америке, по сравнению с Европой, просто какой то другой воздух, заставляющий кровь в организме переехавших в Америку иммигрантов быстрее обращаться, мозг — интенсивнее работать. Вступив на американскую почву, ирландец, немец, русский еврей немедленно что-то приобретают и от нее, от этой новой американской атмосферы, с присущими ей новыми представлениями о жизни, новыми принципами, новыми задачами. Но в душе они сохранили что-то и свое — дорогое и драгоценное.

Бродя по улицам Нью - Иорка и дивясь чудесам его ультра - городской культуры, я не мог отделаться от одного впечатления: да, все это необыкновенно, удивительно, временами даже потрясающе, но, если проникнуть за эту внешнюю оболочку, то можно нащупать что

то давно знакомое. Мне даже временами казалось, что я отчетливо различаю подо всем этим основные черты двух старых культур, двух старых миров — германского и еврейского... Но насколько все это здесь — в смысле чисто внешней физической культуры — усовершенствовано, улучшено, порой гипертрофировано...

По оффициальной статистике Соединенных Штатов в 1920 г. на 106 миллионов населения С. А. Ш. (среди них 10 миллионов негров) приходилось 36 миллионов иностранцев (т. е. родившихся не в Америке). Из них — 7 миллионов немцев, 4 миллиона ирландцев, 3.900 тысяч русских (т. е., повидимому, родившихся в России, следовательно, в том числе, и 2 миллиона евреев), 3 300 000 итальянцев.

За сто лет — с 1820 по 1920 г. г. — в Америку прибыло 35 миллионов иммигрантов. Заведующий иммиграцией министр труда (secretary of Labor) Дэвис в обстоятельной, с массой статистических данных, статье, помещенной в « New York Times », отмечает в истории иммиграции четыре волны. До 1880 г. иммиграция в Америку была, по существу, незначительна — она не превышала 100 - 200 тысяч в год. Вначале иммиграция состояла почти исключительно из жителей Великобри-

тании: в 1842 г. на 105 тысяч иммигрантов 73 тысячи приходилось на выходцев из Англии. Эта масса легко ассимилировалась в Америке, так как для ее огромного большинства английский язык был родным и, кроме того, она вообще по своим привычкам и обычаям стояла ближе других к Америке. Затем, начали переселяться в Америку немцы. Наибольшей высоты эта первая волна иммиграции — преимущественно англичане и немцы — достигла в 1851-1854 г. г., до 410 тысяч. В период гражданской войны, т. е. за время 60-годов, иммиграция в Америку упала до 100 тысяч. Вторая волна (до 425 тысяч) приходится на 1865 - 1875 г. г. — она шла главным образом из Англии, Германии, Скандинавии; эти иммигранты, как и первые, ассимилировались быстро и безболезненно; из Южной Европы и из «Восточной Европы» (так на официальном языке иммиграционного бюро называется Россия) было еще мало выходцев: в 1874 г. на 210 тысяч отсюда приходилось лишь 25 тысяч. Восьмидесятые годы — годы перелома: волна иммиграции сразу вздымается высоко вверх и характер иммиграции резко меняется. Это — третья волна, сразу изменившая общее положение. За период 1882 - 1892 г. г. стремительно растет иммиграция из Италии, Австро - Венгрии, России (с Польшей); особенность этой эмиграции —

множество евреев из России и Польши. В 1882 г. иммигрировало в Америку 789 тысяч, из них 563 тысячи из северной и Западной Европы и 85 тысяч из Южной Европы (Италия) и восточной Европы (Россия). Иммиграция из Италии и России с это года быстро начинает увеличиваться за счет северной и западной Европы; в 1888 г. иммигрировало в Америку 547 тысяч, из них 52 процента из северной и западной Европы и 47 процентов — из России и южной Европы (американская иммиграционная статистика имеет в виду Италию, Австро - Венгрию и те страны, которые она полупрезрительно называет «и другие страны южной Европы», т. е. Галиция, Румыния, Сербия, Болгария); особенно много приходится на этот период евреев из России (начало оффициальных преследований евреев в России). С 1896 г. выходцев из России и Италии становится еще больше: 196 тысяч на 138 тысяч иммигрантов из северной и западной Европы; в 1901 г. север и запад Европы дают уже только 24 процента, Россия и юг Европы — 74 процента. Четвертая волна иммиграции, которую многие американцы склонны считать едва ли не роковой для Америки, приходится на 1903 - 1914 г. г.; немногочисленные иммигранты из северной и западной Европы тонут в массе выходцев из России, Италии и Австро-

Венгрии. Максимальной высоты эта иммиграционная волна достигла в 1907 г. — 1.285.000 человек; из них Россия (еврейские погромы!), Италия и Австро - Венгрия дали 76 процентов, северная и западная Европа — лишь 18 процентов; следующий рекордный год был 1914 г. — 1.218.000.

Высота и самый характер последней иммиграционной волны испугали Америку. Постепенно американцы укрепились на той мысли, что, насколько для Америки является желательной иммиграция из северной и западной Европы, настолько же нежелательной является для Америки иммиграция из России, Италии, Австро - Венгрии и «прочих стран южной Европы». Американцы отмечают, что, в то время как англичане (особенно ирландцы) и немцы быстро натурализуются — от 63 до 70 процентов их общего количества, выходцы из России и Италии превращаются в американских граждан весьма медленно — 40 процентов русских и 30 процентов итальянцев. Особенно отрицательно иммиграционные власти стали относиться к выходцам из России (евреям). Итальянцы, по их мнению, не представляют такой опасности для Америки в силу своей большей подвижности — до 40 процентов итальянцев за последние 15 лет возвращаются обратно в Италию. Тогда как русские евреи

обосновываются в Америке прочно — Америку из них покидает не свыше 5 процентов.

И еще. Иммиграция течет через большие города — огромное большинство иммигрантов здесь и задерживается. Но американская культура — культура городская, а потому иммиграционная волна кажется американцам особенно опасной: иммигранты неизбежно накладывают свой отпечаток именно на городскую культуру Америки. Иммиграция оседает в городах главным образом в силу того, что здесь, в городах, больше возможности улучшить свое положение, здесь выше заработки. В 1920 г. в Америке 75,7 % всех иностранцев жили в городах; среди выходцев из России 9/10 и сейчас живут в городах. За последние 40 лет в американских городах число иммигрантов из России увеличилось в 39 раз, число итальянцев — в 36 раз. Всего больше выходцев из России — преимущественно евреев—в Нью-Иорке, Филадельфии, Чикаго, Бальтиморе, Вашингтоне, Детройте, Кливеленде, т. е. в самых больших городах Америки. — «Американский плавильный горн — the melting pot — сделался бессильным, города задыхаются от иностранцев, дешевый иммиграционный труд понижает высокие заработки американских рабочих» — жалуются американцы. Необходимо отметить, что среди

этих протестующих голосов не все принадлежат к консервативным элементам.

Тревога за будущее Америки перед лицом этого «нашествия гуннов» (так называют некоторые американцы иммиграцию) охватила широкие общественные и правительственные круги Америки. Правда, война сразу остановила приток иммигрантов. С 1.218 тысяч в 1914 г. иммиграционная волна упала в 1919 г. до 100 тысяч, но в 1921 г. она снова повысилась до 800 тысяч.

3 июня 1923 г. был принят ограничительный закон — Immigration Restriction Act — согласно которому установлена 3-х процентная норма (квота) иммигрантов с количества имеющихся в Америке иностранцев, при чем за основу принята перепись 1910 года (главным стимулом к принятию этого закона явился экономический кризис, пережитый в Америке после войны и 5 миллионовъ безработных в 1921 году). На основании этой квоты в 1923 - 1924 г., например, в Америку иммигрировало из «восточной Европы» (т. е. Россия — евреи и русские, поляки, армяне, финны, литовцы, латыши, эстонцы) — 72 тысячи (из теперешней России — только 31 тысяча), немцев — 68 тыс., итальянцев — 42 тыс., чехословаков — 14 тыс., японцев — 6 тыс., китайцев — 5 тыс. и др. — всего 358 тысяч.

Затем сделан был новый нажим: принят так называемый закон Джонсона. Согласно этому закону процентная норма с 3 процентов понижена до 2 процентов и за основу взято количество находившихся в Америке иностранцев уже не в 1910 г., а в 1890 г. В результате вместо 358 тысяч иммигрантов в 1925 году в Америку сумели прибыть лишь 169 тысяч. Направлен этот закон, по существу, против «восточной Европы» и Италии. Что касается Англии, то по новому закону она имела право в 1925 году на 63 тысячи, вместо 77 тысяч. Германия имела право на 45 тысяч, вместо 68 тысяч. Зато вместо 42 тысяч допущено лишь 5 тысяч итальянцев, вместо 31 тысячи поляков (вернее польских евреев) — 9 тысяч, вместо 24 тысяч выходцев из России — 2 тысячи, вместо 14 тысяч чехословаков — 2 тысячи. Главное острие закона направлено определенно против евреев России и Польши.

Последние меры,конечно,следует назвать не урегулированием иммиграции,а борьбой с нею.

Американцы не скрывают целей, которые они преследуют: они хотят облегчить работу своего плавильного горна, своего melting pot.

Это — самооборона, за которую они принялись после того, как убедились, что из 36 миллионов, находящихся в Америке иностранцев (т. е. свыше 1/3 всего населения Со-

единенных Штатов) натурализуется лишь половина.—«Мы хотим,—уверяют американцы, —превратить «зеленого» (greener — насмешливая кличка иммигранта) в доброго американского гражданина, уважающего законы Америки, ее конституцию и готового для нее работать, за нее бороться, а — в случае надобности — и умереть. Сейчас в нашей стране слишком много иностранцев, считающих себя чуждыми нашей стране — пока наша страна не переварит их, до тех пор мы будем наши двери держать закрытыми. Будет это продолжаться несколько лет или несколько десятков лет, мы пока не знаем».

Является ли Америка конгломератом рас и народов или единой американской нацией, удастся ли ей запретительными мерами, направленными против иммиграции, ускорить действие плавильного горна и побудить натурализоваться упорствующих иностранцев, проживающих в самой Америке — все это покажет будущее.

Об'ективно можно не только понять, но и оправдать намерения американцев, но нельзя не признать, что эти законодательные меры больно ударят по тем сотням тысяч искателей лучшей доли, которых так много сейчас в России и в Европе и которые так тяжело переживают европейское безвременье.

ИЗ ПРАКТИКИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В АМЕРИКЕ

Если европеец хочет что - нибудь понять в Америке, он должен оставить за океаном многое из того, что ему там казалось найденной истиной и что здесь считают только предрассудком. Это относится в частности и к рабочему движению в Америке. Многие из найденных в Европе формул здесь неприменимы. Взаимоотношения между классами иные — иные отношения между трудом и капиталом, рабочими и предпринимателями. Как будто некоторые даже понятия здесь не те, что в Европе. Смысл и характер социальных конфликтов часто можно понять, лишь вникнув в психологию участников этих конфликтов. Искать их об'яснение в области коллективной психологии значит неизбежно делать ошибку. Америка — страна индивидуального, частного интереса: социальная сцепляемость класса здесь весьма слабая. В частности здесь совсем не понимают изобретения марксистов — знаменитой «классовой точки зрения»; впрочем, грешный человек, я и сам не пони-

мал ее и до приезда в Америку — я знал, конечно, что может быть точка зрения класса, но «классовая точка зрения».. Эта формула мне всегда напоминала остроту Плеханова по аналогичному поводу — «могут быть номера для проезжающих, но проезжающие номера — воля ваша»...

Все это пришло мне в голову, когда я, при содействии одного старого приятеля, эсера, знакомого мне еще по партийной работе в России, давно уже живущего в Америке и давно уже принимающего ближайшее участие в американском рабочем движении, попробовал поближе присмотреться к практике этого движения.

Приятель мой — manager рабочей организации International Ladies Garment, т. е. « Международного Союза рабочих дамского платья ». Обязанности manager'a Workers'-Union (т. е. управляющего, заведующего — таковых в Союзе несколько), заключается в том, чтобы наблюдать за точным выполнением со стороны предпринимателей рабочего договора и ограждать интересы рабочих, — в его ведении находится 50 мастерских; кроме того у manager'ов имеются 12 помощников — business agents, которые контролируют 40 - 50 мастерских каждый, посещая мастерские обязательно раз в неделю.

«Союз рабочих дамского платья» — одна из самых сильных рабочих организаций в Америке, в него входит около 175 000 рабочих — мужчин и женщин. Союз считается «интернациональным» только потому, что имеет несколько организаций и за пределами Соединенных Штатов—в Канаде; существует с 1910 года. Большинство входящих в Союз рабочих находятся в Нью-Иорке. В смысле национальной принадлежности на первом месте стоят евреи, на втором — итальянцы, на третьем — русские и поляки; имеются также немцы и венгерцы. В самом Нью - Иорке американцев мало, их больше в Чикаго, Бостоне, Филадельфии, С. Луис, С. Франциско, Лос-Анджелос, также в Канаде — Мон-Реале, Торонто. Характерно, что вообще организовать в рабочий союз американцев — дело гораздо более трудное. К данной организации принадлежат не больше 5-6 процентов американцев.Это общее явление—в Америке гораздо легче создаются организации из эмигрантов, американцы идут на это туго.. Прекрасно организованы углекопы (весьма радикальная организация) — большинство состоит из славян и итальянцев. Исключениями является стальная промышленность, строительная (весьма консервативная организация) и железнодорожники — в своем большинстве они состоят из американцев.

Союз входит в Американскую Федерацию Труда, но по своему характеру он почти социалистический — впрочем, политических целей он не преследует и защищает исключительно профессиональные интересы рабочих. Союз обнимает рабочих нескольких производств: cloakmakers, т. е. изготовляющих пальто, верхние костюмы, — здесь работают преимущественно мужчины; это наиболее организованная часть Союза (организованы 95 процентов всех работающих в этой области в Нью - Иорке); dressmakers — изготовляют платья (комнатные и бальные); здесь работают преимущественно девушки. Эта отрасль рабочих также была хорошо организована — тоже до 95 процентов. Но несколько лет тому назад эта организация распалась благодаря коммунистам, которые dressmaker-union хотели захватить в свои руки — их агитация среди женщин оказалась более удачной, так как женщины оказались более склонны к увлечению коммунизмом. Коммунисты настаивали на необходимости перестроить всю организацию на основах децентрализации, требовали вхождения в красный Профинтерн, превращения в политическую коммунистическую организацию. Конечно, применена была при этом обычная тактика коммунистов против своих врагов — инсинуация и клевета.

В результате, в процессе внутренней борьбы организация распалась. Наконец, состоявшее из коммунистов правление Dressmakers-Union было на выборах забаллотировано и после этого их организация снова начала жить нормальной жизнью; в настоящее время она все же охватывает не больше 50 процентов работающих в этой индустрии женщин. Коммунисты ограничились разрушительной работой — сами они на месте разрушенного ничего не создали.

Во всех своих отраслях союз охватывает в Нью - Иорке не меньше 4.000 мастерских; около 50 000 рабочих остаются в Нью - Иорке до сих пор неорганизованными — наибольшая часть из них приходится на dress-makers (не меньше 1000 мастерских); в слабой организованности последних виноваты, прежде всего, коммунисты, своей работой разбившие прежнюю организацию.

Членский взнос равен 35 центам в неделю; в некоторых цехах существует страховка на случай болезни, идет борьба за страховку и на случай безработицы.

Главная работа союза — это заключение договоров. Все договоры здесь коллективные — все заключены от имени союза. Имеются также два союза предпринимателей, большинство последних в союзы, однако, не входят.

Все условия гарантируются не в законодательном порядке, а исключительно в порядке частного договора. Это вообще одна из характерных черт взаимоотношений между трудом и капиталом в Америке. Особенно настаивала на этом всегда Американская Федерация Труда, блюстительница американских традиций; федерация принципиально против вмешательства государства в отношения между трудом и капиталом — все должно совершаться в частном порядке, в порядке частной инициативы: полная независимость каждого гражданина от всех, в том числе и от государства — есть альфа и омега американского миросозерцания и к этому американские рабочие относятся очень ревниво. Они, напр., чрезвычайно неудовлетворены той формой третейского суда, которая в Америке создалась в деле конфликтов между железно - дорожными компаниями (все железные дороги, как известно, в Америке частные) и рабочими; этот третейский суд состоит из двух представителей ж.-д. компаний и двух представителей рабочих — решающий пятый, — «от публики» — назначается правительством, т. е. президентом или министром труда; и американцы уверяют, что этот пятый всегда поддерживает против рабочих интересы ж.-д. компаний.

Союз — огромная организационная и мо-

ральная сила. Авторитет союза, как в глазах предпринимателя, так и в глазах рабочих, был наглядно продемонстрирован мне при обходе мастерских — в одной из них десятиминутный разговор моего приятеля, как с предпринимателем этой мастерской, так и с представителями рабочих, к удовольствию обеих сторон, предотвратил назревавший было конфликт. Как это ни странно, конфликт готов был возникнуть из-за того, что предприниматель не соглашался ввести сверхурочные часы для всех отраслей работы — один цех на сверхурочных часах зарабатывал больше других, рабочие других цехов требовали равноправия — equal opportunity. Фактически здесь, собственно говоря, шла борьба за удлинение рабочего дня и наступающей стороной были при этом рабочие. Сила союза сказывается, между прочим, и в том, что в неорганизованных предприятиях условия труда много хуже, а права рабочих по существу ничем не гарантированы и ничем не ограждены.

Характерными моментами коллективного договора являются следующие: в предприятии, подписавшем договор, могут работать лишь члены рабочего союза и, наоборот, не может работать на положении рабочего в мастерских предприятия ни один из членов фирмы или ее представители; после подписания

контракта, ни один рабочий не может быть уволен до истечения обусловленного в контракте времени, без согласия союза; во время действия договора предприниматель не может сократить числа занятых у него рабочих; для переговоров с предпринимателями рабочие имеют своего представителя, избранного на общем собрании рабочих; представитель союза (manager) и его избранные рабочими помощники во всякое время имеют доступ в мастерские для проверки и наблюдения за условиями работы и за соблюдением договора, — он кроме того имеет доступ к деловым книгам предприятия; во все время производства работ в предприятии существует специальная комиссия для установления размеров заработной платы — с представительством обеих сторон; существует минимум заработной платы, ниже которого предприниматель не имеет права понижать заработок рабочего. Рабочая неделя состоит из 44 рабочих часов. Сверхурочная работа не должна превышать 10 часов в неделю, на каждый день не больше двух часов, — по субботам сверхурочная работа не допускается; сверхурочная работа оплачивается в полтора и два раза выше; первое мая рабочие имеют право не работать, но не могут претендовать на получение заработной платы за этот день. Предприниматель не

имеет права входить со своими рабочими в какие-либо частные соглашения; сдавать работу на сторону предприниматель может лишь в такие мастерские, где принимают все те условия, на которых работа происходит у него. В случае существования в этих мастерских иных условий, союз имеет право вмешаться и запретить предпринимателю сдавать работу на сторону (как мы увидим ниже, это чрезвычайно важный пункт, ибо сдача работы на сторону — пересдача заказа — в этой отрасли промышленности очень распространена и является большим злом); в обезпечение договора предприниматель вносит некоторую сумму в виде залога — размеры ее определяются взаимным соглашением, — эта сумма переходит в кассу союза в случае нарушения условий предпринимателем. Что касается размеров заработной платы, то, как сказано в договоре, специальной комиссией определяется минимум заработной платы, для различных цехов различный, — в общем от 20,5 долларов до 50 долларов в неделю; таков минимум — фактически он применяется очень редко, обычно же действительная заработная плата всюду на 75 - 90 процентов выше, т. е. от 37 до 90 долларов в неделю (не считая сверхурочных работ).

Предприниматели часто склонны переда-

вать свои заказы посредникам — submanifacturer, contractro. Цель этого очевидна — предприниматель старается избавиться от непосредственных сношений с организованным трудом, с которым в последнее время ему бороться стало труднее. Хозяин крупной мастерской отказывается от ведения крупного предприятия и якобы начинает скупать готовые платья; в действительности это маскировка — обычно, он кредитует десяток маленьких предпринимателей, снабжает их сырым материалом и заказывает им столько платья, сколько ему нужно — при этих условиях посредник является лишь приказчиком крупного фабриканта. Перед организованным трудом он выступает лишь в роли скупщика готового платья. Система при этом такова, что посредник всегда должен своему откупщику (jobber); посредники обычно недолговечны, они существуют не больше одного - двух сезонов, большею частью это выходцы из рядов самих рабочих, мечтающие превратиться в предпринимателей, очень часто они затем снова бывают вынуждены вернуться в первобытное состояние. При этой системе посредничества, как нормальное явление, можно считать,что,в силу полной зависимости посредника от откупщика и в силу внутренней слабости самого посредника, условия труда у него гораздо хуже,

чем в солидном предприятии, хотя согласно договору эти условия и должны быть одинаковы. И сплошь и рядом рабочие из боязни потерять работу у посредника идут на преступление по отношению к союзу — на худшие условия, чем те, которые обусловлены в договоре, лишь бы только сохранить нищенское существования самого посредника, от которого они теперь зависят. Конечно, по взаимному соглашению рабочих с посредником это скрывается от союза. В результате посредник выжимает сок из рабочего (нередко с его собственного согласия), крупный фабрикант - откупщик — из посредника. Благодаря текучести предпринимательского элемента перед рабочим союзом встает задача, по существу ему не свойственная — охрана самой индустрии. Рабочий союз поэтому борется не только за оздоровление самой борьбы между трудом и капиталом, но и за сохранение самой индустрии. В противоположность предпринимателям и посредникам рабочие представляют из себя элемент постоянный, заинтересованный в сохранении самого скелета производства, о чем в нормальных условиях заботятся «капитаны индустрии», каковых в этой отрасли промышленности не существует.

Кроме того здесь необходимо отметить еще и психологический момент — в амери-

канских условиях весьма характерный: каждый рабочий мечтает сделаться предпринимателем — примеры таких превращений существуют на глазах у каждого, большие состояния разрушаются и составляются в Америке очень быстро. Именно этим об'ясняется та легкость, с какой появляются посредники — все они мечтают перескочить далее и на следующую ступеньку: превратиться в предпринимателей. Некоторым это, действительно, удается, но огромное большинство превращается в кочующий элемент: сегодня он рабочий, завтра посредник (почти предприниматель), после завтра опять рабочий. Это самым разлагающим образом действует на рабочую психологию — разрушает в основе сознание общих интересов труда и вызывает перевес частного интереса, основы частной инициативы. Необходимо добавить, что рабочий, переходящий в ряды посредников, лишается уже права состоять членом рабочего союза, но, превращаясь обратно в рабочего, он опять стучится в двери союза и последний, скрепя сердце, вынужден его принять — нечего, конечно, говорить, что психология такого человека — вчера он был предпринимателем, сегодня он рабочий — остается неизменной. В таких условиях перед союзом встают задачи не только профес-

сиональные — он заинтересован также в организации производства и в известном оздоровлении рабочей психологии, т. е. перед ним встают и задачи культурно - просветительные в сфере специально рабочей политики.

При мне союз рабочих дамского платья переживал именно такой момент: он давил на откупщиков (jobber'ов), чтобы они, действительно, превратились в предпринимателей —ценою уничтожения посредничества.

Обороты союза равны 6 - 7 миллионам долларов в год (от членских взносов). Союз имеет собственное здание в 6 этажей, оцененное в 1/4 миллиона долларов. В администрации и в конторе работает свыше 100 человек, все члены союза, все избраны закрытым референдумом. Оплачивается их работа несколько ниже, чем максимальная оплата рабочих в мастерских, часы работы неопределенны, но все смотрят на эту работу, как на исполнение общественного долга.

В беседе с приятелем, об'яснявшим мне детали их организации, я провел в помещении союза все утро. Все комнаты союза походили в это время на муравейник — приходили за справками люди, происходили совещания. Моего собеседника то и дело отрывали от беседы со мной то по телефону, то непосредственно приходившие к нему по делу ра-

бочие. Как раз при мне пришла группа рабочих, заявивших союзу, что они об'явили в одной мастерской забастовку, так как предприниматель нарушает условия и не соглашается выполнить требования союза. Видно было, что крепкие нити связывают рабочих с их союзом, что организационная машина точно отражает все изменения, происходящие в положении рабочих во время самой работы. Союз — их боевое оружие.

После завтрака мы пошли по мастерским. Сначала отправились в большую мастерскую, находящуюся неподалеку от Metropolitan Opera — здесь 130 рабочих (раньше были мастерские до 1000 человек, теперь свыше 150 человек нет). Большое светлое и просторное помещение. Здесь шьют дамские пальто — изготовляют до 3000 в неделю. В одной комнате сидят закройщики и модельщики, здесь же рядом электрическим ножом сразу режут 200 кусков — увлекательное зрелище! Затем куски сшивают, делают петли, пришивают пуговицы, подкладку, гладят паровыми прессами. Здесь же при мастерской имеется и склад готового платья, модели одна за другой накидывают на себя различные пальто и прогуливаются перед приехавшими из других городов оптовиками. Я обратил внимание на отношение к моему приятелю. С

вежливой и предупредительной улыбкой его встретил озабоченный чем то предприниматель, с дружескими улыбками обернулись в его сторону все рабочие. Председатель (chairman) и еще несколько рабочих немедленно же встали со своих мест и подошли к нему; предприниматель выждал некоторое время и также отозвал моего приятеля в сторону. Потом было устроено совместное собеседование — назревавший было конфликт был в течение пяти минут улажен (рабочие настаивали на большем количестве сверхурочных часов). Заведующие (manager-ы) несомненно должны быть хорошими психологами и дипломатами.

Затем мы отправились в другую мастерскую несколько меньших размеров. Предприниматель — выходец из рабочих, принадлежавший к социалистической партии, только что разбогатевший на удачной модели. Мастерская новенькая — условия труда лучше, чем в первой,помещение устроено гигиенично.

Третья мастерская — совсем маленькая, в ней работает не больше 20 человек. Работа исключительно ручная, здесь больше искусства, потому и выше заработки — минимальная заработная плата здесь 37 долларов в неделю.

Выше я уже отмечал, что в психологии американского рабочего частный интерес сильнее сознания общих интересов. Каждый ищет удачи, стечения более благоприятных условий — opportunity. При стремительности и многообразии американской жизни удача бывает не так редко. Частая же удача создает среди рабочих непролетарское настроение, ибо здесь каждый пролетарий мечтает сделаться хозяином. Собственник второй посещенной нами мастерской вышел из рядов социалистов, сам бывший рабочий. И для занятых у него рабочих это, быть может, даже хуже. Союзу с такими «бывшими» бороться труднее, так как у них позади большой опыт и процесс работы они знают до тонкости. Они могут оставаться членами социалистической партии, но у себя в предприятии они лишь предприниматели, старающиеся извлечь из нанятого ими труда максимальную выгоду. Какой-нибудь железнодорожный рабочий, не социалист, может поэтому ближе принимать к сердцу интересы пролетарской массы, чем такой социалист - предприниматель, демонстрирующий в общей политике свои, быть может, весьма радикальные взгляды.

Таковы особенности американской жизни. Не потому ли, в частности, здесь существуют сильные рабочие организации и весьма

слабые социалистические? Американские социалисты, кажется, уже начинают понимать, что задача заключается вовсе не в том, чтобы привить рабочим социалистические идеи, а в том, чтобы социалистическая партия повела, действительно, рабочую политику — ту самую, о которой Бебель говорил, что она и составляет сущность социализма. Американскому рабочему социалисты должны прежде всего доказать, что его частный интерес совпадает с теми интересами, которые присущи его классу — только тогда он будет защищать в битве жизни не только себя, но и коллективное целое.

ИЗ ВПЕЧАТЛЕНИЙ ЛЕКТОРА

Для многих европейцев чтение лекций в Америке — the lecturing — нечто вроде отхожего промысла. В самой Америке это настоящая профессия. Лекторы об'езжают Америку втечение целых месяцев, как это делают музыканты, певцы, артисты. Самое lecturing уже давно поставлено на строго деловую почву. В Америке имеется множество лекционных бюро, которые этим занимаются. За несколько — а иногда и за много — месяцев до сезона (настоящим сезоном в Америке считается период с октября по март включительно) такое бюро запасается согласием целой серии лекторов, готовых читать на самые разнообразные темы, и во множестве рассылает свои проспекты во все города Америки, большею частью своим местным отделениям или агентам. Затем ждет ответов. Если в определенный срок с мест поступит достаточное количество ответов с согласием (плата, которую необходимо уплатить на месте лектору, точно при этом указывается),

лекционному бюро остается только подсчитать общую сумму, высчитать, какой процент необходимо уплатить лекторам, какой процент остается в пользу бюро — и затем заключить окончательное соглашение с лектором. Операция, как видно, простая — хорошо известная любому комми - вояжеру, раз'езжающему по городам от какой нибудь крупной фирмы. Только в отличие от торговли — здесь показывают не образцы иголок или пуговиц, а предлагают ознакомиться с биографиями и карьерами рекомендуемых лекторов.

И, конечно, ни в одной стране нет такого спроса на лекторов, как в Америке. Здесь интересуются решительно всем — литературой, политикой, искусством, географией, приключениями, санскритским языком, психо - анализом. Нет такой темы и такого лектора, который не привлек бы своей аудитории в Америке — только, конечно, надо суметь все это, как следует, подать. Право, иной раз кажется, что в Америке имеется какой то специальный разряд людей (имеющих много свободного времени и весьма любопытных), которые ходят по всем этим лекциям. Это, разумеется, неверно. На лекции ходит средний американец, другими словами — ходят все. В этом можно убедиться не только при посещении

аудитории, но и заглянув в специальную рубрику любой газеты — там всегда целый список лекций. Чем это об'яснить? До тошноты надоевшее указание на «молодость» страны в сущности ничего не об'ясняет. Но среднему нормальному американцу, действительно, как будто более дороги все впечатления бытия, у них больше любопытства, больше жадности к неизвестному, чем у европейцев — они еще как будто совсем не знают европейской усталости и пресыщенности, глубже и шире дышат их легкие.

Чтобы характер лекционного бюро был яснее, приведу пример. Передо мной августовский проспект одного из крупнейших американских лекционных бюро на сезон 1923 - 1924 г. Это прекрасно изданная на глазированной бумаге летучка in quatro в четыре страницы. 15 больших и маленьких портретов предлагаемых лекторов: пять англичан, два француза, две немки, шотландец, ирландец, русский, итальянец, египтянин, венгерка. Вот мисс Элен Фразер — кандидатка либералов против рабочей партии, выставляемая на предстоящих выборах в Глэзгоу; бюро не сомневается в ее победе на выборах, еще бы — она блестяще провела свою лекционную кампанию в Америке в 1922 году и даже установила рекорд: в 216 дней прочитала 232 лекции.

Миссис Стрэчей, которая также выставлялась на парламентских выборах в Англии в 1918 г. и 1922 г. — была или нет выбрана, бюро благоразумно умалчивает — может прочитать лекцию на тему «Женщина в мировой политике»; она находится в распоряжении бюро на Рождество, также втечение всего января и февраля. Monsieur Жюль Буа — читает о «Французской культуре», о «Французской национальной политике», «Внешний мир в нас самих», «Франция и Америка», «Призвание Жанны д'Арк», «Современное чудо», «Психоанализ»; в распоряжении бюро в течение всего сезона — чем замечателен, не указано; по фотографии, изображающей толстого бородатого мужчину — in his best, — тоже не видно. Синьор Етторе Кадорин — итальянский артист - лектор — читает о фашистском движении в Италии, кроме того — с иллюстрациями: об искусстве итальянских городов, о золотом веке венецианского искусства, об искусстве Пизы. Бишара Наас, египтянин — о Тутанкамоне и о «Тайне Египта» — по желанию может выступать в национальном костюме. Дальше идут: женщина - священник Маргарет Крук (первая женщина священник в Англии), ирландский поэт и пианист, венгерская проповедница мира (peace advocate) — «Загадка Генри Форда», «Песси-

мизм и оптимизм», «Трагедия и комедия большевистского эксперимента в Венгрии» (antibolshevik) и пр. и пр. Имеются даже два лектора, которые выступают только вдвоем и, о чем бы не говорили, всегда несогласны друг с другом — Джон Поис (в его активе числится: одинадцать сезонов, 1500 лекций!) и д-р Вильям Дюран, они ведут между собой дебаты на следующие темы: «Мир не может быть обезпечен, пока все люди не сделаются вегетарианцами», «Какие десять книг можно назвать лучшими?», «Кто больше — Вольтер или Шекспир?», Можно ли оправдать оккупацию Рура?», «Осуществим ли коммунизм?», «Что принесла идея бессмертия миру — пользу или вред?», «Может ли быть принята теория психоанализа Фрейда?», «Должна ли Америка принять участие в мировом третейском суде?», «Какая литература выше — французская или английская?». Бюро при этом обещает, что кроме указанных, так сказать, казенных антагонистов, в этих дебатах примут участие и другие замечательные дебатеры (worthy debaters), хотя, признается оно, обеспечить ими аудиторию и было весьма трудно в виду исключительной сложности намеченных вопросов... Словом «в распоряжении лекционного бюро на ближайший сезон имеются наиболее опытные

лекторы, отражающие все мнения по всем вопросам (every shade of opinion on world affairs)» — писатели, признанные гениальными, художники; бюро обращает внимание своих клиентов на то, что именно оно «впервые ознакомило Америку с такими лекторами, как Мод Ройден, Стаутон Холборн и Элен Фразер»...

Мои американские друзья, которыми я обзавелся еще в 1919 г., во время своего первого вынужденного визита в Америку, предложили мне приехать для чтения лекций о России на сезон 1923 - 24 гг. При этом они сами взялись переговорить обо мне с одним из лучших американских лекционных бюро. От меня требовалось лишь принципиальное согласие, подробные биографические данные и две хороших фотографических карточки кабинетного формата. Кроме того, я должен был дать обязательство при поездке в Америку иметь в своем гардеробе: full evening dress, т. е. фрак, dinner-dress или, по нашему, смокинг, цилиндр, белый жилет, приличный черный костюм, белый галстук, черный галстук, хорошие крахмальные сорочки с белой грудью; упомянуты были также обязательные пиджамы — на тот случай, если

меня пригласят куда-нибудь на несколько дней в гости...

В конце мая я уже получил из Нью - Иорка для подписи договор, под которым красовалось имя директора лекционного бюро. Признаюсь, содержание его крайне меня удивило. Согласно этому договору я поступал 22 октября 1923 г., в понедельник, в полное распоряжение лекционного бюро, вплоть до 15 декабря, для чтения лекций в Соединенных Штатах и Канаде; никаких других лекций ни для себя, ни для других я читать впродолжение этого периода не имею права. Лекционное бюро еженедельно обязано представлять мне отчет в получаемых за прочитанные лекции суммах, которые распределяются следующим образом: 75 процентов выплачиваются мне, 25 процентов — лекционному бюро. Реклама за счет лектора, но авансируется бюро. Расходы по переезду через океан также за счет бюро, но позднее они возмещаются из общей выручки до распределения (не свыше, однако, 400 долларов). С момента приезда лектора в Нью - Иорк все расходы его в Америке — железная дорога, гостинницы, питание — падают на бюро. Лектор обязан читать лекции согласно выработанному бюро плану; предусмотрены все force majeur'ы — beyond his control or by act of God —

как то: болезнь лектора, железнодорожные забастовки, железнодорожная катастрофа — благодарю покорно! — опоздание поезда. Бюро не имеет права требовать от лектора более восьми лекций в неделю. 15 декабря оно обязано уплатить лектору минимальную сумму в 8.000 долларов(!), не считая тех расходов, которые оно понесет впродолжение лекционного тура. Свыше этой суммы лектор получает сообразно установленному в контракте процентному распределению (75 и 25 процентов). Бюро оставляет за собой право до 1 августа аннулировать этот договор.

Получить за семь недель работы 8.000 долларов, бесплатно с'ездить в Америку, исколесить все Соединенные Штаты и Канаду, рассказать американцам о подвигах большевиков и о действительном положении России, перезнакомиться со множеством интереснейших людей, увидать массу диковин, испытать миллион впечатлений — как не увлечься этим! Напрасно меня предостерегали, что с 22 октября по 15 декабря я буду принадлежать не себе, а лекционному бюро, которое постарается выжать из меня все соки и уж наверное все восемь лекций сполна каждую неделю — договор я все-таки подписал и поспешил отослать его в Америку.

Но золотое руно, конечно, не далось мне в руки. Последняя строчка договора — такая

невинная на вид! — оказалась роковой: в ночь на 1-ое августа, когда я уже не на шутку стал думать, что мой фантастический американский тур будет реализован, пришла от директора лекционного бюро краткая телеграмма: «настоящим расторгаю наш договор». А вслед за этим через две недели пришло и письмо, в котором бюро обстоятельно об'ясняло, почему оно не могло рискнуть на реализацию договора. Чтобы гарантировать лектору минимальную сумму в 8.000 долларов плюс расходы по организации лекционного тура и оплата переезда через океан, бюро должно было получить всего не менее 14 - 15.000 долларов. Исходя из восьминедельного срока, следует предположить, что каждая лекция должна дать 250 - 500 долларов. Правда, в ответ на разосланные проспекты, получился уже ряд приглашений — бюро из деликатности не сообщало мне о количестве этих приглашений! — но за лекции предлагалось только по 100 долларов. Поэтому бюро вынуждено отказаться от контракта; оно, конечно, крайне сожалеет, полагает, что необходимо было развить более интенсивную рекламу, выражает надежду, что я соглашусь устроить более продолжительный тур, но несколько позднее и пр. и пр.

Я, понятно, нисколько не удивился отка-

зу бюро, ибо с самого начала все предложение бюро мне показалось почти фантастическим и, по правде сказать, тот факт, что оно мне было, действительно, сделано, я об'яснял лишь пламенным красноречием своих американских друзей, ведших переговоры с бюро.

Моих друзей, тем не менее, эта неудача не обезкуражила. Они предложили мне приехать в Америку на два месяца позднее,обещали,что за это время достанут еще несколько солидных предложений и надеялись, что в общей сложности сумеют гарантировать мне в разных городах Америки несколько десятков лекций. Весь мой лекционный тур будет носить более скромный характер (фрак я могу не заказывать!) — во всяком случае я сумею покрыть все связанные с поездкой в Америку и с жизнью там расходы — аудитория у меня будет, меня услышат и я многое увижу.

Отказываться от этого у меня, конечно, не было оснований.

Окончательно выяснилось, что я сумею отплыть из Европы (из Бремена) — 15 декабря.

Я знал, что достать для иностранца — а особенно для тех из них, кто не принадлежит к таким привиллегированным нациям, как англичане или французы — американскую визу дело не такое простое. Знал по личному опы-

ту, что теперь наименее привиллегированной нацией являются русские. И потому в душе у меня было далеко не спокойно, когда я входил в американское консульство в Берлине. Но все оказалось чрезвычайно простым. — «Зачем Вы едете в Соединенные Штаты?» — спросила меня девица. — Для чтения лекций. — «Вы можете это чем-нибудь доказать»? — Я показал ей печатный проспект с изображением собственной физиономии и краткими биографическими данными, со списком тех обществ, от которых я уже имел приглашение для прочтения лекций. Девица мимолетно все это пробежала, произнесла сакраментальное all right ! и дала билетик для входа в соседнюю комнату, где за голым деревянным столом сидел со скучающим видом сам г. американский консул. Он равнодушно посмотрел на мой паспорт, приклеил к нему бумажку, прощелкнул мою карточку какой то машинкой, пришлепнул штемпелем и протянул руку за следующим паспортом.

Ворота Америки передо мной открылись.

В Америке я прожил четыре месяца, чтением лекций занимался втечение десяти недель. За это время прочитал 12 фиксированных лекций: 4 — в Нью - Иорке, 2 — в Чика-

го, 2 — в Кливеленде, 1 — в Вашингтоне, 1 — в Детройте, 1 — в Уотербери, 1 — в Миддльбери (обе последние в штате Коннектикут). Это, конечно, очень мало. При этом не считаю нескольких выступлений на русских митингах (в Нью - Иорке и Детройте), а также тех импровизаций, с которыми несколько раз приходилось неожиданно выступать на tea-party или dinner'ах — я тогда еще не знал, что эти чаи и обеды устраивались специально для того, чтобы «показать» меня и что гости приглашались «на меня». В таком небольшом количестве лекций в значительной степени был виноват я сам — надо было проявить больше настойчивости и инициативы, — но к публичным выступлениям у меня никогда не было особой любви. Размеры аудитории при этом были очень различны — от нескольких десятков до 600 - 700 человек. Оплачивались лекции также различно — от 50 до 200 долларов (несколько лекций прочитано было мною бесплатно — в том числе лекции перед рабочей аудиторией). В общем всетаки наши расчеты, действительно, оправдались: вся поездка в Америку и жизнь в Америке была оправдана гонорарами за лекции — но мое «золотое руно» так и осталось в Америке...

Лекции были мною прочитаны на следующие темы: «Экономическое положение со-

временной России и возможности ее возрождения», «Внутреннее и международное положение советской России», «Возрождение России на демократической основе и ее взаимоотношения с Европой», «Политические партии в советской России», «РКП после смерти Ленина».

Здесь я не касаюсь тех случайных тем, на которые приходилось говорить экспромтом на упомянутых выше чаях и обедах. В первый раз, помню, растерялся: хозяйка любезно угощала меня чаем, вокруг были немногочисленные, но чрезвычайно distinguished гости — и вдруг хозяйка сделала выразительную паузу и громким голосом, чтобы слышали все, попросила меня рассказать присутствующим о положении дел в России. Пришлось бросить недопитую чашку и «выступать». Другой раз вышло еще коварнее. Одна чрезвычайно милая и любезная американка пригласила к себе на целый день на свою виллу возле Чикаго. Время там мы провели великолепно, к обеду вечером с'ехалось много гостей — показалось мне лишь подозрительным, что и дамы и кавалеры были в вечерних туалетах. После обеда все пошли в огромный кабинет и меня очень уютно устроили в глубокое кожаное кресло у камина, остальные выстроились на своих стульях амфитеатром

и хозяйка обратилась ко мне со словами: — « M-r Z., ну теперь расскажите нам что-нибудь о своей ссылке — я слышала, что Вы несколько лет провели в Сибири. . .» — Это было для меня очень неожиданно, но отступать было некуда — и я стал рассказывать присутствующим о Якутской области, об ее реках и пространствах, ее морозе, зверях, населении. Скоро понадобилась географическая карта, географической карты не хватило, принесли глобус, тема меня увлекла, я рассказал им о таких чудесах, о каких они раньше и не подозревали — и лишь когда кончил, сообразил, что доклад мой продолжался не меньше двух часов! А меня предупреждали, что американцам больше 45 минут доклада делать нельзя. И все потом еще благодарили за very interesting and instructiv evening. Этим своим «докладом» я долго гордился.

Прочитанные доклады я бы разделил по их характеру на три разряда. Во первых — прочитанные перед квалифицированными организациями и собраниями, во вторых — прочитанные в рабочих собраниях и в третьих — на открытых собраниях.

Первый прочитаный мною в Америке доклад — «Об экономическом положении России» — был сделан в весьма квалифицированной нью - иоркской огранизации National

Industrial Conference Board — нечто вроде немецкого Verein für Sozialpolitik. Это происходило в отеле Астор, в закрытом собрании. Присутствовали только члены этой весьма влиятельной организации, преследующей исключительно общественно - научные задачи, и гости по приглашению. Среди них один business-man, только что вернувшийся из России, где вел переговоры с большевиками на предмет восстановления разрушенной промышленности, бывший командующий американской оккупационной армией на Рейне генерал Аллен, бывший немецкий министр финансов Гермес. Предварительно сервирован был завтрак — по американскому обычаю. После моего доклада состоялись оживленные прения, а стенографическая запись моего доклада была затем обществом отдельно издана и разослана всем его многочисленным отделениям в Америке.

В еще более интимной обстановке состоялся доклад в нью - иоркском Council for foreign relations. Это чрезвычайно влиятельная общественно - политическая организация, с голосом которой очень и очень считаются. Достаточно сказать, что за две недели до меня здесь выступал... не больше не меньше как сам государственный секретарь Юз с докладом о международной политике

правительства. Правда, за обедом, устроенным в его честь присутствовало около тысячи человек, тогда как за моим было... только шестнадцать, но зато, действительно, за столом собрались, быть может, лучшие среди американцев, знатоки русского вопроса. Об экономическом положении России они, вероятно, знали не меньше меня, а потому я должен был им делать доклад о внутреннем состоянии РКП после смерти Ленина и, в частности, о сущности только что состоявшейся тогда первой партийной дискуссии. Председательствовал известный Кулидж, профессор истории гарвардского университета в Бостоне — к большому моему удивлению довольно недурно говоривший по русски, присутствовали кроме того совсем хорошо из'яснявшийся по русски квакер Дэвис, профессор европейской истории колумбийского университета Хэйз, редактор весьма влиятельного и несомненно лучшего в Америке политического журнала Foreign Affairs, Армстронг, и др. Беседа после доклада носила интимный характер и мне здесь удалось лишний раз убедиться, с каким глубоким интересом и горячими симпатиями относятся к демократической России лучшие представители американской интеллигенции и насколько лучше осведомлены они о действительном положении

России, чем европейская нтеллигенция, даже цвет ее...

Перед аналогичной организацией пришлось делать доклад и в Чикаго, — в Council on Foreign Relations. Но здесь обстановка была несколько иная — за завтраком присутствовало около 200 человек, председательствовал проф. социологии чикагского университета Мид (George Mead). Организация эта также весьма влиятельная и сильная, европейцы здесь частые гости; так мне сообщили, что следующим летом (1925 г.) здесь должен был прочитать доклад министр иностр. дел чехословацкой республики Э. Бенеш (эта поездка Бенеша в Америку, впрочем, не состоялась). Интерес у американской интеллигенции к России меня здесь поразил в еще большей степени. И перед докладом и после него ко мне подходили знакомиться американцы, из которых многие говорили по русски, а во время дебатов многие из присутствовавших проявили глубокое знакомство с положением России. Среди них особенно хочется отметить проф. Самуила Харпера, читающего долгий ряд лет в чикагском университете систематические курсы по истории России, а в последние годы даже по истории русской революции; его статьи в — International Interpretor — исключитель-

но по советским данным — быть может лучшее из всего того, что за последние годы было написано о России в Америке. В смысле внешней обстановки это мое выступление было, быть может, наиболее интересным. Оно происходило в лучшем отеле Чикаго «Ля - Салль», в огромной зале на 18-ом этаже. Еще накануне меня спросили, имею ли я что - нибудь, если моя лекция будет передана по радио. Я не стал возражать и, когда вскарабкался на кафедру, действительно, увидел на столе скромный таинственный диск. Признаюсь, сначала он меня смутил и я невольно на него все время поглядывал, а в голове бродили смущающие мысли — « кто там меня еще теперь слушает — что если моя лекция сейчас ворвалась куда - нибудь нежеланной гостьей»... Потом я справился со своим смущением и старался на радио не обращать внимания. На другой день имел большое удовлетворение убедиться, что радио работало не напрасно. Оказывается, из какого то другого города по телефону звонила секретарше Council on Foreign Relations, милейшей миссис Колльер, какая - то дама и сообщила: она совершенно случайно стала слушать мою лекцию, заинтересовалась ею, прослушала от начала до конца, прекрасно поняла, но не успела записать нескольких

цифр и просит теперь дать ей возможность списаться с лектором. И, действительно, мы затем имели переписку, причем я постарался удовлетворить ее любознательность.

Меня чрезвычайно интересовало войти в соприкосновение с американской рабочей аудиторией. Я имел приглашение из Вашингтона от Central Labor Union — это как бы центральная организация Американской Федерации Труда, ее «Союз Союзов». Я воспользовался поездкой, чтобы познакомиться с Гомперсом и обратиться к нему в этом деле за содействием. Он весьма охотно откликнулся на мое предложение, осведомился о моем дальнейшем маршруте и дал адреса организаций своей Федерации в тех городах, где мне предстояло прочесть еще лекции. Затем мне оставалось лишь списаться с их секретарями, что я и сделал.

Настроение рабочей аудитории значительно отличалось от National Industrial Commerce Board и Council on foreign relations Там мой доклад представлял для аудитории научно - общественный интерес, со мной соглашались или мне возражали, но все это не носило характера борьбы. Здесь, наоборот, мои выступления приобрели политический характер и аудитория горячо так или иначе реагировала.

Аудитория Central Labor Union в Вашингтоне состояла из цвета рабочих организаций. Были как рабочие, так и работницы — среди них популярная в американском рабочем движении Mother Jones, с которой я после лекции познакомился («я уже 25 лет в рабочем движении»). Слушали меня с напряженным вниманием и затем все, по предложению председателя, с целью выразить мне благодарность, встали. Однако трое присутствовавших — всего было около пятидесяти — демонстративно остались сидеть. Один из демонстрантов попросил у председателя слово. — «Ради более полного освещения вопроса, — заявил, волнуясь, но сдерживая себя, этот молодой человек, — я предлагаю пригласить для прочтения реферата американца, который только что вернулся из России и рассказывает, что в Германии сейчас гораздо хуже, чем в России... Я не могу опровергнуть цифр этого джентельмена (я в своей лекции заявил, что все приводимые мною цифры об экономическом положении России взяты мною из советских источников), но я уверен, что тогда... (и тут его голос сорвался) мы услышим не такую чепуху, какую только что слышали...» При слове «чепуха» председатель грозно приподнял свой председательский деревянный молоток и с такой си-

лой ударил по стоявшему перед ним столику, что... столик рассыпался (да, да — столик, а не молоток!). Это увеличило вспыхнувшую сумятицу. Молодой человек, красный от негодования, уже сидел на своем стуле, председатель строго ему выговаривал за произнесенное им непарламентское слово, но по зале будто пронесся вихрь. Из задних рядов выбежал, потрясая в руке бумажками, какой то брюнет, вскарабкался на трибуну и разразился гневной речью против большевиков, разрушающих единство рабочего движения. Вся аудитория, — за исключением, быть может, двух - трех человек — горячо его поддержала. Было очевидно, что здесь против большевиков накопилось много горючего материала. Как часто бывает в таких случаях, посыпались и разоблачения. Разгневанный оратор прочитал несколько секретных документов, в которых Коминтерн рекомендовал своим сторонникам не останавливаться ни перед какими средствами с целью скомпрометировать Американскую Федерацию Труда и ее руководителей, а для уничтожения американской конституции использовать негров... Аудитория пылала негодованием, но, очевидно, с целью доказать свое полное беспристрастие, единогласно вынесла постановление о приглашении того американца, который недавно

прибыл из Москвы и рассказывает о ней так много хорошего.

Рабочая аудитория в Кливеленде носила другой характер. Рабочие сидели густыми рядами. Видно, что они только что с работы — некоторые еще не успели переодеться. Это не организаторы и не руководители, а рядовая масса. Сначала свои очередные вопросы (о членских взносах, о помощи нескольким захворавшим рабочим), затем слово предоставлено мне. Здесь я повторил тот же свой доклад, что и в Вашингтоне — замечательно, что рабочая аудитория больше всего интересовалась экономическим положением России. Слушали здесь не так внимательно, в конце доклада я почувствовал, что часть аудитории настроилась весьма нервно — раздалось несколько враждебных возгласов, тут же гневно потушенных самой аудиторией, без вмешательства председательского молотка. К большому моему сожалению, дебаты не могли состояться, так как, по сообщению председателя, в тот же вечер необходимо было заслушать доклад о туберкулезе...

Но, тем не менее, какой - то весьма возбужденный человек, который особенно нервно был настроен во время моего доклада, попросил у председателя слова и предложил собранию... не выражать лектору бла-

годарности, так как, по его словам, в моем докладе не было ни одного слова правды — а он хорошо знает, что сейчас в России происходит. И начались краткие, но горячие прения о том, выражать мне благодарность или не выражать. В эти дебаты я, конечно, вмешаться не мог и был обречен на роль слушателя. В конце концов дело дошло до голосования. Из собравшихся 14 человек заявило, что они не желают выражать лектору благодарности, человек 20 воздержалось, остальные (на собрании присутствовало человек полтораста) — за выражение благодарности. Очевидно, чтобы смягчить впечатление, председатель, а за ним еще несколько человек демонстративно подходили ко мне и на виду у всех жали мне руку — «we appreciate» и пр. Мне было интересно выяснить мотивы протестантов и я остался на собрании, прослушал технический и показавшийся мне весьма скучным доклад о туберкулезе, а когда собрание окончилось, подошел к главному протестанту и громко спросил его, против чего в моем докладе он особенно возражает? Оппонент начал громко и весьма демагогически кричать, вокруг нас столпилась аудитория. Когда я пытался ему ответить, он повышал голос. Я предложил ему дать возможность сказать несколько слов и мне. — «Нет, — крикнул он, — мы слушали

вас целый час, теперь вы послушайте нас!» — Вмешались другие. Что то мне вдруг в крикуне показалось странным. — Послушайте, — воскликнул я по-русски, — да ведь вы русский? — «Конечно, русский!» — все еще негодуя, ответил он. — Большевик? — «Да, коммунист, — а что-ж из этого?» — И снова перейдя на английский, он заявил, что ежедневно получает газеты из Москвы и по ним знает правду... Дальнейшие дебаты были уже не интересны. Но здесь же я имел моральное удовлетворение встретить другую группу русских рабочих, которые, наоборот, всецело встали на мою сторону и начали на русско - английском языке жестокую словесную перепалку с коммунистами... Долго ходил еще с ними по улицам и беседовал на разные темы. Узнал, между прочим, что из 70 000 организованных рабочих, входящих в кливелендское отделение Американской Федерации Труда, около 6 000 русских...

Но из всех рабочих аудиторий самая интересная у меня была, конечно, в Детройте. И здесь я обратился к местной организации Американской Федерации Труда. К моему удивлению, она оказалась значительно слабее кливелендской, несмотря на то, что рабочих в Детройте несравнимо больше, чем в Кливеленде. Это об'ясняется тем, что работающие

у Форда, по целому ряду весьма сложных причин, не поддаются почти никакому организационному воздействию. На 1 200 000 жителей, рабочих в Детройте имеется свыше 300 тысяч, т.-е. четвертая часть, между тем, входящих в Американскую Федерацию Труда — только 40 000. Но, как в Кливеленде, так и в Детройте, настроение рабочих, входящих в местные организации Американской Федерации Труда (формально это, собственно, не организации Федерации, а организации, примыкающие к Федерации, что далеко не одно и то же), значительно отличается от оффициального духа самой Федерации — они настроены более радикально, многие считают себя социалистами, имеются и коммунистические симпатии; и весьма настроены персонально против Гомперса. Нужно вообще сказать, что говорить о Федерации, как о едином политическом целом, было бы большой ошибкой — многие союзы, входящие в Федерацию, чрезвычайно ценят свою федеративную связь, но политически весьма и весьма с Гомперсом расходятся; но все высоко его ценят, как организатора американского рабочего движеня. Европейские ярлыки здесь вообще не подойдут...

Зайдя накануне своей лекции в секретариат Федерации и познакомившись с секре-

тарем мистером Мартелем, я застал там же и редактора местной рабочей газеты « Detroit Labor News», мистера Бэтта (Dennis E. Batt).

Оказывается, в 1921 году Бэтт был в России на голоде и в течение шести месяцев работал с квакерами на Волге; по своим убеждениям отрекомендовался социалистом. Беседа наша с ним затянулась на целых два часа; к большому взаимному удовлетворению мы убедились в совпадении многих наших взглядов и оценок — на большевизм и большевиков, на белое движение, на блокаду и интервенцию. Было очевидно, что поездка в Россию для Бэтта даром не прошла — он хорошо разбирался в русском недавнем прошлом, внимательно следил за текущей жизнью России и весьма реалистически относился к тому, что большинство иностранцев принимает без всякой критики.

Своим внешним видом моя аудитория в Детройте напоминала кливелендскую — здесь, несомненно, также были все «рабочие от станка». Среди них было также несколько негров. Слушали внимательно, но по движению в некоторых местах своей лекции я почувствовал, что аудитория в своем большинстве, повидимому, настраивается против меня. Один в конце моего доклада не выдержал и сорвался с довольно нелепым вопросом: «а вы сами то

член союза или нет?» — Этим он, должно быть, хотел выразить протест против меня. Его немедленно осадил пользующийся, повидимому, в этой аудитории неограниченным влиянием Бэтт. По окончании доклада раздались жидкие аплодисменты, хлопало 3 - 4 человека, но и они, смутившись, умолкли. Общее настроение было, очевидно, против меня. И, действительно, градом посыпались по моему адресу ядовитые вопросы, критика, протесты. — «Не может ли лектор сообщить, на какие средства он живет в Америке?» — «А я хочу узнать, на какие средства джентльмен приехал в нашу страну и кто оплатил его пароходный билет?» Но было много вопросов и по существу, особенно интересовались размерами и причинами голода 1921 года и «экономическими ножницами», т.-е. расхождением цен на промышленные товары и на хлеб. На каждый вопрос я старался ответить фактами и цифрами советского происхождения, цитировал заявления большевиков, пытался на удары ответить ударами. Выразил удивление, что на рабочем собрании приходится напоминать о существовании социалистов, общественную деятельность которых никто не оплачивает и которых никто не спрашивает о мотивах их действий. Что касается вопросов, обращенных ко мне лично, то указал, что вижу в

них лишь попытку нанести оскорбление; об'яснил, что скрывать мне нечего и рассказал, как и для чего приехал в Америку. Председательствовавший на собрании Мартель пояснил мне, что никто не хотел меня оскорблять и он бы не допустил этого, но что, очевидно, некоторые, действительно, хотели знать, на какие средства я приехал в Америку и он в этом вопросе не находит ничего странного, — а после данного мною об'яснения, несомненно, удовлетворился и вопрошавший. В свою очередь, Мартель также выступил против меня с рядом критических замечаний... Я отбивался, как мог — было жарко. Затем, неожиданно для меня, выступил с большой речью Бэтт. Сначала он заявил, что в целом ряде пунктов со мной не согласен (— в частности, в вопросе о причинах голода — по его мнению, гораздо большую ответственность, чем большевики, несут за голод «белые» —), но так как он сам был в России и наблюдал ее не из окошка вагона, как это, действительно, делали многие из тех иностранцев, о которых говорил лектор, то он считает себя вправе также сказать кое-что о России. Речь его длилась немногим меньше, чем мой доклад — по существу он целиком подтвердил основные положения моего доклада. Сославшись на свой разговор со мной накануне и об'яснив,

что я принадлежу к одной из борющихся с большевиками социалистических партий, он вкратце охарактеризовал внутреннее политическое положение России; критикуя большевиков, выразил, однако, надежду на возможность их эволюции и указал, что, по его мнению, я в своей критике большевиков был слишком суров... В заключение сказал несколько комплиментов по моему адресу — made his best of the critics, very instructive, very interesting lecture – и даже выразил реприманд по адресу протестантов: «на таком собрании, как наше, когда говорится о жестокой судьбе целого народа, не должно быть места для смеха и шуток»... Аудитория притихла. Я почувствовал, что речь Бэтта переломила настроение аудитории. Когда я отвечал на критические замечания Бэтта и на несколько вновь мне поставленных вопросов, слушали внимательнее, а некоторые мои ответы даже сопровождались аплодисментами. И огромное удовлетворение испытал, когда после окончания дебатов ко мне подошел Мартель, протянул свою огромную ручищу и с улыбкой громко сказал: «you are a brave soldier!» (Вы хорошо защищались).

И я подумал: когда в рабочей среде встречаешь слепую защиту большевиков и горячие нападки на критиков большевизма, это

чаще всего означает не сочувствие советской власти, какова она есть в действительности, а инстинктивную защиту созданной рабочими легенды — там где-то, в далекой России, рабочим удалось создать свою власть, свое государство; и вдруг оттуда же приезжает кто то и безжалостно разрушает этот прекрасный воздушный замок — как можно остаться равнодушным к этому, как можно не протествовать против этого?..

Однако, с точки зрения ознакомления с американской жизнью значительно интереснее, чем лекции в этих как-никак специальных аудиториях, были те, которые мне пришлось прочитать в Америке открыто. Такого рода лекции обычно читаются в каких-нибудь публичных аудиториях и о них об'является в газетах — придти может каждый, иногда даже не надо для входа приобретать билета. Всего чаще они устраиваются... в церквах. Да, в церквах! Для американца церковь — это прежде всего публичное место встречи. Там он совместно с другими — в своей церковной общине — не только старается удовлетворить свои религиозные потребности, но ищет ответа и на другие искания духа: в церквах читают лекции на все научные темы, в церквах же всего чаще выступают со своими докладами и политические деятели. Меня уверяли, что име-

ются церкви, в которых иногда даже... танцуют. Церковь — это, прежде всего, помещение, в котором люди удовлетворяют свои «социальные», как выражаются американцы, — общественные, как сказали бы мы, — потребности. Что касается меня, то я получил приглашение прочитать лекцию от трех церквей — от The men's Leage of the Second Congregational Church в Уотербери, от Trinity Congregation of church в Кливеленде и от Communnity Church в Нью - Иорке.

Сначала это выступление с политическим по существу докладом в церкви мне показазалось странным.

Когда в Уотербери к назначенному часу я явился в церковь и спросил, как это было указано в пригласительном письме, священника, мистера Грина, навстречу мне вышел высокий, одетый в строгий черный сюртук американец и любезно провел в свой кабинет, попросив меня несколько обождать, пока не окончится служба. Я сидел в своем смокинге и с удивлением прислушивался к глухим звукам органа, приятно гудевшим где то за каменной стеной. Вскоре священник вернулся и пригласил следовать за ним. Через тяжелую дубовую дверь мы вошли с ним со стороны алтаря и очутились на амвоне, впереди органа. Здесь стояло несколько стульев, на один из которых я, согласно приглашению, сел. Передо мной ог-

ромная аудитория амфитеатром,хоры—человек 600-700. Мистер Грин поднялся на кафедру: «псалом такой то, строфа такая то». Все присутствующие встали с мест. К моему великому изумлению загремел орган и раздалось хоровое пение. Пели все присутствующие. В моих руках также оказался листок с текстом псалма, который мне любезно передал мистер Грин. После первого псалма спели другой, затем и третий. Затем все сели. Наступило молчание. Без всякого перехода мистер Грин заявил, что теперь он имеет честь представить присутствующим мистера З., русского джентельмена, любезно согласившегося прочитать доклад о положении вещей на его родине. Затем последовало несколько раз'яснений биографического характера, взятых из разосланного в свое время циркулярного письма с извещением о моих лекциях. Слово было предоставлено мне.

После доклада мистер Грин предложил желающим задать мне вопросы — записками. Когда записки были собраны, он передал их мне — всего было 16 записок.Содержания они были самого разнобразного. «В чем разница между социалистами и большевиками?». — «Почему так сильно уменьшилось население Петрограда?» — «Правда-ли, что большевики собранные ими с крестьян средства тратят на

коммунистическую пропаганду за-границей, в том числе и в Америке?» — «Почему Керенский отдал власть большевикам?» — «Если, по Вашему мнению, советское правительство так плохо, то почему же Англия, Италия и другие страны признали его?» — «А как правительство Керенского предотвратило бы ту катастрофу, которая разразилась в России — голод?». Из всех вопросов только один был открыто враждебен мне. — «Не думаете ли Вы, — спрашивал кто то, — что вместо того, чтобы указывать на темные стороны существующего правительства, Вам бы следовало просто придти к нему на помощь и вместе с ним постараться улучшить положение русского народа?». Каждый вопрос я читал вслух и сейчас же на него отвечал — некоторые ответы были кратки, другие требовали подробных раз'яснений. С одним вопросом у меня получилось недоразумение. Он гласил: «какой национальности оратор — русской или еврейской?» На этот вопрос я с некоторой запальчивостью ответил, что выступал здесь прежде всего как гражданин России и что в самой России есть множество различных национальностей; что о высказываемых взглядах следует судить не по тому, к какой национальности оратор принадлежит,а по тому,что оратор говорит по существу. Здесь вмешался мистер

Грин и раз'яснил мне, что заданный мне вопрос является вполне естественным и вопрошавший, несомненно, отнюдь не хотел меня чем-либо задевать, если я еврей; что, наконец, среди членов его общины имеется весьма много евреев, к которым все относятся с полным уважением и которых нисколько не выделяют и не отличают от других... После этого раз'яснения я удовлетворил любопытство вопрошавшего.

Некоторые мои ответы вызвали новые вопросы, я ясно почувствовал, что между мной и аудиторией завязались какие то невидимые нити — наиболее драгоценное для лектора ощущение.

Дебаты закончились предложением мистера Грина пропеть американский гимн. Опять загремел орган, опять поднялись все присутствующие, запели хором. И только после этого публика стала расходиться — но некоторые еще подходили ко мне, задавали вопросы, пожимали руку...

В Кливеленде, в Trinity Congregation of Church, в общем повторилось то же самое. Аудитория была большая, но дело на этот раз обошлось без псалмов. Хорошо запомнилась сама церковь. Она была расположена на одной из боковых улиц, фасад из дикого камня завит зеленым плющем, в окна вставлены кра-

сивые, цветные стекла. Вид ее был почти кокетливый. Днем я нашел ее адрес по плану и отправился туда на трамвае, желая проверить, за сколько времени выехать туда вечером, чтобы не опоздать на свою собственную лекцию. Велико было мое удивление, когда, под'ехав к церкви на трамвае, я увидал на ее фасаде огромную полотняную вывеску, гласившую, что 2 марта, в 8 часов вечера «русский философ и лингвист Владимир Зензинов прочитает лекцию на тему «О большевицких законах и их применении». Я немало смеялся над такой рекламой и в назидание увековечил ее для себя на фотографии — никогда еще до сих пор мне не давали такого пышного титула; я и до сих пор не понимаю, откуда он возник, в моих проспектах о таких моих качествах ни слова не говорилось. На этот раз дебаты после лекции были весьма оживлены — мне задано было в общей сложности письменно и устно не меньше 50-60 вопросов; некоторые из них были определенным образом окрашены. — «Почему американские войска помогали Колчаку и Деникину?» — «Не представляет ли оратор интересы колчаковских убийц?» — «Почему союзники помешали Колчаку расстрелять лектора?» — «Если бы сейчас у власти в России находились не большевики, а социалисты, то разве

им не пришлось бы столкнуться также с индивидуализмом русского крестьянства?» — «Скажите, разве большевизм не несет в будущем для человечества свет и счастье?» — Особенно была упорна в своих вопросах и назойлива молоденькая черненькая дама, задававшая мне один ехидный вопрос за другим. Аудитория при ее вопросах начала уже нетерпеливо смеяться и я, ко всеобщему удовольствию, старался на ее ядовитые вопросы давать еще более ядовитые ответы. Весьма подозреваю, что мы с ней могли бы об'ясниться и по русски. Какой то скептик, оговорившись, что он сам не сторонник большевиков, выразил сомнение в правильности моего утверждения, будто большевики среди широких слоев русского народа популярностью не пользуются; он, вопрошающий, недавно видел в синематографе похороны Ленина и убедился, что при этом, действительно, присутствовало множество народа — или докладчик думает, что снимки были поддельные? Я указал в ответе, что толпы народа на погребении Ленина еще не указывают на популярность в народе большевиков и на симпатии к ним; у нас существует пословица: «Москва глазам не верит» — кто знает, для чего эти толпы пришли, — быть может лишь для того, чтобы собственными глазами убе-

диться, что Ленин, действительно, наконец, умер? Вопрошающий джентельмен, любовавшийся на похороны Ленина в фильме, сам оговорился, что он не сторонник большевиков — значит он смотрел на эти похороны также не из сочувствия к Ленину? При этом ответе аудитория расхохоталась и разразилась аплодисментами. — Дебаты, если это можно назвать дебатами, продолжались дольше самой лекции. Когда публика хлынула из церкви, группа присутствовавших предложила отвезти меня в отель на частном автомобиле; нашелся русский, который во что бы то ни стало хотел угостить меня на другой день у себя обедом...

В Нью - Иорке я читал лекцию в Community Church. Это — одна из наиболее аристократических церквей города, находится близь Пятого авеню — Park avenu and 34th street. Служит в ней популярный в Нью - Иорке священник, мистер Холмс, считающийся радикалом. В этой церкви очень часты бывают политические выступления — особенно из радикального крыла (вскоре после меня здесь выступал Бертран Руссель); аудитория этой церкви тоже считается радикальной. Сам мистер Холмс, повидимому, не слишком был согласен с моей критикой большевиков — он, как и его паства, принадлежа-

ли к разряду так называемых «салонных большевиков» (Saloon bolshevism) — пожалуй, самые несносные в Америке люди; правда, в последнее время мода на большевиков падает — интересно, что она была раньше очень популярна как раз среди наиболее богатых американцев, обитателей Пятого авеню — это было одним из проявлений американского снобизма. Лекция моя имела темой разногласия внутри РКП — в связи с первой «болезнью» Троцкого. Присутствовало в церкви человек 500. Мистер Холмс организовал прения следующим образом — сначала, как и в других церквах, он предложил желающим задать письменные вопросы лектору, а мне — ответить на них, а затем открыл и настоящие дебаты (думаю, грешным делом, что на дебаты он расчитывал и ими интересовался больше, чем лекцией). Аудитория проходами, как радиусами, была разделена на несколько секторов — и мистер Холмс предложил каждому сектору (их было всего пять) выставить против меня оратора. И ораторы, действительно, выступили, но, к моему большому удовлетворению, не все они оказались между собой согласны. Некоторые выступили с определенно коммунистическими речами, но другие — с не менее решительными антикоммунистическими. Моя задача, таким обра-

зом, была облегчена и в отношении меня коварные замыслы мистера Холмса, кажется, не увенчались успехом...

В общей сложности мною прочитано было в Америке лекций немного, но от моего лекторства у меня осталось впечатление большого разнообразия (так, я совсем не упомянул о прочитанной в Чикаго лекции в женском клубе — Chicago Women's aid; присутствовали исключительно женщины — всех возрастов, начиная от совсем юных и кончая старушками; проявили к лекции необычайный интерес, некоторые даже что то записывали в тетради — как в школе, разспрашивали, задавали вопросы — иные из них были весьма наивны; председательствовала какая то весьма хорошенькая и молоденькая дама, которая, как я убедился из ее вопросов, решительно ничего в лекции не поняла; думаю, что с таким же интересом они выслушали бы лекцию об истории санскритской литературы — в самой живости их интереса чувствовалось что то спортивное...)

Я глубоко убежден, что решительно для каждого лектора американская аудитория — непочатое поле работы. Здесь нельзя исчерпать ни темы, ни аудитории. Ну что, в самом деле, вы скажете, когда к вам обращаются с такими словами (записано мною дословно):

— Вы — русский?

— Да.

— Большевик?

— Нет.

— Значит — монархист?

— Нет, и не монархист.

С недоумением: — Так кто же вы? Я не понимаю...

И нужно еще очень, очень много прочитать лекций в Америке, чтобы там начали понимать... А понять безусловно хотят.

ЖЕЛЕЗНЫЙ СКРЕЖЕТ

... Я слышу его, этот неумолчный, раздирающий слух, проникающий до мозга костей железный скрежет, стоит только закрыть глаза... В скале Мангаттана, на которой стоит город - гигант, в прорубленных каменных туннелях мчится железный поезд. Стучат колеса, скрежещут буфера, грохочат рельсы. Минутная остановка — all aboard! — и поезд снова мчится дальше и дальше, впуская и выбрасывая пассажиров. Железо и камень, камень и железо — что может быть страшнее, безчеловечнее этого грохота? Разговаривать нет возможности, вы не слышите своих собственных слов, не слышите, кажется, даже собственных мыслей. Мчится поезд, мимо мелькают станции подземной железной дороги, на которых некогда остановиться вашему экспрессу — hurry up! hurry up! — торопитесь! торопитесь! Часами можете вы мчаться в скале Мангаттана — вы все еще не вырвались из об'ятий Нью - Иорка.

Железным скрежетом полна жизнь Америки. Железо и камень — вот основной строительный материал Нового Мира, их скрежетом насыщена его жизнь, от него вы не уйдете в Америке никуда.

Все дальше и дальше мчится поезд — куда? И куда стремятся все эти люди — с железными лицами, каменными челюстями, крепко сжатыми тонкими энергичными губами, стальными глазами? Быть может и им не суждено вырваться из того замкнутого круга, в котором неустанно, без перерывов, все двадцать четыре часа в сутки, мчится железный поезд? Быть может и то «вперед! вперед!», которым они руководятся в своей жизни, есть лишь нечто кажущееся и они, как и этот поезд, мчатся лишь в замкнутом круге?..

Я прожил четыре месяца в Америке и пишу эти строки на пароходе, на котором возвращаюсь в Европу. Хорошо знаю, что, прожив такой короткий срок в чужой стране — и вдобавок в какой еще стране! — не имею права на оценку, на выводы. В самой Америке всегда с досадой слушал, когда кто - нибудь при мне пытался одним взмахом оценить Америку, одним словом охарактеризовать американскую жизнь. И сейчас в этих

строках не хочу делать попытки, которая, на мой взгляд, неизбежно осуждена на неудачу — я пишу лишь о своих впечатлениях. Выводов из них не делаю, оценки стараюсь избежать. Это — впечатления и только впечатления. Впечатления поневоле беглые, исключительно суб'ективные — не буду даже стараться избежать этого суб'ективизма. Ибо что стоят впечатления без суб'ективной окраски?

Говорят, что при встрече с незнакомым человеком часто бывает правильным именно первое впечатление. Быть может, это верно и при первой встрече с новой страной? Быть может, сила и красочность первых впечатлений стоит не меньше, чем углубленное и длительное изучение? Ваши духовные глаза лучше схватывают общие очертания и резко отличают новое, незнакомое от давно известного, приевшегося — рельеф и деталь это уже вторичное, производное. Свежесть первого впечатления — вот что важно.

Что прежде всего поражает в Америке приезжего из Европы? Конечно, масштаб окружающего и темп самой жизни. Если в Европе меряют метром, здесь меряют милями. Если там жизнь течет, как устоявшаяся в берегах река, здесь она мчится водопадом. А люди как будто такие же? Быть может даже

— те же, ибо из 105 миллионов тридцать шесть миллионов переселились в Америку из Европы? Но здесь, видимо, не только иной масштаб пространства и времени. Здесь и другой воздух. В Америке по иному люди думают, по иному чувствуют, меняется самая философия жизни. Человек, сошедший с иммигранского парохода и ступивший на американскую почву, сразу становится другим — в него вселяется новый дух. Этот дух называется американизмом.

Я старался понять, в чем заключается сущность американизма, что такое американская субстанция... Бродил по улицам, старался понять смысл стремительного бега уличной жизни и цель вечного лозунга — hurry up! В театрах и синематографах, на многотысячных спортивных состязаниях пытался уловить психологию толпы. Старался прочитать между строками американской газеты. Подслушивал в грохоте жестокого труда сталелитейного завода в Уотербери. Искал в шумной и жизнерадостной толпе школьников. Всматривался в деревянные игрушечные домики, похожие на наспех построенные домики пионеров, которые видны повсюду в стране, когда едешь по железной дороге. Грохочущий Нью - Иорк, закопченный деловой Чикаго, промышленный Кливеленд, «динами-

ческий» Детройт, тихий провинциальный Вашингтон, засыпанное снегом местечко Коннектикута....

Кажется, в Лувре есть картина под названием «За счастьем». Изображена толпа. Она несется все дальше и дальше за улетающим по воздуху женским видением — в руках женщины мыльный пузырь, не то пригоршни золота. Теснят, толкают друг друга локтями, опрокидывают, сталкивают в пропасть. Но у всех одна мечта, одно желание — вперед и выше в погоню за этим призраком золотого счастья. Я часто вспоминал об этой картине в Америке. Здесь тоже все стремятся вперед и выше за манящим призраком счастья — по большей части это счастье им представляется тоже в виде золота. Давят друг друга, толкают в пропасть, но — как это ни странно — по большей части, почти каждому удается вырвать у жизни свой кусок счастья. В американской жизни нет еврепейской устойчивости и обреченности — перед каждым равные возможности, the equal opportunity, как говорят сейчас американцы, the fair chance, как любил говорить один из самых характерных и самых больших американцев, Авраам Линкольн.

The equal opportunity, т. е. равные условия для всех в их борьбе за счастье и за

жизнь — один из устоев американской жизни вообще, одна из основ американской философии жизни и самого американизма. Если бы у американцев не было сознания права и возможности — права и возможности для всех! — пробиться локтями в первые ряды, весь строй американской жизни был бы иным.

На этом сознании — которое, нужно сказать, является одной из национальных американских черт — построено и то, что принято называть в Америке демократизмом. Здесь нет сословий и почти не признают классов — все перегородки между людьми построены из какого то чрезвычайно хрупкого материала. Одно энергичное движение локтями, одна счастливая удача — the fair chance Авраама Линкольна — и перегородка летит к черту. Вчерашний рабочий с продранными локтями становится сегодня владыкой жизни, он одет в элегантное платье, каждое утро ему делают массаж лица, на пиру жизни ему отводят первое место. Каждый американец знает, что такое волшебное превращение возможно и с ним, каждый пролетарий в Америке мечтает сделаться капиталистом — возможны ли при такой психологии прочные классовые перегородки, классовая ненависть, самая борьба классов? Пусть не подумают, что я отрицаю существование в Америке классов и

их борьбу — конечно, все это есть и в Америке, но как все это текуче, как изменчиво, как неустойчиво, на фоне совершенно особой американской психологии!..

И еще одно, чего, вероятно не знает Европа. В Америке существует конкурренция, о которой не имеет представления Европа. Но это скорее надо назвать не конкурренцией, а соревнованием. Каждый хочет опередить другого. Если вы в вашем business зарабатываете на изготовляемых в вашей мастерской рубашках 20 долларов в день, ваш сосед постарается, при того же качества товаре, но при большем напряжении сил и при большей затрате времени, заработать 22 доллара. Это — постоянный бег взапуски. Это — жизнь, в которой каждый напрягает все свои силы, все свои способности. Именно этим и об'ясняется напряженность американской жизни, быстрое расходование нервной энергии, быстрое изнашивание человека. Здесь никто не работает в пол-силы, все чаловеческие машины работают полным ходом.

Но наряду с этим господствует принцип: живи и жить давай другим! В соперничестве и соревновании один вовсе не ставит себе цели обязательно удушить другого — он только хочет его опередить и не его вина, если обойденный на этом беговом кругу жизни па-

дает от истощения сил. Таков закон жизни: сильный торжествует, слабый гибнет. Все ловят свой «шанс» и относятся сочувственно и без зависти, если этот «шанс» улыбается не ему, а соседу. У него просто больше удачи — more opportunity. Этим об'ясняется та черта, которую можно подметить в биографиях многих американских мульти-миллионеров: очень часто они начинают свою финансовую карьеру, получив от более удачливых в тот момент дельцов финансовую поддержку. С какой-то ласковой внимательностью помогали последние этим начинающим урвать у жизни приходящийся на их долю кусок счастья — поле жизни ведь так широко и под солнцем хватит места для всех! Все люди пионеры — разработка богатств только еще началась!

Быть может, в Новом Мире, действительно, больше озона, чем в старом — здесь жадность жизни сильнее, чем в Европе. Как в автомобильном двигателе, жизнь здесь идет толчками — отсюда ее большая напряженность, более ускоренный темп. Отсюда же и погоня за сильными впечатлениями — ведь нервы в конце концов притупляются. Жизненная энергия клокочет, накапливается и вырывается наружу. Американский юноша выходит в жизнь с сознанием человека, который должен что - то завоевать. Вопреки русской

пословице, в Америке — и один в поле воин! Его влекут к себе творческие дали — он пристально вглядывается туда, где он не только может встать на ноги, но и добиться чего то нового, создать то, чего не было. Творчество — вот магическое слово, которое опьяняет американского юношу, если даже ему пятьдесят лет отроду.

Есть два демократизма — головной и нутряной, природный. Крестьянин не может не быть демократом. Именно такими демократами являются и все американцы — ибо все они демократического происхождения. Без особого подчеркивания Хувер недавно указал, что из 12 членов правительства, включая сюда самого президента и вице - президента, девять начали свою жизненную карьеру без всяких средств к жизни, из них восемь зарабатывали свой хлеб физическим трудом. Американцы не заинтересованы в своем генеалогическом древе, да оно здесь никому и импонировать не будет. В американце сильно чувство равенства, в нем нет преклонения перед аристократизмом происхождения — они сами все parvenu. Правда, они любят иностранцев с пышными титулами, но это преклонение перед титулами носит у них какой то детский наивный характер — так носятся со сво-

ими блестящими орденами, снятыми с рождественской елки, дети.

Труд в Америке равняет всех. Он никого не унижает, наоборот — уважают здесь лишь того, кто трудится. — «Чем он занимается»? — «Он — богатый человек» — такой разговор невозможен в Америке. И богатый человек в представлении американца должен иметь свой business, следовательно должен трудиться. Он должен быть занят хотя бы путешествиями, хотя бы спортом. Ни разу не мог я подметить на лице американца выражения презрения или смущения при встрече изящно одетого джентельмена с обтрепанным рабочим. Они оба без всяких околичностей садятся у Childs'а или Thompson'а (популярные рестораны американского города) за один стол и охотно вступают в беседу друг с другом. — По платью встречают, по уму провожают — этой пословицы не существует в Америке, во всяком случае, что касается первой ее половины. Труд — есть просто функция человека, все равно как отличительным свойством человека является то, что он ходит на двух ногах, а не на четырех, — это крепко сидит в сознании каждого американца. Нередко предприниматель трудится больше рабочего, а инженера вы с трудом отличите от рабочего — когда нужно, он

снимет сюртук, засучит рукава, наденет рабочую блузу и через минуту будет так же вымазан в масле и в саже, как и рабочий, которому взялся что - то показать. Рабочим организациям в Америке часто приходится бороться за соблюдение рабочих часов не с предпринимателем, а с самими рабочими, желающими заработать на сверхурочной работе. Я был свидетелем того, как однажды в одной мастерской едва не вспыхнула забастовка, так как хозяин не соглашался на одинаковое количество сверхурочных часов для всех категорий рабочих — между последними началось соревнование и предприниматель вынужден был распределить добавочную работу равномерно между всеми, чтобы удовлетворить всех. Часто с удивлением я наблюдал, как многие магазины — drug-stores, stationery, grocery — продолжали свою торговлю даже за полночь, — здесь за прилавками стоят сами собственники предприятия или члены его семьи; законодатель и не подумает в таких случаях вмешаться — это значило бы вмешаться в частную жизнь, а американец ни за чем так внимательно и подозрительно не наблюдает, как за вмешательством государства в сферу его частных интересов. Частная жизнь — это его святая святых.

Есть в характере американца какая то детская простота, даже наивность. Вы редко встретите в нем напыщенность или надменность; вот почему после первых же минут знакомства вы чувствуете себя так просто среди ваших новых американских знакомых — к каким бы слоям общества они не принадлежали. После первых же фраз ваш новый знакомый может положить вам на плечо свою руку или добродушно похлопать вас по колену — и вы не почувствуете в этом амикошонства. Детская простота американского характера проникает всю американскую жизнь, — некоторые даже видят ее в американской государственной системе — оригинальной, простой, логически прозрачной. Чувства и логические построения американца вообще чрезвычайно просты — между посылкой и выводом всегда очень короткое расстояние, тонких хитросплетений американец не любит. С этим связаны непредвзятость, отсутствие традиций и умственных шор. К каждому новому явлению американец подходит прямо и просто, стараясь схватить в нем главное и не стремясь вогнать его обязательно в какую - нибудь существующую классификацию, включить в систему. Немец - бы сказал, что американцы лишены дара систематики.

Этим чувством простоты и естественным желанием немедленно реагировать на элементарное чувство внешнего раздражения характеризуется поведение американца как в его частной жизни, так и в государственной. Такова его личная жизнь, такова и политика государства.

Я сидел однажды в Кливеленде в синематографе — показывали популярную фильму с участием одного из любимых в Америке артистов, Дугласа Фербэнкса — Зорро-мститель; фильма полна подвигов героя, который защищает слабых и обиженных и мстит сильным обидчикам. Аудитория в большинстве своем состояла из ребятишек — это было воскресное утро. Они бурно откликались — кричали от восторга и апплодировали при каждом подвиге главного героя, приветствовали справедливость и громким свистом встречали все проявления низости и несправедливости. Я уверен, что взрослые американцы в душе реагировали на все происходящее с той же непосредственностью, что и ребятишки, они были только сдержаннее их. Элементарное, естественное чувство справедливости свойственно каждому среднему американцу — на нем — в идеальном разрезе, конечно, — построена внешняя политика американского правительства, политический и

гражданский быт Америки. В частности, именно на этом чувстве элементарной справедливости в значительной степени построено все отношение Вашингтона к советской власти. Последние политические скандалы — в связи с нефтяной панамой — не являются опровержением: они отражают нравы американских политиканов, но не нравы американской политики, простые и самоочевидные принципы которой были провозглашены еще Авраамом Линкольном.

Черты детской простоты в американском характере известны всем, кто с американцами сталкивался. В частности, нигде не предоставлено такой свободы детям, как в Америке — это факт общеизвестный. И, несомненно, нигде не делается столько для детей — в школе и вне ее. Таких богатых, с такой заботой и любовью оборудованных школ, как в Америке, я думаю, нельзя найти нигде. «Все для детей»! — это, конечно, американский лозунг. Некоторые даже приходят к заключению, что детям здесь предоставляется слишком много — что они поэтому растут слишком самостоятельными или, как сказали бы в Европе, распущенными.

Нигде не видел я, чтобы взрослые умели так веселиться, как в Америке. Забаве они отдаются всей душой. Невольно думаю при

этом о маскарадном вечере, устроенном на пароходе, на котором сейчас возвращаюсь в Европу. Солидные американцы, выходившие к обеду в evening-dress, пожилые американки, щеголявшие в пароходном салоне своими платьями, вдруг превратились в детей. Пожилой негоциант, никогда не улыбавшийся за обедом, пришел в этот вечер на обед с усами à la Чаплин и был озабочен лишь одним, — как бы ему не проглотить их вместе с супом. Он выкидывал потом на палубе ко всеобщей потехе пассажиров самые уморительные колена. Седая старушка нацепила на голову какое-то удивительное сооружение из перьев и с самозабвением кружилась в хороводе одетых в маскарадные костюмы пассажиров, из которых каждый старался выкинуть что - нибудь посмешнее. Ни тени застенчивости или ломания — все забавлялись, как дети. Конечно, этими же детскими чертами психологии надо отчасти об'яснить, почему спортом увлекается вся Америка, а герои спорта — национальные герои Америки.

И можно ли быть уверенным, что это недостаток?

Американец реалистичен, он обеими ногами твердо стоит на земле. Он органически не понимает мистики, его голова никогда не бывает в облаках. Он живет для этой жизни

и вряд ли кто из американцев верит в загробную. Американцы очень религиозны и любят ходить в церковь — но я уверен, что там они молятся лишь о жизни в этом мире. Нигде вне Америки религия не связана так тесно с заботами о физическом здоровьи. Одна из распространеннейших религий в Америке — и, несомненно, по характеру своему, самая американская религия — это так называемая «христианская наука» — the christian science. Основной догмат этой религии: болезнь есть грех. Исповедание этой религии есть по существу борьба с болезнями, то есть борьба с грехом. Священники «христианской науки» являются вместе с тем врачевателями — однако их врачевание носит чисто духовный характер, лекарства не допускаются.

Факт — убедительнее его для американца ничего не может быть. Недаром национальной философией американцев является прагматизм, который в спиритуалистической Германии вообще даже не признается за философию.

Американец любовно привязан к земле — и вовсе не потому, что у его крыльев груз; нет, просто он сам не хочет с землей расставаться. Мне казалось раньше, что авиация должна быть любимым спортом американцев — тут есть все, что отвечает американским

требованиям: дерзание, новизна, риск, личная инициатива. Но я ошибся. Авиация в Америке в загоне — ею сравнительно мало интересуются. Не потому ли это, что не хотят отрываться от земли?

Реализм американца настолько силен, что он переходит в материализм. В области каких ценностей — духовных или материальных — ставит себе американец новые достижения? На этот вопрос двух ответов быть не может. И что понимает американец под культурой?Прежде всего и больше всего—культуру внешнюю, культуру материальных, осязаемых ценностей. Отсюда тяжеловесность, отсутствие эстетизма, отсутствие того, что дороже всего в человеческой жизни — отсутствие изюминки. Все должно быть прочно, основательно, материалистично. Духовный мир американца придавлен этим как каменной плитой. Материальное давно и окончательно победило в Америке духовное. Бог американцев — это Бог изобилия, плодородия, Бог плодов земных. Ему строят они свои дома-храмы, дома - капища. Для меня хватит сей жизни, надо добиться лишь того, чтобы прожить ее с наивозможнейшими удобствами и комфортом. Прогресс культуры есть лишь превращение роскоши в потребность.

Отсюда еще один принцип — принцип

efficiency. Это понятие трудно перевести. The efficiency — это производительность, наглядное доказательство успешности вашего труда. Если ваш труд не efficient, т. е. не производителен, он ничего не стоит. Доказать его производительность и его философскую полезность может лишь то количество материальных благ, которое является реальным результатом затраченной энергии. На всякий труд, который не дает непосредственных результатов, американец склонен смотреть, как на бессмысленный труд обезьяны, которая без толка и цели катает чурбан по двору. Труд должен быть оправдан, иначе он не нужен. И оправдан — созданием материальных ценностей. Все оправдывается лишь своей практической пригодностью в повседневной жизни. Если бы таблица умножения не имела практического значения, американцы отрицали бы, что дважды два четыре есть математическая истина, они вообще отрицали бы математику. The equal opportunity и the efficiency, то есть одинаковые шансы в жизни и производительность — два руководящих принципа американской культуры или того, что американцы понимают под культурой.

Третьим китом американизма является индивидуализм с частной инициативой.

Триста лет тому назад Америка родилась именно потому, что предки современных американцев не захотели подчинить свои религиозные .и политические взгляды тем общепринятым взглядам, которые тогда в Англии господствовали и имели тенденцию поглотить иные. Без гордого чувства независимости, самоуважения, чувства собственного достоинства — всех этих различных форм проявления индивидуализма — без них была бы невозможна американская революция, создавшая в Новом Мире новую нацию.

Частные интересы — на первом месте, только из них складывается общее, the community. Государство для индивидуума, а не индивидуум для государства — если эту формулу перевернуть,в Америке немедленно произойдет новая революция. Частный интерес, интерес индивидуума проходит через всю американскую жизнь, можно сказать — через всю историю Америки. Освобождение негров, которое было лишь поводом для гражданской войны, а не ее причиной, было лишь проявлением этого принципа, так как негр был также признана индивидуумом.

Как известно, социалистические идеи не пользуются в Америке популярностью, а социалистическое дивжение — успехом. Почему? Потому что, по мнению американцев, со-

циализм отрицает ценность индивидуума и индивидуальности. В их представлении социализм есть именно тот Левиафан - государство, который поглощает без остатка человеческую личность и индивидуальность. Почему в Америке в большинстве случаев либо ненавидят социализм, либо считают его детской затеей, неизбежно приводящей к пагубным результатам? Именно в силу общепризнанного в Америке примата частного над общим.

Американцы боятся государственного вмешательства в экономическую жизнь, в борьбу частных интересов. Социалистический Левиафан,по мнению американцев,обязательно пожрет индивидуума со всем,что в нем есть для американца прекрасным — инициативой, энергией, творчеством индивидуальности. Национализация промышленности, национализация business'a, что для американца еще страшнее—есть затея,по его мнению,наиболее нелепая, наиболее убийственная. Частная собственность есть основа и гарантия инициативы, без нея американец не представляет себе business. Частная собственность — это та атмосфера, в которой американец живет, работает, творит, созидает ценности. Социализм до тех пор не будет иметь успеха в Америке, пока для американцев не станет ясно, что он

может примириться с индивидуализмом. А когда они убедятся, что развитие человеческой личности, человеческой индивидуальности в наиболее полном виде возможно только при социализме, социализм в Америке станет популярен, как, может быть, нигде. Огромная ошибка была сделана пионерами американского социализма — немцами, которые перевезли в Америку социализм, как садовник перевозит для пересадки дерево. Социализм предстал перед американцами, как учение о солидарности интересов одного класса — класса трудящихся, против интересов другого класса — класса капиталистического. Это в стране, в которой вообще отрицают понятие класса, понятие общего! Понятно, такое учение здесь показалось большинству верхом нелепости. Социалистическую идею должно было привезти в Америку не в виде выросшего уже в европейских условиях дерева, а в виде семени. Оно должно было предстать перед американцами, как учение о защите интересов человеческой личности — и тогда его судьба была бы совершенно иной...

... Стучат колеса поезда. Железным скрежетом по прежнему полон каменный туннель Мангаттана. Hurry up! Hurry up! Выры-

вайте у жизни свой кусок счастья! Ловите свой fair chance! Будьте efficient! Утверждайте свою индивидуальность! Работать! Работать!

А дальше?..

Атлантический Океан

4 мая 1924

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Русское Устье. Изд. «Этнографического Обозрения», Москва 1914.

Очерки торговли на севере Якутской области. Изд. «Наука», Москва, 1916.

Из жизни революционера. Париж, 1919.

Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г. Сборник документов. Париж, 1919.

Dallo zarismo al bolscevismo. Ricordi d'un revoluzionario russo. Prefazione di L. Bissolati. Roma 1920.

Ze života revolutionáře. Praha 1921.

Русское Устье. Русское Универсальное Издательство. Берлинъ, 1921.

Нена. Берлинъ, 1925.

